

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ»

Е.В. БАЛАХОНОВА

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ: КАК ЭТО МОГЛО БЫТЬ

ИЗ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ
2003

ББК 65.02
Б 20

Балахонова Е.В.

Возрождение России: как это могло быть. Из истории отечественной экономической мысли. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. – 213 с.

Монография посвящена жизни и творчеству П.П. Мигулина (1870-1948 гг.) – видного экономиста, профессора Харьковского и Санкт-Петербургского университетов, члена Совета главноуправляющего землеустройством и земледелием, Совета Министра финансов, редактора-издателя журнала «Новый экономист». Дана общая характеристика научного наследия, прослежены основные вехи жизненного и творческого пути, рассмотрены социально-философские и аграрные воззрения учёного. Представлены его трактовка проблем российского сельского хозяйства рубежа XIX-XX вв. и созданная им программа возрождения аграрного сектора отечественной экономики. Выделены практические рекомендации учёного, которые могут использоваться в ходе современных социально-экономических реформ.

Монография предназначена для научных работников, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется историей отечественной экономической мысли.

Под редакцией канд. экон. наук, проф. **Г.В. Нинцовой**

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. **Б.А. Старков**

канд. экон. наук, доц. **А.В. Пешехонов**

ISBN 5-7310-1746-8

© Е.В. Балахонова, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Для России...нет важнее аграрного вопроса. Впрочем и всюду...этот вопрос перво-степенной важности, над ним многие века люди ломают головы и окончательно он, вероятно, разрешён никогда не будет. ...необходимо твёрдо усвоить...то положение, что все вообще меры, предлагаемые для решения аграрного вопроса, нельзя предпринимать изолированно, а непременно в их совокупности наряду с другими мерами, принимаемыми для подъёма благосостояния населения вообще.

П.П. Мигулин «Аграрный вопрос»

В третье тысячелетие Россия вступила, отягощённая грузом политических и экономических проблем, в числе самых серьёзных из них – аграрный вопрос. В нашей стране он относится к разряду вечных, очередное поколение учёных и политиков пытается сегодня найти эффективные способы его решения, при этом практически не используется богатейшее наследие отечественной экономической мысли. Между тем, во многом сходная с нынешней ситуация в аграрной сфере наблюдалась у нас на рубеже XIX-XX вв.; она породила обширную литературу, которая до сих пор недостаточно изучена; содержащиеся в ней рекомендации по выводу российского сельского хозяйства из кризиса не получили объективной оценки и воплощения в жизнь ни тогда, ни в дальнейшем.

В ряду выдающихся учёных-агроведов этого периода достойное место занимает Пётр Петрович Мигулин (1870-1948 гг.). Он принадлежит к числу немногих исследователей, рассматривавших проблемы российского сельского хозяйства комплексно и чрезвычайно широко, в контексте проводимой в стране социально-экономической и финансовой политики. Некоторые идеи учёного не потеряли своей актуальности до наших дней и могли бы с успехом использоваться в ходе проведения социально-экономических (в первую очередь аграрной и налоговой) реформ в современной России.

Эмигрировав из страны после событий 1917 г., Мигулин автоматически попал в чёрный список «активных пособников самодержавия» и «контрреволюционеров», его имя практически полностью исчезло из учебной и справочной литературы. Такие солидные издания, как «История русской экономической мысли» [41, с. 234-235, 256-257, 333] и «Всемирная история экономической мысли» [28, с. 199], отвели ему на своих страницах буквально несколько строк, отнеся, наряду с И.Х. Озеровым, П.Б. Струве, И.И. Левиным, в разряд «ярких апологетов финансового капитала и финансовой олигархии». «Большая Советская Энциклопедия» только в третьем

издании дала короткую справку о Петре Петровиче, включающую лишь сведения о дореволюционном периоде его жизни [13, с. 211]. Даже дату смерти учёного автору не удалось выяснить ни в одном из советских изданий и пришлось искать в периодической печати русской эмиграции.

В 1940-70-х гг. имя Мигулина упоминалось, как правило, в связи с предложенным им в 1905 г. проектом дополнительного земельного наделения крестьян [14, с. 39-40; 177, с. 208-210], другие аспекты экономических воззрений учёного оставались в тени. Однако в последнее время интерес к его трудам возродился, ссылки на приводимые в них данные всё чаще можно встретить в учебной и научной литературе [5, с. 279-280, 284, 286, 295-296, 301-302, 342-343, 347, 349-350; 30, с. 86, 89; 37, с. 223, 243; 43, с. 101, 103, 106; 176, с. 217; 185, с. 5, 142, 187, 196, 239; 186, с. 51, 267; 195, с. 12]. Несмотря на это детального анализа научного наследия Петра Петровича до сих пор не проводилось; историография не располагает целостными исследованиями его экономических воззрений. Правда, имеются диссертации по отдельным блокам вопросов или по одной из проблем народнохозяйственного развития России рубежа XIX-XX вв., содержащие упоминание о взглядах Мигулина и ссылки на его работы [166, с. 19; 183, с. 227-233].

Таким образом, данное исследование призвано восполнить пробел в изучении истории отечественной экономической мысли и является первой попыткой объективной оценки вклада, внесённого в российскую науку профессором Мигулиным. Необходимо отметить, что его экономические воззрения рассматриваются в контексте проводившейся в последней трети XIX – начале XX в. в России аграрной, социально-экономической и финансовой политики.

Основной базой исследования являются работы Мигулина, как изданные в дореволюционный период (1896-1913 гг.) в России известные научному сообществу и в различной степени им изученные¹, так и вышедшая в 1934 г. во Франции и впервые вводимая в научный оборот².

Ценным источником информации стали официальные документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, без которых было бы невозможно выяснить некоторые подробности жизни Мигулина и проследить его научную, педагогическую и служебную карьеру.

¹ «Аграрный вопрос», «Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты», «Война и наши финансы», «Настоящее и будущее русских финансов», «Регулирование бумажной валюты в России», «Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора», «Русский сельскохозяйственный банк. К вопросу о нуждах нашей сельскохозяйственной промышленности», «Экономический рост русского государства за 300 лет (1613-1912)»; газетные и журнальные публикации.

² «Русская аграрная проблема и сельскохозяйственная катастрофа в Советской России».

Среди них необходимо отметить материалы фонда Министерства народного просвещения¹; фонда Министерства финансов²; фонда Управления дворцового коменданта Министерства иностранных дел³; фонда Совета министров⁴; фонда А.В. Кривошеина⁵; фонда Петроградского комитета по делам печати⁶.

В работе также использованы немногочисленные, к сожалению, материалы личного происхождения: письма Мигулина, адресатами которых были главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин и член Государственного Совета П.А. Сабуров (находящиеся в фондах А.В. Кривошеина и П.А. Сабурова в Российском государственном историческом архиве), а также И.Х. Озеров (хранящиеся в фонде И.Х.Озерова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки).

В ходе исследования автором были изучены и материалы отечественной периодической печати конца XIX – начала XX в., представленной такими изданиями, как газеты «Голос Земли», «Киевлянин», «Новое время», «Речь», «Русские ведомости», «Русское слово», «Русь», «Слово», «Торгово-промышленная газета», «Экономическая газета», «Южно-русская сельскохозяйственная газета», журналы «Вестник Европы», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Записки Императорского Харьковского университета», «Критическое обозрение», «Народное хозяйство», «Новый путь», «Новый экономист», «Русская мысль», «Современник», «Труды Императорского Вольного Экономического Общества», «Учёные записки Императорского Казанского университета», «Университетские известия», «Экономист России». В них публиковались как работы самого Петра Петровича, так и рецензии на них, а также отклики на выдвигаемые им идеи и проекты. Кроме этого, в монографии отражены материалы зарубежных русских изданий: газет «Последние новости» и «Русские новости» (в которых содержится информация о жизни и дея-

¹ Ходатайства ректора Императорского Харьковского университета и попечителя Харьковского учебного округа; инструкция для занятий стипендиата Императорского Харьковского университета Мигулина; выписки из журнала Учёного комитета МНП; справки для инспекторского разряда; формулярные списки о службе Мигулина; проект статьи для включения в Высочайший приказ по гражданскому ведомству; переписка Департамента народного просвещения МНП с ректором Петроградского университета.

² Всеподданнейшие доклады министра финансов П.Л. Барка.

³ Секретные доклады Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петербурге.

⁴ Переписка председателя Совета министров с министром народного просвещения Л.А. Кассо.

⁵ Поданная на его имя Мигулиным докладная записка, содержащая основания устава Сельскохозяйственного банка.

⁶ Свидетельство на выпуск журнала «Новый экономист».

тельности Мигулина в эмиграции, а также траурное объявление по поводу его кончины) и сборника научных статей «Труды кружка К познанию России» (где опубликована его работа).

При проведении исследования использовались не только труды современников Мигулина: А.Д. Билимовича, М.И. Боголепова, Б.Д. Бруцкуса, С.Н. Булгакова, С.Ю. Витте, А.И. Воейкова, Л.И. Грасса, А.А. Кауфмана, В.А. Мякотина, И.Х. Озерова, М.И. Туган-Барановского, И.В. Чернышёва; но и работы современных историков экономической мысли: А.Л. Дмитриева, Э.Б. Корицкого, Г.В. Нинциевой, Л.Д. Широкограда; исследователей истории российских финансов, налогов и ценных бумаг: А.П. Погребинского, В.М. Пушкарёвой, Б.М. Сабанти, В.Л. Степанова, В.И. Таранкова, Б.А. Хейфеца; а также исследователей истории аграрного вопроса в России: А.М. Анфимова, С.М. Дубровского, В.С. Дякина, Т.М. Китаниной, А.П. Корелина, М.С. Симоновой.

Приведённый в обзоре перечень информационных источников позволяет достаточно полно раскрыть выбранную для исследования тему.

Основное внимание в работе уделено анализу аграрных воззрений Мигулина, что предполагает рассмотрение существовавших в конце XIX – начале XX в. в отечественном сельском хозяйстве проблем, ставших причиной его кризиса, и предлагаемых учёным путей выхода из сложившейся ситуации. В то же время чётко прослеживается обусловленность аграрных воззрений Петра Петровича его социально-философскими взглядами, что делает также необходимым и их изложение. Такой подход к рассмотрению поставленной проблемы определяет структуру исследования.

В первой главе «Творческая биография П.П. Мигулина» дана общая характеристика его научного наследия, прослежены некоторые подробности жизни, а также ключевые моменты научной, педагогической и служебной карьеры.

Во второй главе «Необходимость социального переустройства общества – центральная проблема российской экономической мысли рубежа XIX-XX вв.» дана краткая характеристика российской экономической мысли этого периода в целом и одного из ведущих на тот момент её направлений, сторонником которого был Мигулин, – социальной экономии (а именно – одного из её течений – государственного социализма); кроме того, проанализированы социально-философские воззрения учёного.

В третьей главе «Постановка аграрного вопроса в работах П.П. Мигулина» отражено видение учёным ключевых проблем русского сельского хозяйства рубежа XIX и XX вв., приведших его к кризису и сделавших необходимым проведение коренных реформ. Поскольку аграрные проблемы рассматривались Мигулиным чрезвычайно широко, в данной главе анализируются такие аспекты, как проведение во второй половине

XIX в. политики индустриализации страны и её последствия; земельный вопрос; влияние природно-климатических факторов на состояние аграрного сектора экономики; условия экспорта отечественной сельскохозяйственной продукции; кредитное обеспечение аграрного сектора экономики; финансовая политика государства и её результаты.

В четвёртой главе «Аграрная программа П.П. Мигулина» изложена созданная им программа возрождения отечественного сельского хозяйства, содержащая схему комплексных, затрагивающих не только данную отрасль реформ, включающих в себя направление в аграрную сферу иностранных кредитов и инвестиций, а также доходов от хозяйственной деятельности государства; преобразование существующей системы народного образования; решение земельного вопроса, нацеленное на увеличение производства продуктов питания; введение обязательного государственного страхования посевов от неурожая и проведение мелиоративных работ; осуществление мероприятий, нацеленных на облегчение условий экспорта отечественной сельскохозяйственной продукции; создание отлаженного механизма кредитной поддержки аграрного сектора экономики; проведение научно обоснованной финансовой политики. В завершение каждого параграфа данной главы выделены подходы к проблемам и предложения учёного, которые сохранили свою актуальность и могут быть использованы при проведении на современном этапе в России социально-экономических реформ.

Монография подготовлена в рамках диссертационного исследования на кафедре экономической истории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. Автор выражает глубокую признательность своему научному руководителю кандидату экономических наук, профессору Г.В. Нинцовой, а также заведующему кафедрой доктору экономических наук, профессору В.В. Круглову и возглавлявшему кафедру ранее доктору экономических наук, профессору Э.Б. Корицкому.

ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ П.П. МИГУЛИНА

Рубежи столетий, смена эпох зачастую бывают отмечены всплесками в развитии науки. Так было и в России конца XIX – начала XX в., экономическая мысль этого периода представлена целой плеядой талантливых учёных. К сожалению, позднее имена многих из них (особенно эмигрировавших из страны после событий октября 1917 г.) на долгие десятилетия были преданы забвению; только теперь мы открываем заново их труды и понимаем, как велик сделанный ими в науку вклад. Эта судьба постигла и Петра Петровича Мигулина. Сведения о нём отрывочны, их пришлось по крупицам собирать в различных изданиях, а также сохранившихся в архивах немногочисленных письмах и официальных документах. Тем не менее, попытаемся восстановить жизненный и творческий путь, пройденный этим незаурядным человеком.

Он родился 12 (по новому стилю – 25) августа 1870 г. в семье священника в Харькове. Начальное образование получил там же, во 2-й гимназии, после окончания которой в 1889 г. поступил на юридический факультет Императорского Харьковского университета. Пройдя полный курс наук на избранном им факультете, выдержал экзамен в Юридической испытательной комиссии при университете и её определением от 29 мая 1893 г. был удостоен диплома первой степени [11*, л. 27 об.]. Стремясь к получению новых знаний, молодой человек уехал за границу для завершения образования (главным образом, во Франции, Англии, Швейцарии и Австрии). Возвратясь на Родину, он некоторое время занимался адвокатурой, будучи помощником присяжного поверенного [202, с. 217].

Постепенно Пётр Петрович осознал, что юридическая практика не станет делом его жизни. В университете он увлёкся историей; его любимый учитель Михаил Мартынович Алексеенко сумел пробудить в нём интерес к экономическим дисциплинам (в рассматриваемый период экономического факультета в Харьковском университете не было, преподавание экономических дисциплин велось на юридическом факультете) и научной работе. За время учёбы студент Мигулин показал себя наилучшим образом и был выделен преподавателями и руководством университета среди других выпускников. Юридический факультет, основываясь на рекомендации ординарного профессора Алексеенко, подал ходатайство с просьбой оставить его на кафедре финансового права для подготовки к получению профессорского звания. В характеристике потенциального стипендиата говорилось, что он «обладает достаточным знанием языков немецкого и французского для чтения на них книг по соответственной специальности»; «имеет отличные отметки по предмету избираемой им кафедры и ближайше родственным с ним»; «ещё на втором курсе удосто-

ился похвального отзыва за сочинение "Княжеские церковные уставы", каковым сочинением доказываются его природные дарования, любовь и прилежание к науке»; а также «обладает способностью правильно и свободно выражать свои мысли и другими нужными в преподавании качествами» [4*, л. 71об.]. Совет университета, обсудив на заседании 17 февраля 1894 г. представление факультета, единогласно постановил: просить попечителя Харьковского учебного округа ходатайствовать перед министром народного просвещения о положительном решении данного вопроса, что и было им сделано. С 1 января 1895 г. Мигулин был оставлен на два года стипендиатом на кафедре финансового права [5*, л. 214-214 об.].

Следуя инструкции, составленной его научным руководителем, в 1895-1896 гг. он занимался углублённым изучением политической экономики, государственного права, теории финансов, финансового законодательства, финансовой статистики и частей народнохозяйственной политики, близко связанных с финансами. Для знакомства с экономическим бытом, политическим и финансовым строем зарубежных стран, а также для работы с материалами крупнейших библиотек он в этот период снова отправился в Европу, где посетил Турцию, Болгарию, Румынию, Венгрию, Хорватию, Чехию, Италию, Испанию, Португалию, Францию, Голландию, Бельгию и Германию. С той же целью Пётр Петрович путешествовал по России, побывав в Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе, Киеве, Ростове, Поволжье, на Кавказе, в Закавказье и Крыму [202, с. 217]. (Сделаем небольшое отступление и заметим, что современные аспиранты могут только позавидовать возможностям, которые предоставлялись в дореволюционной России магистрантам, оставленным при университетах «для приготовления к учёным степеням, а равно предназначаемым к отправлению за границу на казённый счёт».) Его научные занятия, ежегодные отчёты о которых рассматривались юридическим факультетом, а затем Учёным комитетом Министерства народного просвещения, были признаны успешными [6*, л. 116-116 об.; 208, л. 77-77 об.].

Пожалуй, именно этот период стал определяющим в формировании научного мировоззрения Мигулина. В дальнейшем он являлся не только приверженцем, но и пропагандистом передовых идей европейской экономической науки в нашей стране. Особенно отчётливо видно в его работах влияние социальной экономики, в частности, зародившегося и развивавшегося в её рамках государственного социализма. При этом ему не было свойственно слепое следование чужим теориям. Обладая глубокими знаниями в области новейших достижений западной экономической мысли, он выборочно использовал в созданной позднее концепции развития России, проведения в ней коренных социально-экономических реформ те разработки и предложения иностранных учёных, которые, с его точки зрения, могли

бы быть с успехом применены у нас. С уверенностью можно говорить о следовании им лучшим традициям отечественной экономической науки, о которых, относительно первой половины XIX столетия, писал один из советских исследователей российской экономической мысли И.Г. Блюмин: «Наиболее передовые русские писатели той эпохи не ограничивались простым изложением идей крупнейших западноевропейских экономистов, а творчески перерабатывали эти идеи, применяя их к специфическим условиям России» [8, с. 4].

Множество поездок, предоставляющих возможность работать в зарубежных библиотеках и архивах, совершенствовать владение иностранными языками, приобщиться к лучшим достижениям западных науки и искусства, способствовали также формированию Мигулина как человека европейской культуры, никогда, тем не менее, не ставшего космополитом, оставшегося на всю жизнь подлинным гражданином России, преданным её интересам.

В 1896 г. Пётр Петрович устно и письменно (представив сочинение «О пределах государственного вмешательства») выдержал установленный магистерский экзамен по финансовому праву и политэкономии. Тогда же в Харькове была опубликована его первая работа «Регулирование бумажной валюты в России», в которой, по отзыву члена Учёного комитета Министерства народного просвещения Л.И. Лаврентьева, он «обнаружил весьма обстоятельное знакомство с сим вопросом» [7*, л. 77].

Молодой учёный стремился к нахождению однозначных, обоснованных ответов на ряд вопросов: своевременно ли планируемое Министерством финансов восстановление металлического (золотого) обращения в России; насколько проработан и применим к нашим условиям подготовленный финансовым ведомством проект предполагаемой реформы?

Проведённый им анализ проекта и выдвигаемых против него в научных изданиях, а также периодической печати возражений позволил Мигулину прийти к следующим выводам:

1. Министерством финансов реализованы важные меры по подготовке окончательного регулирования нашей валюты: упрочен курс кредитного рубля и проведён закон о сделках на золотую валюту, что делает возможным обращение в стране звонкой монеты.

Торопиться же с окончательным регулированием не стоит. Необходимо время для уточнения ряда моментов: выяснения, в нашу ли пользу склоняется платёжный баланс, показателем чего станет прилив звонкой монеты из-за границы в Россию; достаточного заполнения, вследствие этого прилива, каналов внутреннего обращения, чем облегчится проведение предполагаемой реформы; более точного определения отношения кредитного рубля к золоту, в котором необходимо произвести фиксацию.

Фактор времени может сыграть нам на руку и в случае возможного понижения цен на золото, в результате чего отпадёт необходимость в девальвации. *«Поспешностью же проведения реформы можно только испортить то выгодное положение, в котором Россия теперь находится (курсив наш – Е.Б.)»* [118, с. 26].

2. Необходимо всеми возможными способами упрочить наш платёжный баланс. Из искусственных мероприятий целесообразными являются запрещение наследования к России иностранным гражданам (подобное ограничение существовало тогда в ряде европейских стран), а также погашение российских внешних займов за счёт свободных сумм Государственного казначейства и покупка находящихся за рубежом российских ценных бумаг за счёт средств сберегательных касс. Это упрочит отечественный кредит и уменьшит наши заграничные выплаты.

Требуется и проведение масштабных мероприятий для улучшения экономического положения населения: снижение взимаемых с крестьян платежей и изменение подрывающих благосостояние земледельцев способов их взимания; развитие низшего, среднего и высшего сельскохозяйственного образования; организация и развитие мелиоративного кредита; помощь сельским хозяевам в проведении мелиоративных работ; облегчение им перехода к производству более выгодных сельскохозяйственных продуктов и их сбыта; помощь рациональной организации хлебной торговли; правильная постановка переселенческого дела; отмена законов, тормозящих развитие ряда производств (например, закона о сахарной нормировке); снижение высоких, почти запретительных, тарифов на многие импортные товары; повышение уровня народного технического образования; развитие путей сообщения; совершенствование почтового дела; урегулирование фабричного законодательства.

3. Техническая сторона выработанного Министерством финансов проекта восстановления в России металлического обращения не вызывает особых возражений.

4. Опасения отлива всего золотого запаса за границу или в каналы внутреннего обращения не подтверждаются современным положением дел. Безусловно, необходимы умелая дисконтная политика банка и твёрдость Министерства финансов в обуздании спекуляции. При этом нельзя упускать из вида то обстоятельство, что состояние нашего платёжного баланса в настоящее время выяснено недостаточно, без чего *не может быть решён окончательно вопрос об удержании золотого обращения в стране* (курсив наш – Е.Б.).

Однако знаменитая теперь денежная реформа была спешно проведена, что привело к ряду негативных для российской экономики последствий: в сельском хозяйстве – произошло снижение цен на продукцию и за-

рабочей платы занятых в этой сфере работников, возросла арендная плата за землю, произошло резкое расслоение в крестьянской среде; в промышленности – к началу XX в. практически все её отрасли вступили в кризис, по стране прокатилась волна банкротств, в том числе ряда крупнейших предприятий. Предостережения, высказанные представителями науки ещё на стадии подготовки и обсуждения проекта реформы, не были услышаны властями, о чём впоследствии не раз сожалел Мигулин.

Сейчас же вернёмся к событиям 1896 г. В ноябре молодым учёным было подано прошение об оставлении его стипендиатом при университете ещё на один год, с целью дальнейшего, более детального изучения «подлежащих наук» и подготовки материалов, необходимых для написания магистерской диссертации [5*, л. 212-212 об.]. Юридический факультет, Совет университета, управляющий Харьковским учебным округом поддержали прошение, и 19 декабря 1896 г. оно было удовлетворено Министерством народного просвещения [11*, л. 27 об.-28 об.].

Следующий год был отдан не только научной работе: магистрант Мигулин начал свою преподавательскую деятельность. После того, как им были прочитаны пробные лекции на темы «Обложение акционерных компаний», «Казённая винная монополия и условия её осуществления в России», 8 октября 1897 г. попечитель Харьковского учебного округа разрешил допустить его в качестве приват-доцента к чтению лекций по кафедре торгового права [11*, л. 28 об.]. Надо отметить, что Пётр Петрович прекрасно справился с этой задачей; он оказался талантливым педагогом: быстро нашёл общий язык со студенческой аудиторией, его занятия вызывали живой интерес, их охотно посещали, иногда даже предпочитая занятиям других преподавателей. Так, в весеннем семестре 1897/98 академического года предполагалось параллельное чтение курса торгового права приват-доцентами В. Курдиновским и П. Мигулиным. Однако курс Курдиновского пришлось признать несостоявшимся, поскольку ни один из студентов на него не записался [202, с. 120]. Начиная с 1899 г., Пётр Петрович преподаёт ещё и финансовое право. Профессор Алексеенко уходит из университета, вследствие чего открывается вакансия на кафедре финансового права, и факультет поручает временно чтение лекций приват-доценту Мигулину. Надо сказать, что он не только читал лекции, но и проводил собеседования по торговому и финансовому праву; под его руководством студентами осуществлялась активная реферативная работа [60, с. 14-15].

Вместе с тем, всё это время Пётр Петрович усиленно работает над диссертацией. Предметом его научных интересов становятся история и современное состояние российского государственного кредита, Мигулин задаётся целью написать фундаментальную работу на эту тему. В значительной мере осуществлению поставленной задачи способствовало то, что в его

распоряжении оказались не только опубликованные, широко известные, но и архивные данные. Так, в 1898 г. он получает возможность, с разрешения ректора Киевского университета Св. Владимира, заниматься разработкой материалов в библиотеке, завещанной этому университету Н.Х. Бунге. Результатом проведённых изысканий стала магистерская диссертация под названием «Русский государственный кредит (1769-1899)», успешно защищённая в 1900 г. в Императорском Казанском университете. Оппонентами при этом выступили профессора П.А. Никольский и В.Ф. Залесский [202, с. 218]. 16 апреля 1900 г. Мигулин был удостоен юридическим факультетом названного университета учёной степени магистра финансового права, а 8 мая того же года утверждён в этой степени его Советом [11*, л. 30 об.].

Продолжается его карьерный рост: осенью 1900 г. юридический факультет Харьковского университета подал ходатайство о возведении приват-доцента Мигулина в звание исправляющего должность экстраординарного профессора по кафедре финансового права. При этом подчёркивалось, что он не только формально соответствует должности (имеет степень магистра по предмету занимаемой кафедры), но и «оправдал доверие факультета в деле преподавания порученных предметов», приобрёл «нужную опытность в чтении лекций и ведении практических занятий со студентами». Отмечалось, что усердное исполнение им своих обязанностей заслуживает поощрения. 12 августа 1901 г. последовало Высочайшее согласие [8*, л. 81-82, 86], и 8 сентября того же года, Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, назначение состоялось [10*, л. 120].

Параллельно с преподаванием Мигулин активно занимается наукой, исследуя историю русских финансов. Он пишет докторскую диссертацию, в работе над которой по-прежнему основной упор делает на собственный тщательный анализ как общедоступных сведений (содержащихся в отчётах Государственного контроля и отчётах нескольких казённых банков; Полном собрании законов; Собрании узаконений и распоряжений правительства; «Вестнике финансов, промышленности и торговли»; «Ежегоднике Министерства финансов»; сборниках сведений по Министерству путей сообщения и т.д.), так и неопубликованных на тот момент материалов. В частности, в 1900 г. он едет в Петербург для работы в архиве Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов (разрешение на это было дано возглавлявшим в то время финансовое ведомство С.Ю. Витте). Надо сказать, что Пётр Петрович был в числе немногих, получивших доступ к официальным документам. Как отмечал один из виднейших представителей российской финансовой науки А.И. Буковецкий: «Можно перечислить поимённо тех, кто имел возможность после непосредственного знакомства с подлинным официальным делопроизводством писать о денежном обращении. За двадцать лет (1894-1914 гг.) два лица,

посторонние Министерству Финансов: В.Т. Судейкин и П.П. Мигулин, были допущены в архив Кредитной Канцелярии» [61, с. V].

Готовую диссертацию «Русский государственный кредит (1769-1899). Т. II. Министерство И.А. Вышнеградского» (являющуюся логическим продолжением его магистерской работы) Пётр Петрович представляет на юридический факультет Императорского университета Св. Владимира в Киеве, где и защищает её при оппонировании профессоров Н.П. Яснопольского и Н.М. Цытовича. 14 декабря 1901 г. Совет университета утверждает его в степени доктора финансового права [11*, л. 31 об.].

Забегая вперёд, скажем, что, реализуя свой замысел, в период с 1899 по 1907 г. Мигулин опубликовал три тома (причём третий том состоит из пяти выпусков) детального исследования «Русский государственный кредит (1769-1906)», анализирующего положение дел в этой сфере, начиная со времён Екатерины II и заканчивая министерством С.Ю. Витте. Магистерская и докторская диссертации включены автором в этот труд в качестве первого и второго томов.

Результаты проведённого учёным исследования получили высокую оценку современников. Так, уже в рецензии на первый том «Русского государственного кредита», опубликованной в 1900 г. журналом «Народное хозяйство», её автор, профессор Санкт-Петербургского университета В.А. Лебедев характеризовал труд Мигулина как «несомненно, выдающееся явление в нашей финансовой литературе» [59, с. 168]. В отзыве, сделанном в 1902 г., на второй том «Русского государственного кредита» профессор Киевского университета Св. Владимира Н.П. Яснопольский признавал разбираемое им исследование *«очень ценным вкладом в русскую финансовую науку и по живому интересу для современности его темы, и по огромному количеству затраченного автором труда, и по научности его приёмов, и по самостоятельности...»* [203, с. 58]. Позднее, в 1913 г., говоря о законченной трёхтомной работе, ещё один представитель отечественной финансовой науки, профессор Л.В. Ходский отмечал, что Пётр Петрович «обогастил финансовую литературу незаменимым капитальным трудом, посвящённым русскому государственному кредиту...» [Цит. по: 168, с. 19].

Действительно, в решении многих задач Мигулин был первым. С выходом в свет его работы отечественная финансовая наука обогатилась отсутствовавшей до тех пор полной историей российского государственного кредита. Он внёс неоценимый вклад в анализ деятельности отдельных руководителей финансового ведомства и её результатов. В частности, как подчёркивал в упомянутом ранее отзыве Н.П. Яснопольский: «Задача, которую поставил себе автор во II-м томе – исследовать *все* кредитные операции в министерство Вышнеградского в связи с его мероприятиями

по финансовому ведомству – ещё *впервые* делается предметом научной *монографии*, специально ему посвящённой...» [203, с. 45].

Многие факты новейшей финансовой истории России в области государственного кредита, благодаря имевшейся возможности работать с архивными материалами и официальными документами, учёный впервые сделал всеобщим достоянием, что и ставили ему в заслугу, в частности, в рецензии «Русской мысли» на монографию «Выкупные платежи. К вопросу об их понижении» (отдельное переработанное и дополненное издание первого тома «Русского государственного кредита»), поскольку «в подобных вещах популяризация иногда имеет даже большее значение, чем самое исследование, так как через неё вопрос разъясняется для общественного мнения и на него устанавливаются в обществе более определённые взгляды» [169, с. 296].

Профессор не ограничился лишь изложением истории возникновения и развития российского государственного долга. Он уделил большое внимание выяснению причин выгоды или убыточности рассматриваемых им кредитных операций, сравнивая при этом процессы, происходящие в сфере российского государственного кредита, с аналогичными явлениями в области государственного кредита развитых европейских стран и США. Мигулин также сделал ряд критических замечаний по поводу осуществляемых в области финансовой политики мероприятий, привёл практические рекомендации, указывая при этом, реализация каких мер была бы рациональна в тех или иных условиях. В своих оценках он обнаружил известную самостоятельность, в то же время демонстрируя знание трактовки проблемы в отечественной, а также зарубежной научной литературе и периодической печати.

Тем не менее, теоретические аспекты затрагивались автором только в контексте рассматриваемых им вопросов. Однако, отвечая на упреки критиков, он подчёркивал, что это не являлось следствием недоработки, а входило в его замысел. В предисловии к пятому выпуску третьего тома «Русского государственного кредита» Мигулин писал: «Чисто *теоретическая* разработка вопроса в данный труд не вошла и войти не могла» [128, с. VI]. Подробно изложить свои теоретические воззрения он хотел в подготовленной к публикации монографии «Основные начала финансовой науки», которая, к сожалению, так и не вышла в свет. Остаётся надеяться, что она не погибла, а была вывезена учёным в эмиграцию и сейчас, предположительно, находится среди его бумаг в Бахметьевском архиве при Колумбийском университете США [204, с. 321].

К заслугам Петра Петровича надо отнести то, что он способствовал закреплению в науке нового, более широкого подхода к понятию государственного долга, включив в его состав, например, гарантированные госу-

дарством займы частных железнодорожных обществ. На это указывал всё тот же Яснопольский: «В рассматриваемом сочинении...кредитные операции обнимаются с такою *полнотою*, с какою до него они ещё никогда не рассматривались в русской финансовой науке» [203, с. 45]. Впрочем, подход Мигулина к проблеме государственного долга не сразу и не безоговорочно был принят научным сообществом. Оппонент на защите его магистерской диссертации – профессор Казанского университета П.А. Никольский считал мнение диссертанта по данному вопросу одним из недостатков работы: «...автора можно упрекнуть в том, что он не основательно ввёл в своё изложение рассказ о некоторых явлениях, которые не следовало бы относить к государственным долгам. Так, совсем нельзя согласиться с автором в том, что гарантированные правительством акции и облигации железнодорожных обществ являются государственным долгом...» [149, с. 3].

Новый подход к составу государственного долга повлёк за собой уточнение его размера; Мигулин уделил особое внимание полноте и правильности расчётов, связанных с кредитными операциями. Имевшиеся в его распоряжении материалы были подвергнуты учёным тщательной разработке: сопоставлению полученных из различных источников данных, их критической оценке, проверке сделанных ранее другими исследователями вычислений, проведению собственных расчётов. Он не без основания придавал большое значение точности подсчётов для выработки правильной оценки выгодности или убыточности кредитных операций. В результате им был составлен подробный перечень российских государственных долгов, объём которых в его исчислении превышает сумму, приводимую другими авторами.

Одной из характерных черт Мигулина-учёного было понимание значимости статистических материалов для теоретического исследования и выработки практических рекомендаций по тому или иному экономическому вопросу. Анализом какой бы проблемы он ни занимался, Пётр Петрович всегда стремился к объективности, достижению которой способствовало то, что свои выводы он делал (как уже отмечалось ранее) на основе всестороннего рассмотрения не только общеизвестных, но и архивных материалов. Это качество было заложено и развито в нём М.М. Алексеенко, который с начала научной карьеры ориентировал своего ученика на то, что «параллельно с усвоением теоретических обобщений надлежит основательно знакомиться с финансовым законодательством важнейших государств и финансовою статистикою, чтобы *застраховать себя от увлечения универсальными научными положениями и универсальными лекарствами* (курсив наш – Е.Б.)» [4*, л. 72].

Обилие фактического материала и цифровых данных в работах Мигулина не просто отмечалось его критиками, но и, бывало, ставилось в уп-

рёк автору. Так, в рецензии на монографию «Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893-1902)» (отдельное издание второго выпуска третьего тома «Русского государственного кредита»), помещённой в 1902 г. в «Вестнике Европы», подчёркивалось: «Богатство фактических данных характеризует вообще все работы г. Мигулина, но иногда из достоинства оно делается недостатком, отодвигая как бы на второй план теоретическую основу исследуемых вопросов» [170].

Тем не менее, Пётр Петрович не изменил собственных взглядов и в дальнейшем широко использовал статистические данные в своих работах, считая этот источник информации чрезвычайно важным для объективной оценки экономического положения страны, формирования и корректировки проводимой правительством экономической политики. В одной из статей, анализирующей состояние внешней торговли России в 1905 г., он писал по этому поводу следующее: «Изучение данных нашей внешней торговли многое дало бы...руководителям нашей экономической политики, если бы они умели понимать язык цифр» [71, с. 49]. Эту точку зрения разделял позднее А.И. Буковецкий, указывавший в 1927 г. на то обстоятельство, что «между собранной массой статистических цифр и населением нет связи», и утверждавший в связи с этим: «Мы могли бы гораздо лучше знать нашу страну и могли бы во многих практических мероприятиях идти не наугад, не ощупью, а совершенно уверенно, по знакомой дороге, если бы у нас было желание и умение выбрать из груды статистических цифр то, что для нас является интересным...» [Цит. по: 199, с. 15].

Пожалуй, только сейчас «чрезмерная любовь» Мигулина к цифрам получила достойную оценку со стороны учёных, занимающихся кредитной историей России. Для примера процитируем автора одноимённой книги Б.А. Хейфеца: «Лучшую, на наш взгляд, статистику по всему государственному долгу России, которой пользуется большинство других исследователей, приводит в своей монографии П.П. Мигулин (Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Харьков, 1907)» [195, с. 12]. Позволим себе и мы присоединиться к этому мнению. Если же принять во внимание то обстоятельство, что архив Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов не сохранился до наших дней, то ценность работы профессора не будет подвергаться сомнению.

В 1902 г. Мигулин снова отправляется в Петербург для работы в различных архивах Министерства финансов (в основном Кредитной канцелярии и Железнодорожного департамента). Однако материалы для своего исследования Пётр Петрович собирал не только в России: в 1900-1904 гг., продолжая изучать финансовые системы европейских государств, он часто бывал за границей (преимущественно во Франции, Швейцарии, Швеции, Норвегии и Дании) [202, с. 218].

В марте 1902 г. декан юридического факультета ходатайствует о назначении Мигулина ординарным профессором по кафедре финансового права. Представление сопровождалось лестным заключением о достоинстве его научных работ, сделанным профессором кафедры политической экономики того же университета В.Ф. Левитским [9*, л. 57-58]. Попечитель Харьковского учебного округа поддержал ходатайство, затем оно было удовлетворено Министерством народного просвещения [3*, л. 84, 87]. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 24 апреля 1902 г. последовало назначение, а через полтора года (24 ноября 1903 г.) вышел Высочайший приказ, утвердивший Мигулина «по должности ординарного профессора в чине статского советника» [11*, л. 31об.-32 об.].

К этому же времени относятся изменения в организации студенческих учреждений: в университетах вводятся профессорский суд (для рассмотрения дел о нарушении учащимися порядка в здании университета, об их предосудительных поступках, о конфликтах между ними и преподавателями или должностными лицами) и кураторство. В 1902/3 академическом году Мигулин избирался Советом университета кандидатом в судьи, а в 1903/4 и 1904/5 – куратором на юридическом факультете [56, с. 267]. Его научная и педагогическая деятельность получили заслуженную оценку: он был удостоен наград, относившихся в дореволюционной России к разряду высших, – ордена Святой Анны II степени (в январе 1904 г.) и ордена Святого Владимира IV степени (в январе 1908 г.).

Большое внимание учёный уделял извечной проблеме, занимающей важнейшее место в социально-экономической и общественно-политической жизни России, – аграрному вопросу. Он не относился к числу тех, кто рассуждал на эту тему, выдвигая свои предположения и предложения, зная о проблемах сельского хозяйства лишь в теории. Его аграрные воззрения формировались в большой степени под влиянием собственного опыта, Мигулин был землевладельцем-практиком: ему принадлежало расположенное в Курской губернии имение Долбино, где он старался по возможности чаще бывать, уделяя много времени ведению его дел. Как писал профессор в предисловии к одной из своих книг: «Автор, сам сельский хозяин средней полосы России, хорошо знаком с крестьянским бытом и свои пожелания для решения аграрного вопроса черпал в беседах с крестьянами, ибо то, что может казаться нам *хорошим* и благотворным для крестьян, самим крестьянам может показаться весьма горьким и неприятным» [108, с. IX].

В 1902 г. учёный опубликовал брошюру «Русский сельскохозяйственный банк. К вопросу о нуждах нашей сельскохозяйственной промышленности», содержащую разработанный им проект одноимённого банка, целью которого ставилась организация экспорта отечественной сельхозпродукции (подробно данный вопрос будет рассмотрен в пятом параграфе

четвёртой главы нашего исследования). Вскоре он представил свою работу С.Ю. Витте, возглавлявшему Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в рамках которого предстояло рассмотрение вопросов организации мелкого кредита и хлебной торговли. Со стороны Витте проект вызвал весьма прохладное отношение: он не только не был внесён на обсуждение Совещания, но даже не упоминался в опубликованном «Вестнике финансов» перечне поступивших на рассмотрение совещания материалов.

Однако, как предполагает в своей работе, посвящённой кредитному обеспечению российского сельского хозяйства на рубеже XIX-XX вв., видный отечественный историк В.С. Дякин [40, с. 125], Мигулин уже в этот период был связан с определёнными бюрократическими кругами, поэтому Витте не просто «положил под сукно» проект Сельскохозяйственного банка, а посчитал необходимым подготовить опровергающие его отзывы. В материалах совещания по вопросам организации мелкого кредита и хлебной торговли содержатся одинаково озаглавленные критические «Отзывы о брошюре проф. П.П. Мигулина "Русский Сельскохозяйственный Банк"», сообщённые членом Совета Государственного банка И.И. Кауфманом [45] и товарищем управляющего Государственным банком С.И. Тимашевым [188]. В личной же беседе Витте сообщил учёному, что его записка не была заслушана Совещанием, поскольку ко времени её представления министерские проекты по народному мелкому кредиту были уже подготовлены.

Мигулин продолжал пропагандировать свою идею, в том числе и на официальном уровне (начиная с 1907 г., когда был назначен членом Совета главноуправляющего землеустройством и земледелием [151, стб. 449]). В феврале того же 1907 г. возглавлявший сельскохозяйственное ведомство и поддержавший предложение Мигулина Б.В. Васильчиков представил в Совет министров записку о реформировании существующей системы аграрного кредита, в которой говорилось о необходимости создания Сельскохозяйственного банка. К ней был приложен примерный устав проектируемого кредитного учреждения, совпадающий с опубликованным Петром Петровичем в 1902 г. Предложение Васильчикова вызвало резкое противодействие со стороны Министерства финансов и было отклонено. (Отношения ведомств земледелия и финансов в рассматриваемый период были и без того напряжёнными; возглавлявший последнее В.Н. Коковцов писал позднее в своих мемуарах: «Особенно трудно мне было в тот короткий промежуток времени, когда министром земледелия был кн[язь] Б.А. Васильчиков, а на правах товарища его состоял профессор Мигулин, приуроченный министром именно к бюджетной работе» [50, с. 243]. Причиной споров становилось стремление Мигулина и Васильчикова получить большее количество

кредитов на нужды своего ведомства, с одной стороны, и нежелание Коковцова удовлетворить их запросы – с другой.)

Спустя некоторое время руководимое уже А.В. Кривошеиным Главное управление землеустройством и земледелием подготовило проект Сельскохозяйственного банка, для рассмотрения которого в мае 1910 г. было созвано межведомственное совещание (в его состав вошли представители Министерств финансов, внутренних дел, торговли, юстиции, ведомства земледелия, а также Госконтроля и Госканцелярии); председательствовал на нём А.В. Кривошеин. Мигулин как член Совета главноуправляющего землеустройством и земледелием принимал участие в работе совещания. В его рамках состоялось семь заседаний, на которых проект подвергся детальному обсуждению и доработке, предполагалось, что к осени он уже поступит в законодательные органы. Однако и в этот раз финансовое ведомство в лице товарища министра финансов Н.Н. Покровского заявило о «принципиальном разногласии с ГУЗиЗ о необходимости учреждения сельскохозяйственного банка» [182, с. 13], и дело снова закончилось ничем.

Видя тщетность усилий, направленных на организацию Сельскохозяйственного банка с участием государства, Мигулин предпринял попытку создания частного кредитного учреждения с той же целью – содействовать организации экспорта отечественной сельскохозяйственной продукции. Наряду с членом Госсовета А.И. Мосоловым, членами Госдумы А.А. Бобринским, А.Д. Голицыным и А.П. Урусовым, губернскими предводителями дворянства: полтавским – Н.Б. Щербатовым и екатеринославским – Н.П. Урусовым, кандидатом прав Г.П. Сазоновым и Дж. Вишау, он выступил учредителем Всероссийского банка для хлебной торговли [153, с. 316-317], устав которого был утверждён В.Н. Коковцовым 13 апреля 1910 г.

4 июня 1911 г. были выбраны Правление и Совет банка, сделан первый взнос по его акциям (складочный капитал определялся в 5 млн руб. и заключался в 20 тыс. акций, по 250 руб. каждая). Отечественные капиталисты встретили новое предприятие довольно скептически, желающих вложить свои средства в это дело нашлось немного, и большую часть акций приобрёл английский трест «Imperial and foreign corporation», в состав которого входили Шотландский банк, Ллойдс банк, «Братья Боултон и К⁰» и др. компании [138, с. 2]. 15 ноября 1911 г. банк приступил к работе.

Если уж для российских капиталистов дело организации и развития отечественной хлебной торговли оказалось не слишком интересно, то ждать этого от иностранцев и вовсе не приходилось. Выкупив устав банка, англичане переименовали его в Русско-Английский; он успешно действовал до 1917 г. (складочный капитал увеличился вдвое), принимая, помимо прочего, «поручения и приказы на выписку в Россию всякого рода товаров, обращающихся на рынках Великобритании и её колоний». Надо признать,

оптимизм Мигулина, надеявшегося на то, что «частные лица поймут собственную выгоду, поймут, что в земледельческой стране, вывозящей одного зерна почти миллиард пудов в год, самая выгодная операция – это торговля хлебом. Особенно должны понять это англичане: Англия – главный потребительный рынок для привозного хлеба со всего мира» [138, с. 3], был совершенно не оправдан. Далеко не все задачи государственного значения могут быть решены при помощи частной инициативы (справедливости ради необходимо отметить, что это обстоятельство Пётр Петрович всегда прекрасно понимал, именно поэтому он настаивал на широком участии государства в экономике, активной поддержке им отечественного сельского хозяйства), и ещё менее надо надеяться в их решении на иностранную помощь (в любой её форме): каждое государство и его граждане на первый план ставят, что совершенно естественно, именно свои интересы.

Ещё одна попытка учредить Сельскохозяйственный банк с участием государства была предпринята в 1914 г. Эту идею поддержал новый министр финансов П.Л. Барк, заявивший 22 апреля в своей бюджетной речи, произнесённой в Государственной думе, что «в первую очередь нужно поставить вопрос о создании особого банковского учреждения, которое придёт на помощь сельскохозяйственной России» [57, с. 156]. По поручению А.В. Кривошеина Мигулин подготовил «Основания устава сельскохозяйственного банка» [17*]. В июле (10 и 14 числа) в Министерстве финансов состоялось два заседания, посвящённых выяснению основных вопросов организации сельскохозяйственного кредита; Пётр Петрович принимал в них участие. И опять дело закончилось безрезультатно.

Изложив «банковскую эпопею», вернёмся к событиям 1905-1907 гг. Революция с новой остротой поставила крестьянский вопрос и вызвала к жизни ряд проектов его решения: так, кадеты предлагали частичную, а трудовики и большевики полную национализацию земли. Партия октябристов, членом которой состоял Мигулин, решительно выступила против них. Отметим, что Пётр Петрович (наряду с Г.А. Крестовниковым, Д.С. Косовичем, К.Э. Линдеманом, Н.Ф. Рихтером и др.) принимал активное участие в разработке аграрной части программы «Союза 17 октября» [198, с. 62]. В 1905 г. он получил поручение консервативных кругов составить проект дополнительного наделения крестьян [201, с. 594] и осенью выступил с предложением начать немедленное, если потребуется, то и принудительное, отчуждение (при справедливом вознаграждении) в их пользу половины принадлежащих помещикам сельскохозяйственных угодий (взгляды учёного на эту проблему будут освещены во втором параграфе четвёртой главы нашего исследования). Составленный им проект (поданный 15 ноября на имя Николая II и обсуждавшийся в Совете министров) приобрёл широкую известность ещё до того, как профессор представил свои предложения в правящие

сферы. Произошло это благодаря опубликованному им в газете «Слово» ряду статей, в которых подробно излагались взгляды автора на то, каким образом может быть решён в России аграрный вопрос (позднее, в 1906 г., они были объединены и изданы отдельной книгой с одноимённым названием).

Страницы этой газеты неоднократно использовались Мигулиным для критики деятельности, а точнее сказать, бездействия С.Ю. Витте на посту председателя Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (где, по мнению учёного, он впервые обнаружил полное отсутствие творчества и понимания истинных государственных задач), а также проводимой правительством в период его премьерства финансовой и экономической политики. Впрочем, как отмечал в письме к Витте сам Мигулин, делал он это не ради личных нападков на главу кабинета министров. Его выступления были вызваны неустойчивой и непоследовательной деятельностью правительства, крупные ошибки которого «не могут не огорчать до глубины души всякого, кто болеет русскими интересами и благо родины ставит выше всех личных выгод и удобств» [111, с. 157-158]. Однако Сергей Юльевич не верил в искренность его слов и крайне нелицеприятно отзывался о профессоре в своих воспоминаниях [22, с. 187-188, 537].

Отношение Витте к Мигулину и передавшему его предложения Николаю II дворцовому коменданту Д.Ф. Трепову (также являвшемуся оппонентом графа) сыграло роковую роль при рассмотрении проекта разрешения крестьянского вопроса. Среди власть имущих он был поддержан лишь Треповым и единогласно провален в Совете министров. Через некоторое время после этого была образована комиссия под председательством главноуправляющего землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлера, который вскоре сказал премьер-министру, что «чем глубже он занимается вопросом о дальнейших мерах по крестьянскому землевладению, тем больше он приходит к убеждению в неизбежности некоторого принудительного платного отчуждения в пользу крестьян...» [22, с. 190]. В итоге разработанный комиссией под руководством Кутлера проект принципиально не отличался от проекта Мигулина и повторил его судьбу.

Осенью 1906 г. Пётр Петрович вошёл в состав организованного Г.П. Сазоновым частного Совещания по вопросу орошения водами Амударьи Закаспийской области, с целью развития в этом районе хлопководства. Был выработан проект, одобренный комиссией под председательством П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Важность поднятой Совещанием проблемы и необходимость её решения не вызывали сомнения у многих представителей официальных властей, общественных деятелей и ведущих учёных того времени, в частности Д.И. Менделеева, согласившегося возглавить намечаемое дело [145, с. 462-463].

Ко времени первой русской революции относится и начало популяризации Мигулиным идеи об обязательном государственном страховании посевов от неурожая (его взгляд на данную проблему будет подробно изложен в третьем параграфе четвёртой главы нашего исследования). Судьба составленного им проекта (как и проекта Сельскохозяйственного банка) не была лёгкой. Вопрос о необходимости введения такого страхования был поднят учёным в периодической печати летом 1905 г. В сентябре его поддержала часть делегатов съезда земских и городских деятелей, а в феврале 1906 г. эту меру приветствовала комиссия от съезда сельских хозяев, включившая её в своё постановление по земельному вопросу (в редактировании которого Мигулин принимал участие) [162, с. 156-157]. В начале того же 1906 г. он выступил с докладом по данному вопросу в Собрании экономистов в Петербурге, просьба о таком же докладе в Клубе общественных деятелей поступила от группы членов Госсовета в апреле 1907 г. В этом же году главноуправляющий землеустройством и земледелием Б.А. Васильчиков включил страхование сельскохозяйственных посевов в ряд мер по решению аграрного вопроса. Однако, несмотря на столь масштабное обсуждение проблемы, до практической реализации всё никак не доходило.

К вопросу вернулись в 1911 г., когда Россия переживала очередные неурожай и голод. Отзывы на предложение Мигулина были опубликованы профессорами М.И. Боголеповым [11] и А.И. Воейковым [26], откликнулась на него и официальная «Торгово-промышленная газета» [159, 160]. При этом не только не высказывали принципиальных возражений против самой идеи страхования, но и поддерживали её, однако все заостряли внимание на сложности организации подобного дела, и эта идея учёного также осталась на стадии проекта и его обсуждения.

В 1905 г. Пётр Петрович выпустил отдельным изданием «Война и наши финансы» статьи, опубликованные за год до этого в газете «Русь». В нём существенная доля внимания автора была уделена, помимо разработки заявленной в названии финансовой темы, освещению геополитических вопросов. Одной из ошибок российского правительства он называл ожидание в то время, когда другие народы проводили политику империализма. Мигулин подчёркивал, что с империализмом необходимо считаться как с фактом: «Пусть с точки зрения права и морали империализм явление нежелательное как политика эгоизма, самоудовлетворения, как возрождение идей меркантилизма, что же можем сделать мы против этого мирового и грозного для нас движения? Только вооружиться тем же оружием...» [73, с. VI]. Он считал, что идея империализма для русских, при нашей лени, косности, пассивности, развитии космополитических идей, благотворительна тем, что зовёт к энергичной работе, заставляет стряхнуть вечное проклятие – обломовщину.

Учёный указывал на то обстоятельство, что дальнейшее поступательное движение России возможно только при условии проведения радикальных и всесторонних внутренних реформ, направленных на подъём производительных сил её народа, и предлагал свой вариант данных преобразований (о сути которого мы подробно поговорим в четвёртой главе нашего исследования). При этом государство не может отказаться от внешней политики, сосредоточившись только на внутренних проблемах: «И внешняя, и внутренняя политика находятся во взаимодействии весьма тесном. А у нас большинство печати стоит именно на однобокой точке зрения: или только внешняя политика, внешний престиж, внутри же произвол и нищета, или, наоборот, только заботы о внутреннем правопорядке и народном просвещении без широкой постановки вопроса о поднятии производительных сил страны и без всякой внешней политики» [73, с. VIII]. И сегодня, спустя почти сто лет, эта характеристика не потеряла своей актуальности.

Пётр Петрович писал и о том, что перед творчеством у нас преобладает критика, часто доходящая до самых крайних пределов, до отрицания возможности чего-либо положительного в России. Пинающие с наслаждением свою Родину к тому же не желают слышать кого-либо, помимо себя: «Терпимости к чужому мнению мы ещё не знаем, хотя и усердно проповедуем свободу слова. Этой свободы мнения у нас хотели бы только для себя, но не для других, и в этом наши крайние партии вполне сходятся и равно друг к другу нетерпимы» [73, с. IX].

Возвращаясь к проблеме финансовой политики государства, которая рассматривалась в данной книге, отметим, что в 1905 г., когда она вышла в свет, Мигулин принимал участие в работе Комиссии о подоходном налоге под председательством Н.Н. Кутлера, а в 1908 г. им была составлена для Финансовой комиссии Госдумы посвящённая данному вопросу записка, содержащая предложения по реформированию отечественной налоговой системы и расходованию полученных в результате этого средств [135] (подробно воззрения учёного по данной проблеме будут изложены в шестом параграфе четвёртой главы нашего исследования).

Начиная с 1907 г. (со времени вхождения в Совет главноуправляющего землеустройством и земледелием) Мигулин по долгу службы всё чаще и на более продолжительное время приезжает в Петербург [20, с. 491; 21, с. 514]. 21 сентября 1908 г. под председательством инженер-генерала Н.П. Петрова учреждается Особая высшая комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России, войдя в состав которой (не с момента создания, а несколько позже, заняв место скончавшегося С.С. Бехтеева), он принимает участие в инспектировании железных дорог на местах [151, стб. 449]. Предложение стать членом этой комиссии не было случайным: финансовые аспекты строительства и экс-

плуатации железных дорог были предметом тщательного исследования Петра Петровича ещё со времён работы над магистерской диссертацией.

Несмотря на новые обязанности, связанные с этим всё возрастающую нагрузку и необходимость длительного пребывания в столице, Мигулин не оставляет научной работы и преподавания в Харьковском университете, а в 1910-1911 гг., на время летних каникул, командировается им за границу [11*, л. 33 об.]. И всё же наступает момент, когда учёный покидает родной город: в декабре 1911 г. он был переведён ординарным профессором Императорского Санкт-Петербургского университета по кафедре финансового права [158, с. 9, 30]. Начинается петербургский период его жизни.

Назначение было произведено министром народного просвещения Л.А. Кассо в обход избрания Университетским советом. Это обстоятельство, подрывающее автономное управление университетом, вызвало недовольство части профессуры и протесты радикально настроенных студентов. Как и другим назначенным профессорам (в числе которых, помимо Мигулина, были также Пиленко и Удинцев), Петру Петровичу была устроена забастовка: его первая лекция сорвана, а на состоявшейся после этого сходке принята резолюция с предложением профессору подать в отставку. Надо сказать, что далеко не все студенты поддерживали бойкот. Часть из них обратилась к Мигулину с просьбой продолжить занятия, и вторая лекция состоялась в специально отведённой для этого ректором Э.Д. Гриммом аудитории старого Физического института [167, с. 10].

Волнения продолжались, и профессор, не желая обострять ситуацию, а также учитывая желание ректора дать студентам возможность успокоиться, временно прекратил чтение лекций. Затем он предложил устроить для разрешения сложившейся ситуации общественный суд, обещая подчиниться любому его решению. Суд состоялся, и 30 января 1912 г. в университете было вывешено объявление следующего содержания: «Группа студентов, приглашавшая товарищей на обструкцию профессору Мигулину 23 января, считает своим долгом сообщить, что признаёт объяснения профессора Мигулина о причинах, побудивших его принять назначение, удовлетворительными и предлагает студенчеству снять бойкот с его лекций» [16*, л. 294].

Тем не менее, срыв занятий продолжался, и курс финансового права, который, помимо Петра Петровича, должен был читать ещё и приват-доцент Л.В. Ходский, в весеннем семестре не состоялся и был перенесён юридическим факультетом на осенний семестр следующего учебного года, что вызвало крайнее неудовольствие управляющего Санкт-Петербургским учебным округом и министра народного просвещения. Вопрос приобрёл такое значение, что даже рассматривался 29 марта 1912 г. на заседании Совета министров [15*, л. 1-6].

В декабре 1912 г. Мигулин получил свидетельство «на выпуск в свет в г. С.-Петербурге журнала "НОВЫЙ ЭКОНОМИСТ"» [13*], редактором-издателем которого он был в течение пяти лет (до конца 1917 г.). Это занятие не являлось для него абсолютно новым: с 1909 по 1912 г. при его ближайшем участии в Петербурге издавался журнал «Экономист России», в процессе создания которого Мигулин довольно тесно сотрудничал с И.Х. Озеровым, впоследствии отошедшим от дел [1*]. Редакция «Экономиста России» на первой же странице информировала читающую публику о том, что это беспартийный журнал по образцу *The Economist*, *L'economiste français* и *D. Deutsche Economist*, главной задачей которого являются изучение и разработка способов скорейшего подъёма производительных сил России и её экономического возрождения. В нём публиковались статьи, посвящённые «всестороннему освещению и разработке экономических и финансовых вопросов России и заграницы» не только ведущих учёных того времени (среди которых можно назвать академика И.И. Янжула, профессоров А.Н. Анцыферова, М.И. Боголепова, А.Н. Миклашевского, А.Р. Смирновского, М.И. Фридмана), но и представителей официальных властей (членов Государственного совета А.И. Косича, Н.П. Петрова, членов Государственной думы Д.И. Герценвица, А.В. Еропкина, Н.Л. Маркова).

«Новый экономист» (как и «Экономист России») выходил еженедельно, и практически в каждом номере Пётр Петрович выступал со статьёй. Он писал на экономические темы, откликался на политические события, происходящие внутри страны и за рубежом; а в 1917 г. отозвался на смерть человека, бывшего его любимым учителем и сыгравшего важную роль в его жизни, публикацией «Большой человек (Памяти М.М. Алексеенко)».

Мигулина всегда отличало понимание того, что какой бы верной и полезной для общества ни была та или иная идея, до тех пор, пока она не стала широко известна этому обществу и принята им, значение её невелико. Именно этим объясняется его активная публицистическая деятельность. Он публиковался не только в упомянутых выше «Экономисте России», «Новом экономисте», «Руси» и «Слове», но также в газетах «Речь», «Русская Земля», «Голос Земли», «Южно-Русской сельскохозяйственной газете», «Экономической газете» и других периодических изданиях (часть газетных статей была включена автором в книги «Настоящее и будущее русских финансов» (1907 г.) и «Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты» (1910 г.)). Часто его выступления содержали резкую критику проводимой в стране экономической и финансовой политики. При этом учёный не ограничивался лишь указанием на недостатки, но всегда стремился показать пути выхода из сложившейся ситуации, наметить план первоочередных мер и мероприятий долгосрочного характера. Мигулин представлял правое крыло оппозиции и, по признанию одного из советских

исследователей истории российских финансов А.П. Погребинского, «среди финансовой публицистики реакционно-дворянского направления начала XX в. ...являлся самым крупным его представителем» [161, с. 7-8]. Безусловно соглашаясь с тем, что Мигулин – крупнейший представитель финансовой публицистики начала XX в., внесём уточнение в вопрос о направлении, к которому он принадлежал. Реакционером учёный никогда не был, всегда придерживаясь либеральных взглядов.

В 1913 г. в России широко отмечалось 300-летие царствования Дома Романовых, к этой дате было приурочено множество юбилейных изданий. В предисловии к одному из них говорилось: «Исход...переживаемого нами процесса (преобразования России в конституционное государство – Е.Б.) откроет новый великий период русской истории. На заре его – естественно и плодотворно оглянуться сознательным взором назад, на прожитое историческое прошлое» [190, с. 9].

Свою попытку «сознательно оглянуться назад» предпринял и Мигулин в опубликованной им работе «Экономический рост русского государства за 300 лет (1613-1912)». Главное внимание в ней было уделено обобщению достижений в области экономического развития России за указанный период. При этом учёный, как обычно, использовал богатейший статистический материал, особенно относительно событий XIX столетия. Им анализировались изменения, произошедшие в промышленности, сельском хозяйстве, банковской и налоговой системах России, большое внимание уделялось давно входящим в сферу его научных интересов проблемам российского государственного долга и истории отечественного железнодорожного строительства. Подводя итоги 300-летней жизни, Мигулин констатировал тот факт, что благосостояние российского народа, его образование и культурное развитие не могут пока идти в сравнение с этими показателями в Западной Европе и США. Тем не менее, он выражал уверенность в том, что «русский народ – народ, способный к экономическому развитию, идущий, несмотря на все невзгоды, вперёд и которому, судя по его блестящему прошлому, несомненно, предстоит великое будущее» [144, с. 223].

Летом 1914 г. член Совета главноуправляющего землеустройством и земледелием, ординарный профессор Санкт-Петербургского университета, доктор финансового права, действительный статский советник Мигулин «в видах пополнения состава обслуживающих Министерство финансов научных сил» назначается членом Совета министра финансов [2*, л. 53]. Он участвует в комиссии статс-секретаря П.А. Харитонов по обсуждению условий сведения государственной росписи доходов и расходов. Назначение учёный принял не только из интереса к предстоящей работе, но и по причине личной симпатии к министру финансов П.Л. Барку и стремления поддержать его курс. Об этом можно судить по выступлениям Мигулина в пе-

риодической печати (в частности в газете «Русское слово» [6; 157]) и переписке с главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным. Так, в одном из писем читаем: «Между тем Барк, несомненно, человек выдающийся, энергичный и знающий. Я, лично, конечно, окажу ему всякую поддержку, какую только могу...» [18*]. Двумя неделями позже: «С Барком я виделся и имел продолжительную беседу. Он просил всячески его поддержать и помочь в его трудной задаче. Было бы в высшей степени неприличным, если бы я в этом ему отказал... Столько лет мне пришлось бороться против чисто фискальной нашей политики, наконец, дождался я Высочайший рескрипт м[инист]ру ф[инанс]ов о необходимости проведения народнохозяйственной политики, так неужели же играть в оппозицию ради оппозиции! Теперь надо работать, созидать, а не критиковать» [18*].

Весной 1915 г. много шума наделала идея Мигулина о выпуске в обращение мелких казначейских билетов достоинством в 1, 3 и 5 руб. Эта мера предлагалась им как альтернатива расширению эмиссионного права Государственного банка, практический путь к поддержанию российской валюты и восстановлению размена на золото после окончания войны. Составленный им проект рассматривался Комитетом финансов, куда он поступил зимой 1914-1915 гг., ещё до публикации в периодической печати, и был отклонён (хотя при этом министру финансов было дано поручение разработать данный вопрос), а эмиссионное право Госбанка расширено на 1 млрд руб. После оглашения предложений учёного на страницах «Нового экономиста» [69; 99] в прессе появилась масса статей с критикой в его адрес [146; 148; 193]. Особенно много усилий приложил к этому М.И. Боголепов [9; 10], выступления которого затем перешли в полемику с М.И. Туган-Барановским, который был в числе немногих поддержавших проект введения мелких казначейских билетов (и то с известными оговорками) [191; 192]. Лестно отозвался о проекте П.А. Сабуров, о чём можно судить по сохранившимся письмам Петра Петровича к нему [14*].

После Февральской революции Мигулин подал прошение об увольнении от занимаемой должности ординарного профессора Петроградского университета; 20 марта 1917 г. закончилась его почти 20-летняя преподавательская карьера [12*, л. 47]. В этот период он участвовал в работе комитетов и комиссий, образованных Временным правительством [200, с. 488]. В апреле профессор был включён в состав созданного по проекту Министерства финансов совещания «для выработки плана финансовых преобразований», в него вошли представители различных ведомств, деловых торгово-промышленных кругов и науки (среди которых, помимо Мигулина, были также В.Я. Железнов, М.И. Туган-Барановский и др.) [161, с. 145].

Не приняв октябрьских событий и установившегося в России режима, Пётр Петрович уехал из страны. Найти точных сведений о том, когда

именно и при каких обстоятельствах он покинул Родину, нам пока не удалось. С уверенностью можно говорить лишь о том, что до конца 1917 г. учёный оставался в России, а в 1918 г. (по неподтверждённым данным) уже был во Франции. Последующие 7 лет его жизни не прослеживаются: где он был и чем занимался, неизвестно. Далее, начиная с 1925 г., наступает некоторая ясность: сведения о Мигулине появляются в периодической печати и справочных изданиях. Он поселился в Ницце, вошёл в состав Русской академической группы в Париже [205, с. 1111], будучи членом которой, в июне 1928 г. в паре с профессором М.В. Бернацким выступил оппонентом на защите диссертации «Государственные финансы в России во время мировой войны» А.М. Михельсона [171, с. 472], а в мае 1931 г. был (одновременно с А.Н. Анцыферовым, М.А. Бунатыном, А.П. Марковым, А.М. Михельсоном, П.Б. Струве) включён в состав Франко-Бельгийской Ассоциации профессоров, занимающих экономические кафедры в высших учебных заведениях, и приглашён принять участие в работе ближайшего, посвящённого мировому экономическому кризису, конгресса Ассоциации [163, с. 4].

Пётр Петрович играл довольно значительную роль в жизни русской колонии Приморских Альп. Эмигранты первой волны надеялись на скорое возвращение домой и особое внимание уделяли сохранению традиций и культуры, воспитанию не помнящих или совсем не знающих Родины детей в русском духе. Школьное дело в Ницце, как отмечал один из исследователей русского зарубежья П.Е. Ковалевский, было очень хорошо организовано, его возглавляли П.П. Мигулин, А.Н. Наумов и Н.А. Томилова [47, с. 314]. Здесь действовали русская гимназия; Общество помощи русским учащим и учащимся (которое Пётр Петрович возглавлял до декабря 1932 г., а затем стал его почётным членом) [19, с. 3]; Педагогический совет, ведавший делами русских отделений учебных заведений Ниццы (председателем которого был Мигулин); Кружок молодёжи по изучению русской культуры; Кружок ревнителей русского прошлого; Русское историческое общество; Кружок «К познанию России»; Родительский кружок Ниццы и окрестностей (его почётным председателем учёного избрали, при образовании, в 1939 г.) [173, с. 555]. Пётр Петрович принимал активное участие в работе всех вышеперечисленных кружков и обществ, выступал с речами на их собраниях, приуроченных к юбилейным датам российских истории и культуры. Перечислим некоторые из них: «Императрица Екатерина II и её роль в истории русской культуры» (200 лет со дня рождения Екатерины II) [171, с. 579], «Достоевский и революция» (к 50-летию со дня кончины) [172, с. 150], «Император Александр II» (50-летие со дня кончины) [172, с. 165].

С конца 1934 и до середины 1937 г. профессор Мигулин читает цикл лекций по русской истории XIX-XX вв. в Кружке молодёжи по изучению русской культуры. В этот же период он выступает с циклом лекций по по-

литической экономии в Клубе «К познанию России», в рамках которого большое внимание уделяет экономическому положению СССР. Как и большинство оказавшихся за границей учёных, Мигулин следил за событиями, происходящими на Родине, стремился дать объективную оценку сложившейся ситуации и наметить пути выхода из неё. Современные историки экономической мысли отмечают, что научные силы эмиграции внесли огромный вклад в исследование экономики Советской России: «Именно им, оторванным от родной почвы, лишённым какой бы то ни было возможности "живого созерцания" советской хозяйственной жизни, начисто отрезанным от основных источников нефальсифицированной информации (архивов, данных статистики, учёта и контроля), судьба уготовила высокую и благородную миссию первыми сформулировать точный прогноз о полной бесперспективности начертанного Марксом-Лениным пути и о грядущем крахе советской хозяйственной системы...» [55, с. 4-5].

Отдавая много сил и времени общественной работе и культурно-просветительской деятельности, Пётр Петрович не ограничивался только этим, он не оставлял научных исследований и продолжал писать (к сожалению, по большей части в стол). Печатать объёмные научные труды на русском языке в условиях эмиграции было практически невозможно, и вышедшие из под его пера три большие работы остались в рукописи [47, с. 79]; их названия и судьба неизвестны. Надеемся, что в дальнейшем исследовании нам удастся обнаружить и ввести в научный оборот эти материалы. Несмотря на все предпринятые в библиотеках и архивах поиски, в нашем распоряжении оказалась пока лишь единственная небольшая статья «Русская аграрная проблема и сельскохозяйственная катастрофа в Советской России», опубликованная в Париже в 1934 г.

Аргументированно, используя массу цифр (о пристальном внимании учёного к статистическим материалам мы уже говорили), он рисует ужасающую ситуацию, к которой пришло российское сельское хозяйство при власти большевиков. Последствия сельскохозяйственной катастрофы в России Мигулин называет неисчислимыми, однако самый страшный результат видит в её моральной стороне: «До сих пор русское крестьянство отличалось страшной привязанностью к земледельческому труду. Это спасало Россию от пролетаризации, от скопления людей в городах, от безработицы и обеспечивало быстрый прирост населения и заселение её пустынных окраин.... Сов. власть разрушила эту связь крестьянства с землёй, сделала его пролетарием, рабом коммунизма, вырвала с корнем любовь к земле, согнала с неё людей. Крестьянство уничтожено как класс. Возрождение его – задача невероятной трудности, требующая усилий целых поколений» [121, с. 33]. И всё же в будущее он смотрел с оптимизмом, веря в возможность возрождения русского народа, «если будет в той или иной форме ли-

квидирована...коммунистическая власть» [121, с. 34]. Сегодня, когда это условие выполнено и в России медленно, с невероятным трудом идёт аграрная реформа, особенно хочется верить в справедливость его прогноза.

Пётр Петрович Мигулин скончался в 1948 г. в возрасте 78 лет. Составители ценнейшего по содержащейся в нём информации издания «Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция» называют датой смерти 15 октября [174, с. 274]. Однако помещённое в газете «Русские новости» траурное объявление: «В 40-й день трагической кончины профессора Петербургского Университета Петра Петровича Мигулина в среду 24 ноября в 11 ч.у., в Александро-Невском соборе на рю Дарю будет отслужена панихида, о чём извещают жена покойного и его ближайшие родственники» [189, с. 6] позволяет нам внести уточнение и утверждать, что Пётр Петрович скончался 16 октября 1948 г.

Его обширное научное наследие до сих пор не разработано и не получило объективной оценки. Составленная нами библиография трудов Мигулина насчитывает более 400 названий книг, брошюр, научных записок, проектов, журнальных и газетных статей, рецензий, опубликованных им за 38 лет (в период 1896-1934 гг.) активной научной и практической работы, а также общественно-политической деятельности (возможно, что в рамках дальнейшего исследования удастся уточнить и дополнить этот список). Не претендуя на всестороннее систематическое освещение экономических взглядов учёного, надеемся, что анализ выбранных нами в качестве предмета исследования социально-философских и аграрных воззрений Петра Петровича Мигулина носит законченный исчерпывающий характер.

ГЛАВА 2. НЕОБХОДИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА – ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

2.1. Характерные особенности русской экономической мысли рубежа XIX-XX вв.

Русская экономическая мысль конца XIX – начала XX в. пережила период своего подъёма. Одной из причин этого явилось ускоренное развитие хозяйственной сферы: рост промышленности, банковского сектора, транспортной системы. Экономическое развитие стимулировало исследования проблем различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, финансовой сферы, рыночной конъюнктуры России и других стран – исследования в области, называемой конкретной экономикой.

Характерными особенностями русской экономической науки этого времени являются её многоплановость и многогранность: экономические, а точнее сказать, социально-экономические проблемы анализируются, как правило, в контексте философских, социологических, исторических и религиозных проблем. Данное обстоятельство было предопределено универсальным характером русской общественной мысли в целом, которая, по словам выдающегося русского религиозного мыслителя, философа и экономиста С.Н. Булгакова, все теоретические учения «воспринимает по преимуществу с практической стороны, в связи с вопросами практической этики и общественных программ, превращая таким образом доктрины в общественные "направления"...» [16, с. 261], в которых сливаются воедино не только теоретическое и философское мировоззрение, но и общественная, политическая и социально-экономическая программы.

К особенностям отечественной экономической мысли рассматриваемого периода можно отнести и то, что она во многом была, безусловно, самобытным, но всё же откликом на идущие в европейской науке процессы. Причём, с полной уверенностью можно сказать, что наиболее глубокие и прочные корни в русскую почву из всех направлений западной экономической мысли удалось пустить марксизму. С момента проникновения учения автора «Капитала» в Россию оно было горячо поддержано интеллигенцией, лучшими представителями науки. Как отмечают современные исследователи истории русской экономической мысли, самые выдающиеся экономисты, творчество которых приходится на рубеж XIX и XX вв. (среди них можно назвать П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, А.И. Чупрова и др.), испытали на себе сильнейшее влияние Маркса [54, с. 22]. По словам свидетеля тех лет – замечательного русского экономиста А.Д. Билимовича, «ни в одной стране не было на экономических кафедрах

университетов столько марксистов и марксистов-народников, сколько их было в России» [Цит. по: 53, с. 8].

Очень немногие представители нашей экономической науки этого периода избежали воздействия «единственно верного» учения, одним из них был Пётр Петрович Мигулин. Однако, не являясь сторонником основоположника научного социализма, он прекрасно видел, сколь велика популярность его идей, и так характеризовал сложившуюся в начале XX в. ситуацию: «...мы живём в век самых необузданных фантазий, самых неправдоподобных проектов переустройства всего человеческого общества на началах идеального всеобщего благополучия» [100, с. 1].

К числу наиболее повлиявших на развитие российской экономической мысли направлений принадлежит и сформировавшаяся в последней трети XIX в. социальная экономия – совокупность взглядов, концепций, социальных доктрин, имеющих выраженную этическую направленность и нацеленных на решение острых социальных проблем [42, с. 160]. Она существенно повлияла на социальную и экономическую практику, будучи тесно связанной с формированием современных общественных представлений о социальной справедливости, значении различных социальных институтов (в первую очередь частной собственности), роли государства и общественных объединений. Не будь этого, в XX в. вряд ли могла бы сложиться система государственного регулирования экономики, что предполагает наличие не только теоретических рекомендаций по разрешению определённых задач, но и соответствующего общественного климата.

О том, сколь велико было на рубеже XIX и XX вв. общественное признание важности социальных вопросов, свидетельствует то обстоятельство, что социальной экономии были посвящены отделы на Международных выставках 1893 г. в Чикаго, 1895 г. в Лионе, 1901 г. в Глазго. А на Парижской выставке 1900 г. был открыт павильон «Дворец конгрессов и социальной экономии» (который, смеем предположить, посещал и бывший на этой выставке Мигулин [202, с. 218]).

Социальная экономия характеризуется следующими положениями:

1. Критика социальных аспектов капитализма свободной конкуренции: материального неравенства, эксплуатации, безработицы.
2. Критика буржуазного либерализма, а также проповедуемого им с позиций естественного закона оправдания капитализма и связанных с ним социальных бед как неизбежной платы за прогресс.
3. Дифференцированное отношение к частной собственности: от утверждения её естественности и законности до отрицания отдельных её видов.
4. Признание возможности если не полного, то частичного решения социальных проблем.

5. Отказ от идеи непримиримого антагонизма классов, признание возможности их сотрудничества, а в отдельных случаях – их органической связанности и дополняемости.

6. Связь решения социальных проблем с сознательным воздействием на социально-экономические процессы, а не с уничтожением классов, классовой борьбой и революцией.

7. Признание важности и желательности активной политики государства в социально-экономической сфере.

В зависимости от того, на какие силы (государство или различные объединения людей) делалась ставка в решении социально-экономических проблем, в рамках социальной экономии выделяется два течения: немецкий катедер-социализм и французский солидаризм. Внутри катедер-социализма существовало два крыла:

1. Этическое течение, отводившее особую роль сильному патерналистскому государству, обязанному обеспечивать социальную защиту рабочих и ограничивать свободу их союзов, и продолжавшее борьбу старой исторической школы с абстрактно-дедуктивным методом и социально-философскими основами классической школы.

2. Государственный социализм, утверждавший необходимость проведения более радикальных социально-экономических реформ и формировавший свои представления о хозяйстве под определённым влиянием некоторых положений классической школы.

Именно в лице государственного социализма социальная экономия получила наибольшее распространение в российских научных кругах; его приверженцем был и профессор Мигулин.

Главнейшим вопросом, обсуждавшимся в конце XIX – начале XX в. отечественными экономистами, являлся столь актуальный и сегодня вопрос о социальном переустройстве общества; предметом их исследований была социальная проблематика в широком её понимании. Западные экономисты-теоретики тоже занимались изучением социальных вопросов и выдвигали радикальные реформаторские идеи, однако при этом старались не смешивать теоретическую и практическую части экономической науки. Российские же экономисты не стремились к строгому соблюдению этого принципа и рассматривали социальные проблемы в комплексе их теоретических и практических аспектов.

Критика проводимой правительством экономической и финансовой политики и её результатов, выводы о необходимости коренных реформ содержались в работах ведущих экономистов того времени. Как писал возглавлявший социологическое направление отечественной финансовой науки И.Х. Озеров, «России при её богатствах нужна другая экономическая политика, нужны государственные деятели с широким кругозором, с

пониманием великих задач и той великой роли, которую России суждено играть, если только правильно будут поняты её задачи и будут найдены нужные исполнители» [155, с. 309]. Эти идеи были чрезвычайно распространены в российском обществе, требование смены правительственного курса раздавалось со всех сторон, включалось в программы политических партий. Однако способы, которыми различные учёные и политики собирались «лечить» нашу Родину, не только существенно отличались друг от друга, но, зачастую, находились в полном противоречии: палитра научных предпочтений и политических пристрастий простиралась от марксизма до экономического либерализма.

Поочерёдно каждый из этих крайних вариантов становился господствующей идеологией и определял экономическую жизнь нашей страны. Дважды в ушедшем уже XX столетии мы пережили полное уничтожение существовавшего социально-экономического строя и соответствующей ему системы хозяйствования и построение новых, основанных на принципиально иных началах. На заре века до основания разрушили молодой и ещё не окрепший российский капитализм, а на его закате ушёл в небытие советский вариант социализма. И ни одно из этих масштабных преобразований не принесло обещанного их инициаторами и исполнителями быстрого всеобщего благосостояния.

Теперь, конечно, события почти вековой и десятилетней давности — это история. Мы можем оценивать их с высоты прошедших лет, зная результаты, к которым они привели. Однако, оглядываясь назад и видя неисчислимые жертвы, которые были принесены российским народом на алтарь «великих» идей, невольно задаёшься вопросом: неужели нельзя было этого избежать, неужели никто не понимал возможных последствий происходящего, не предостерегал от роковых ошибок? Знакомясь же с работами профессора Мигулина, испытываешь двойственное чувство: с одной стороны, изумления проницательностью этого человека, а с другой — сожаления о том, что его слова не были услышаны и оценены по достоинству ни современниками, ни потомками. Нет пророка в своем отечестве...

2.2. Возрождение России: социалистическое государство или государственный социализм?

Как уже говорилось в предыдущем параграфе, профессор Мигулин никогда не испытывал иллюзий по поводу марксизма: он ясно видел агрессивную, разрушительную сущность учения, называющего утопизмом любые предложения о мирных преобразованиях, проповедующего необходимость и неизбежность классовой борьбы, ведущей к пролетарской революции, способной «заменить нынешний (существующий и всегда существовавший в целом мире при культурном состоянии общества) экономи-

ческий строй, покоящийся на началах индивидуальной свободы и частной собственности, иным строем, основанным на началах принуждения и собственности коллективной» [103, с. 1].

Учёный был категорическим противником признания допустимости гражданской войны и уничтожения ценностей, созданных предыдущими поколениями. Он неоднократно говорил о том, что насилием ничего нельзя доказать и невозможно сделать что-то серьёзное, столь ненавистно насилие и столь дорога свобода. Отрицание свободы Пётр Петрович называл самой слабой стороной социалистических учений и призывал помнить о значимости этой ценности для отдельно взятого человека и всего человеческого сообщества в целом тех, кто насильственными мерами хочет добиться общего благополучия.

Он отказывался признавать за классовой борьбой право разрешения существующих в обществе противоречий, предвидя её катастрофические последствия: «Классовая, междоусобная борьба до добра не доводит и добром не кончается. Она приведёт к общему погрому, к общему уничтожению *народного* богатства, к общему обнищанию» [133, с. 2]. Анархия, по словам учёного, об этом не задумывается, а, возможно, к тому и стремится, но другим общественным элементам не мешало бы поразмыслить на данную тему и положить конец разжиганию классовой борьбы.

Единственно возможный рациональный путь развития России Мигулин видел в классовом мире и сотрудничестве; только на этой основе он считал возможным достижение справедливости общественного устройства и всеобщего благосостояния. Воплощение в жизнь социальных идей, с его точки зрения, вполне реально без экономических потрясений и социальных революций, при помощи демократического парламента или даже просвещённой верховной власти (примером чего он называл деятельность Александра II, проводившего социальные реформы сверху, предупреждая их осуществление снизу и тем сильно удешевляя). Учёный подчёркивал, что мирная работа всегда плодотворнее и вернее кровавых потрясений, террора и насилия, независимо от того, идут ли они сверху или снизу. В справедливости его слов позволяет убедиться столь богатая и потрясениями, и насилием история России XX в.

Основоположники научного социализма, увлечённые вдохновенной критикой капиталистического строя, не создали чёткой, убедительной теории своего идеала – строя социалистического. На это обстоятельство указывал один из крупнейших российских экономистов описываемого периода Б.Д. Бруцкус: «...разработкой задачи систематического его (будущего социалистического общества – Е.Б.) конструирования Маркс не занимался. Последователи Маркса...также не уделяли последней задаче своего внимания» [15, с. 12].

Главное, на что были направлены интеллектуальный потенциал и ораторское искусство ортодоксальных социалистов, – это организация, в целях свержения существующего строя, единого интернационального рабочего движения. Мигулин так характеризовал требования отечественных социал-демократов периода первой русской революции: «...никакого компромисса, одна голая революция, одно разрушение. Сперва надо разрушить здание, а потом уже думать о постройке нового» [100, с. 22]. И тут же указывал на недопустимость подобной постановки вопроса: «Мы смеем думать иначе. Мы думаем, что раньше, чем разрушить, надо сообразить, какое на месте разрушенного придётся соорудить новое здание, составить его план и смету постройки – и мало этого: *изыскать средства на постройку*» [100, с. 22].

Он был убеждён в том, что во время революционной борьбы, во время замены одного государственного строя другим в первую очередь необходимы политические и экономические программы борющихся партий, точное указание на то, куда они стремятся и откуда собираются взять средства для разрешения поставленных ими задач, поскольку, даже если намеченные цели прекрасны, но нет средств на их достижение, бесполезно говорить и о самих целях.

При этом учёный был далёк от идеализации существующего положения вещей. Говоря о европейских странах (включая и Россию) начала XX в., он отмечал, что в них работы не хватает для всех, кто её ищет («Свободный труд – великое дело и велики его результаты, но не всегда труд есть, куда приложить, и *право на труд* до сих пор ещё нигде не обеспечено» [97, с. 394]), а количество производимых населением этих государств материальных благ недостаточно для удовлетворения его потребностей; ещё более неудовлетворительно распределение естественных и искусственных богатств, уже созданных и вновь создаваемых. При этом условия жизни в большей, чем когда-либо раньше, степени допускают незаслуженное (спекулятивное) обогащение даже ничего не производящих лиц; благоприятная конъюнктура создаёт новые состояния буквально из ничего. На этом фоне неравенство бросается в глаза сильнее, чем прежде.

И, несмотря на то, что свобода – это великое и неоценимое благо, Мигулин признаёт, что в современных условиях не следует преувеличивать её значения для основной массы населения, не знающей этой свободы – прерогативы только состоятельных классов. Учёный отмечает, что для массы нынешняя свобода – это лишь свобода умереть от голода, для многих даже тюрьма является местом для приятного и сытого отдыха. Свобода есть, но нет возможностей пользоваться ею, когда вся жизнь проходит в тяжёлой беспросветной работе, приковывающей к одному делу и месту.

Торжествующий в экономической сфере принцип буржуазного либерализма *laissez faire, laissez passer* – принцип свободы конкуренции и личного эгоизма – Пётр Петрович характеризовал как принцип торжества силы, свирепой и беспощадной борьбы за существование. Слабые её не выдерживают и погибают. Но общество, как подчёркивал Мигулин, для того и соединяется в особые организации, чтобы дать защиту этим слабым, чтобы торжествовал принцип: «живи и давай жить другим».

Высшая из таких организаций есть государство, однако в условиях экономического либерализма оно не только устраняется из промышленности и торговли, но и не допускает вмешательства в деятельность частных лиц, предоставив всё их собственному усмотрению, не оставив за собой даже права высшего надзора. В итоге множество фактических монополий оказывается в частных руках, наблюдается полное подчинение слабых сильным, бедность и физическое истощение народных масс.

Результатом всех вышеизложенных обстоятельств является естественная ненависть пролетариата к власти, ненависть рабочего класса к капиталу, к частной собственности. Стоит ли удивляться тому, что всё большее распространение приобретают социальные учения о необходимости перераспределения богатств и изменения порядка, при котором они теперь создаются? – риторически вопрошает профессор. На сцену выступают социалистические утопии, требующие уничтожения частной собственности, дарового отнятия земли, введения социалистического строя; Маркс, Лассаль, Бебель, Каутский становятся богами российских социал-демократов. Чрезвычайно способствовал укоренению у нас этих утопий, как считает Мигулин, и нигилизм – отрицание всех сложившихся устоев, который, по его словам, получил распространение только в России и может считаться чисто русским изобретением.

Вера в божественное происхождение права отошла в прошлое, все знают, что право устанавливается при помощи силы, сила – это власть. Отдельный пролетарий не может изменить окружающий мир, но в единении – сила; именно в этом Пётр Петрович усматривает причину популярности призыва социалистического учения: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», причину популярности Маркса и его теории. Пролетарии соединяются, *«требуют* себе места на пышном пиру имущих классов,...говорят, что "собственность есть кража" (слова Прудона), настаивают на разделении богатств между *всеми*» [77, с. 383], народное движение становится всё более грозным.

Мигулин был противником свойственных марксизму возведения в абсолют роли пролетариата и провозглашения его гегемонии при отнесении в разряд консерваторов и реакционеров всех остальных классов. Он утверждал, что невозможно говорить о каком бы то ни было порядке, ко-

гда один относительно немногочисленный класс стремится к насильственному господству над всеми остальными. В этих условиях нормальная жизнь совершенно невозможна.

Отдавая себе отчёт в том, что широкое распространение социалистических идей, огромное влияние, которое приобрели в начале XX в. во всех слоях общества (и особенно среди крестьян) социал-революционные группы, несут в себе угрозу будущему России, Мигулин осознавал необходимость борьбы с ними, для чего рекомендовал «изучать, разбирать и доказывать, *почему* подобные пожелания (пожелания этих групп – Е.Б.) *неосуществимы*» [64, с. 2]. Он настаивал на том, что пренебрежения к чужому мнению, особенно столь распространённому, не должно быть. Надо сказать, что учёный всегда был противником полицейских методов и политики «затыкания рта» оппонентам, понимая, что такими мерами власть лишь даёт дополнительные козыри в руки своих врагов и умножает их ряды. Он писал во время первой русской революции, что симпатии возбуждает тот, кто страдает или может пострадать за свои убеждения, а не тот, кто имеет возможность выражать их открыто и безнаказанно.

Власти же, не принимая во внимание или не понимая этого обстоятельства, высылали «протестантов» административным порядком в губернские города, далее – в уездные, а оттуда – по деревням и таким образом за государственный счёт постепенно весьма успешно «распропагандировали» половину России. А теперь удивляются распространённости у нас революционных учений! – восклицал Мигулин. На фоне общего недовольства, среди полуголодного и голодного населения, которому нечего терять, революционная агитация действует чрезвычайно легко. В связи с этим учёный не был склонен разделять содержащееся в сделанном в разгар событий 1905 г. Всеподданнейшем докладе графа Витте некоторое пренебрежение к «организованным действиям крайних партий». Если они способны, как отмечал Мигулин, остановить сразу всю жизнь страны: прекратить на весьма продолжительный срок железнодорожное сообщение, упразднить почту и телеграф, закрыть фабрики, заводы, учебные заведения и т.д., то это – большая сила, с которой нельзя не считаться.

Он подчёркивал, что с социал-революцией не легко бороться, как это многим кажется; социалистические учения заманчивы: в них говорится о равенстве и братстве на земле, о достижении всеобщего благоденствия; ни бедных, ни ленивых, ни преступных не должно быть при социально-демократическом строе общества. Пусть это – утопии, но в основе их лежит великая любовь к человечеству, желание ему блага и процветания. Цели социал-демократии во многом благородны, преследуют общий интерес; они не могут не быть привлекательны для массы, поскольку речь идёт именно о её благополучии.

«Цели поэтому правительства должны заимствовать у социал-демократии, – настаивал Пётр Петрович. – Другое дело *средства*. Цель не может оправдывать всякие средства, а средства, рекомендуемые социалистическими учениями, практически неосуществимы и должны сопровождаться таким потрясением всего ныне существующего общественного организма, что о согласии на подобный опыт со стороны имущих классов не может быть речи, в том числе и со стороны многочисленного у нас класса мелких собственников – земледельцев, нашего крестьянства...» [77, с. 387]. Задачу властей он видел в изыскании практических способов осуществления конечной цели социал-демократии – подъёма благосостояния народных масс, обеспечения им труда и безбедного существования.

Трудность борьбы с социал-революцией заключалась ещё и в том, что в России она давно имела своих убеждённых сторонников. Истоки истинной (не анархической) социал-революции Мигулин усматривал в благородном и популярном у нас народничестве, которое всегда противопоставлялось марксизму или социал-демократическому учению. Народовольцы, революционные кружки 60-70-х гг. XIX в. и значительная часть революционных кружков начала XX в. ставили задачу достижения возможно быстрого, революционного (в отличие от постепенцев) подъёма народного, преимущественно крестьянского, благосостояния.

Учёный давал чрезвычайно точную и до сих пор не утратившую в полной мере своей актуальности характеристику умонастроениям российского общества: «При нашей бедности, неравномерности распределения богатств, при отсутствии правового порядка, не пережив ещё политической революции, не добившись ещё участия в управлении страной народных представителей, мы вечно мечемся из стороны в сторону, стараясь добиться народного благосостояния не упорным трудом, систематической работой, накоплением народного богатства, а одним ударом, путём государственного всемогущества, социального мгновенного переворота, "по щучьему веленью"» [64, с. 2]. Нисколько не сомневаясь в необходимости обновления, возрождения Родины, Мигулин настаивал на том, что ради новой России нельзя уничтожить старую; ведь это живой организм, создавшийся тысячу лет, как же сразу заменить его новым?

Что бы сказал Пётр Петрович, знай он тогда (в конце 1905 г.), когда были написаны эти строки, о грядущих в нашей стране с интервалом в 70 с небольшим лет экспериментах по истреблению существовавшего строя и возведению на его руинах нового, да ещё и с использованием в качестве господствующей идеологии вначале марксизма, а затем экономического либерализма, бесперспективность которых была так ясна для него?

Корни столь упорного повторения одних и тех же ошибок, видимо, надо искать в подмеченной учёным национальной черте, выразившейся в

убеждении, что достаточно приказать, и всё будет сделано, наступит всеобщее благоденствие. Именно поэтому, по его мнению, у нас так борются из-за власти, желая облагодетельствовать народ. В обществе живут твёрдая вера в лицо и презрение к толпе, убеждение в том, что достаточно призвать к власти гения, доброжелателя народного, – и всё наладится. Вот почему, по утверждению Петра Петровича, наши крайние партии мечтают о диктатуре, одни – о военной, другие – о пролетарской; народ хотят осчастливить даже против его воли.

Тем не менее, как известно, диктатура, несмотря на все отрицательные, а зачастую, и страшные стороны этой формы правления, в определённые исторические моменты не просто принимается, но и приветствуется широкими народными массами. Причём, происходит это в условиях ухудшения общего экономического положения и нарастания социальной напряжённости. Эта проблема не прошла мимо внимания ведущих представителей российской экономической мысли, в частности её исследованием занимался талантливый отечественный экономист, социолог, правовед, историк М.В. Вишняк [24]. Предупреждал об этой опасности в подобной ситуации, сложившейся в период первой русской революции, и профессор Мигулин: «Страна так измучена, так жаждет хотя какого-нибудь *порядка*, что может обрадоваться и военной диктатуре, лишь бы была известная *определённость*, можно было бы рассчитывать на завтрашний день...» [134, с. 2]. Перед лицом схожих обстоятельств мы оказались совсем недавно, когда в середине 1990-х гг. Россия уже в полной мере ощутила на себе все «прелести» шоковой терапии и её последствий, и в средствах массовой информации был поднят вопрос о необходимости доморощенного Пиночета, способного «железной» рукой навести порядок в политике и экономике.

Однако вернёмся в начало прошлого века и вместе с учёным попытаемся найти ответ на извечный русский вопрос: «кто виноват?» На сей раз в том, что призрак, родившийся в Европе и долго там бродивший, в конце концов пришёл в Россию и прочно в ней обосновался, обретя вполне осязаемые очертания. Мысли Петра Петровича интересны ещё и тем, что в процессе обсуждения данного вопроса он затрагивает ряд проблем, и сегодня стоящих перед нами и ждущих своего разрешения.

По мнению славянофилов, тремя китами, на которых держалась Россия, были православие, самодержавие и народность. Мигулин обратил своё внимание на состояние этих основ в период первой русской революции.

Во что превратилось православие? Профессор указывал на то обстоятельство, что дальновидные русские люди давно говорили о необходимости реформ в церковном деле, требовали созыва церковного собора,

преодоления противостояния со старообрядцами, раскрепощения белого духовенства, возрождения значения древнего прихода, обновления устаревшего церковного строя – воскрешения угасшего истинного духа православия. Ответом же со стороны светской и духовной властей на законные требования русских граждан были грозные окрики и репрессивные меры (ссылки, изгнания, удаления на покой, запрещения): отлучали от церкви Льва Толстого, выселяли в Канаду духовоборов, преследовали штунду¹. Следствием стали всё большее раздражение русского общества и подрыв уважения к России со стороны остального мира. «А франкмасонство тем временем росло, а всего хуже, рос атеизм, чисто русский, беспощадный, – родной брат русского нигилизма» [96, с. 400], – констатировал учёный. Вряд ли он мог тогда предположить, что очень скоро и надолго атеизм сам превратится в религию с миллионами приверженцев, и уже с его позиций будут не только запрещать, ссылать, изгонять, но и убивать.

Что стало с самодержавием? Да и было ли оно у нас когда-нибудь в том виде, о котором мечтали славянофилы, как об особой форме государственного устройства, выражающейся в единении царя с народом? – задавался вопросом Мигулин. Земские соборы прекратились с укреплением царской власти (при Алексее Михайловиче), а последний собор (Комиссия о сочинении проекта нового Уложения при Екатерине II) был распущен, не дав реальных результатов. С этого времени народ не призывали на совет к царю, в стране «воцарилось *самодержавие бюрократии*, самая *вредная* и бесплодная форма правления, безответственного» [96, с. 400]. Крымская война ненадолго пробудила общество и правительство, короткая эпоха великих реформ Александра II породила истинно самодержавные акты освобождения крестьян, местного самоуправления, судебных уставов. Но народ не был призван к престолу, бюрократия осталась. «Безответственная, подбираемая лишь путём протекции, потому большею частью бездарная, малообразованная, эта бюрократия буквально иссушила Россию и выветрила в ней все начала истинной государственности» [96, с. 401], – неутешительно заключал учёный.

Проводимая этими чиновниками экономическая и финансовая политика была ознаменована непониманием хозяйственной жизни страны, пренебрежением интересами земледельческого класса (который Пётр Петрович рассматривал как основу благосостояния России), хищениями народного богатства, казны. Всё это могло привести только к разорению страны, истощению её естественных богатств, обеднению населения и, как

¹ Штундизм – распространённое в среде русского и украинского крестьянства сектантское течение. Возникло во второй половине XIX в. под влиянием протестантизма, сочетало отдельные его элементы с верованиями духовных христиан; позднее слилось с баптизмом.

результат, к общему недовольству. В подобных условиях не стоит ждать доверия народа ни к государству, ни к его правительству. А без этого управлять страной немыслимо: правительство, лишённое доверия, профессор характеризовал как дорогой, но мало полезный «прицепок» к государственному организму.

Категорически не принимая насилие, диктатуру и авторитаризм, он, тем не менее, ясно осознавал необходимость для существования спокойствия и порядка в стране авторитета государственной власти у её граждан: «Государственная власть зиждется на *авторитете*, а власть есть необходимая составная часть самого понятия о государстве. Отчего у нас происходит последнее время такой общий развал, такая общая разнузданность страстей? Отчего разрушается государство? Ясно, что вследствие потери государственной властью всякого уважения, всякого престижа, авторитета в глазах общества, и этот авторитет необходимо *восстановить*» [141, с. 429]. Не смогли сделать этого в начале XX в. – и Российская империя была сметена октябрьской бурей 1917 г., не сумели справиться с этим на рубеже 1980-90-х гг. – и рухнула новая империя, Советская. Да и сегодня ещё, несмотря на все предпринимаемые усилия, нельзя с полной уверенностью говорить о решении выделенной автором задачи.

Наконец, обратимся к третьему устою – народности, т.е. национальному самосознанию. Мигулин находил, что он был расшатан едва ли не более двух других, благодаря бесправности народа, невозможности для русских людей быть полноценными гражданами, а не простыми обывателями. Как унижительно чувствовали себя обязанные иметь паспорта россияне за границей, где только с русских их и спрашивали. На Родине дела обстояли ещё хуже: лишь русские не имели права объединяться в какие-либо общества, они платили больше налогов, чем представители национальных меньшинств, центр – больше окраин (как мало изменилось за прошедшие десятилетия!), православные имели наиболее тяжёлые формы брака и развода, были подчинены принудительному церковно-полицейскому контролю.

В то же время представители других национальностей жили по особым законам, сепаратным или созданным для них российским правительством. Таким образом, как подчёркивал учёный, «поддерживается без всякой надобности обособленность вошедших в состав Русского государства инородцев, создаётся чисто искусственно их разобщение с русским населением...путём особой общественной или религиозной организации населения инородческого, пользующегося во многих сферах юридических отношений...большими выгодами, чем русское» [73, с. 66-67]. Плоды такой национальной политики мы пожинаем до сих пор, а в последние десятилетия вновь наблюдается рост подобных тенденций: с конца 80-х годов

XX в. национальный сепаратизм – одна из самых болезненных для нашей страны проблем.

Но, говоря о России дореволюционной, справедливости ради надо отметить, что для национальных меньшинств существовал и ряд ограничительных законов, вызывающих их правомерное недовольство и негативное отношение к русскому населению. Стремясь к решению важнейшей государственной задачи – полному объединению всех своих граждан, шли не путём создания единых для всей российской территории и всего её населения законов (на чём настаивал Мигулин: «Когда же мы получим, наконец, общий для всей Империи гражданский закон, регулирующий важнейшие отношения частных лиц, уравнивающий в правах всех граждан, сглаживающий... различия в правах разных классов и разных местностей...?» [101, с. 15]), а путём «обрусения» других народов, «но не культурными мерами... а чисто полицейскими стеснениями, совершенно бесполезными для целей обрусения, но раздражающими инородцев, делающими самое имя "русский" ненавистным как имя угнетателя» [96, с. 403].

В результате значительная часть русских стала стыдиться своей национальной принадлежности и извиняться перед другими народами, отрекаясь от проводимой правительством политики и гордясь своим космополитизмом, возводя его принципы в идеал. Учёный так характеризовал изменения, произошедшие в национальном самосознании русского народа: «В приличных органах печати никто не смел защищать Россию и русскую народность, "патриот" стал почти бранным словом, и самый патриотизм мало-помалу выветрился. В литературе и жизни мы только оплевывали самих себя и всё русское. Могла ли такая рознь правительства и управляемых, России и русских довести до добра?» [96, с. 403]. К великому сожалению, любой россиянин в возрасте старше 15 лет может не только лаконично ответить: «Нет», но и в подробностях, с множеством примеров из нашей жизни, рассказать, до чего именно она может довести. Что же касается слова «патриот», то, пережив совсем недавно очередной период гонений, оно и по сей день ещё не вернуло окончательно своего первоначального высокого смысла.

Итак, проанализировав состояние традиционных основ России, её базовых ценностей, Мигулин пришёл к выводу об их плачевном состоянии и дискредитации в глазах общества. Невозможно построить дом на песке: он начинает оседать, по стенам бегут трещины и, наконец, с грохотом и звоном разбитого стекла, он рассыпается, погребя под своими обломками всех, кто находился внутри. Общество, лишённое прочного ценностного фундамента, ждёт та же участь. Вероятно, именно поэтому, из неосознанного инстинкта самосохранения, люди не могут жить без объединяющих их, зовущих к общим целям представлений; и как только одни

ценности по тем или иным причинам утрачивают свою значимость, на смену им приходят другие. Весь вопрос в том, какие.

Россия сделала далеко не самый лучший выбор: марксизм дал пищу умам и заполнил пустоту в душах миллионов. Прекрасно осознавая это, Пётр Петрович отнюдь не был склонен винить принявших на веру теорию Маркса людей. О чём бы он ни писал, анализом какой бы проблемы ни занимался, его всегда отличало стремление избежать поверхностного взгляда и скоропалительных выводов. Знаменитое «Зри в корень!» Козьмы Пруткова вполне могло бы быть девизом Мигулина-исследователя. Без преувеличения можно сказать, что всю свою научную и практическую деятельность он посвятил цели, которая может быть выражена словами, сказанными гораздо позже уже цитированным нами А.Д. Билимовичем: «...со всем бесстрашием вскрывать и со всей решительностью устранять те дефекты самой жизни, жизни индивидуальной и социальной, которые питают марксизм и делают людские массы восприимчивыми к нему, лишая их способности сопротивляться его яду» [7, с. 61].

Так и в данном случае учёный подчёркивал смехотворность обвинений в адрес негодующего общества в целом и крайних его элементов, которые «как-никак преследуют известную идею общего блага согласно своего разума» [96, с. 407]. И хотя они ошибаются, но ошибка эта вызвана исключительно неумелыми и бестактными, незаконными, разорительными и губительными для страны действиями властей. Таким образом, ответ на вопрос «кто виноват?» был для профессора очевиден.

Власть имущие же не торопились признать свои действия ни неумелыми, ни губительными для России и довели дело до революции, в которой поначалу видели только политическую, но не социальную подоплёку, не осознавая всех возможных последствий происходящих в стране процессов. Ведь политические революции, по словам Мигулина, — дело обычное в целом мире, их последствия, как правило, экономически благотворны: они расширяют сферу применения частной инициативы, обновляют самодетельность общества, избавляют его от правительственной опеки, подогревают патриотизм.

Действительно, государственное устройство давно переживших буржуазно-демократические революции европейских стран представляло достойные подражания образцы. Россия начала XX в., в сравнении с ними, выглядела далеко не лучшим образом, являя собой пример полицейского государства, граждане которого лишены элементарных прав и свобод. Проблема необходимости и неизбежности государственного переустройства давно существовала в российском общественном сознании как важная составляющая назревших преобразований. Но раньше она была лишена прикладного значения, не имея возможности практической реализации,

революционные же события 1905-1907 гг. выдвинули её на первый план. Как отмечал один из членов Вольного Экономического Общества В.А. Мякотин: «В такой момент, когда старый государственный строй потерпел полное и всеми сознание крушение, и народные массы открыто выступают с требованием права на свободное решение вопросов своей жизни, поздно уже говорить о частичных изменениях старого порядка, не затрагивающих самого его существа» [147, с. 34-35].

По мнению профессора Мигулина, удовлетворить эти требования умеренных элементов не так трудно, но в охватившем империю массовом движении вовсе не им принадлежала ведущая роль. И напрасно именно об их успокоении в первую очередь заботилось правительство С.Ю. Витте, находившего, что «корни волнения лежат между идейными стремлениями русского мыслящего общества и *внешними формами* его жизни. Россия переросла формы существующего строя. Она стремится к строю правовому, на основе гражданской свободы» [Цит. по: 77, с. 381].

Мигулин отмечал, что рядом с политической революцией идёт революция социальная. Он находил, что причины кризиса лежат гораздо глубже, чем это видится премьер-министру, на что указывает то обстоятельство, что волнение охватило слои населения, не имеющие подобного (а зачастую, вообще никакого) представления о каких бы то ни было формах государственного строя.

Полемизируя с Витте, Пётр Петрович утверждал, что дело не в одних только формах общественной жизни. Как легко можно было бы решить социальные проблемы, если бы всё зависело лишь от этого: «Стоит дать обществу свободу печати, совести, собраний, союзов и личную неприкосновенность, уравнивать перед законом всех, независимо от вероисповедания и национальности, стоит гарантировать всё это введением представительной формы правления (по возможности...на началах всеобщего избирательного права), – и всё уладится, всё придёт в порядок!» [77, с. 381-382]. Справедливость его точки зрения подтверждается и практикой преобразований рубежа 80-90-х гг. XX в., когда реформы начали именно с предоставления населению политических прав и свобод.

Мигулин, конечно, осознавал (да и как иначе могло быть с выпускником юридического факультета) непреходящее значение правовых гарантий в жизни общества, и в первую очередь свободы личности, понимаемой им широко и включающей в себя, кроме упомянутых свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности, такой важный момент, как свобода передвижения. «Мы уже не говорим о разных "чертах оседлости", – писал учёный. – Но у нас *всё сельское крестьянское население* до сих пор прикреплено к земле, к своим обществам, прикреплено *не экономически...а юридически, нелепейшей паспортной системой*» [101, с. 13-14].

Он соглашается с тем, что, в уступку исторической традиции, допустимо требовать от каждого иметь при себе постоянный вид на жительство. Но от крестьян и мещан (т.е. рабочих классов) требуют временных видов (трёхмесячных, полугодовых, годовых, в крайнем случае – пятилетних), которые необходимо постоянно менять и пересылать. Мигулин отмечает, что в таких условиях не могут правильно производиться ни наём рабочих, ни отхожие промыслы, ни торговля; люди лишаются одного из основных прав – права работать. Да, к тому же, при выдаче паспортов царят произвол и взяточничество, что ведёт к разращению населения и сельских властей. Низшие классы осознают свою ущемлённость, завидуют привилегии (у нас это действительно привилегия! – восклицает Мигулин) высших классов иметь постоянный вид на жительство.

В шаткости юридического порядка в среде крестьян, неопределённости их имущественных и общественных отношений, вызывающей массу затруднений в ходе ведения личного хозяйства, недостаточном соответствии законодательства потребности населения в прочном правопорядке Мигулин видел главную причину, задерживающую рост экономического благосостояния российского народа.

Ценность политических и гражданских прав, с его точки зрения, состоит именно в возможности достижения при их наличии этого роста. Учёный был совершенно убеждён, что предоставление гражданских прав и свобод само по себе не успокоит волнения народных масс, их получение удовлетворит лишь классы имущие, поскольку эти права и свободы есть «только *условие* правильного существования населения, но ещё не самое существование; *средство*, а не *цель* (курсив наш – Е.Б.), к достижению которой мы стремимся: общее благополучие, обеспечение народных масс трудовым безбедным существованием» [77, с. 384].

Понимания этого, тем не менее, не доставало не только представителям властей. На сходных позициях стояли и некоторые представители науки, в числе которых были члены упомянутого нами Вольного Экономического Общества (в частности И.В. Чернышёв), считавшие, что целью первой русской революции являлась передача государственной власти в руки народных представителей, установление политической свободы и равенства перед законом всех граждан, независимо от национальности, религии и пола [197, с. 51].

Хотя Мигулин признавал юридические реформы непременным условием правильного развития современного экономического строя, но главное, в чём, по его убеждению, нуждалась Россия, единственное, что могло успокоить массу населения, – это проводимые сверху социально-экономические реформы, не паллиативные, а «совершенно радикальные и создающие обеспечение этой массы землёю и трудом промышленным (в

широком смысле)» [77, с. 384]. В эпоху всеобщего безделья, забастовок, словоизвержения единственная возможность дать достойный выход народному негодованию и избежать кровавых переворотов – это занять общество тяжёлым, но плодотворным трудом, остановить разрушение и приступить к созиданию.

Говоря о необходимости социально-экономических реформ, Пётр Петрович заострял внимание на том, что их удачное проведение в жизнь гораздо сложнее, чем реализация реформ юридических, зависящих от доброй воли существующей власти, которая часто ограничивает права населения в своих интересах. Он подчёркивал, что потребуются долгая упорная работа для того, чтобы, используя блага культурной Европы – правовой порядок и правовую свободу, – «пересоздать старые устои русской жизни на новый лад, добиться не только правового, но и *экономического* обновления» [100, с. 23].

Начинать же это нелёгкое дело необходимо с разработки детальной программы предстоящих экономических и финансовых преобразований («Торопитесь выработкой программ этой работы...давайте план, давайте смету нового здания, укажите средства по осуществлению этой сметы» [100, с. 30]), способной успокоить возбуждённые народные массы, дать им силы верить и надеяться, ждать, а не брать силой то, что получить по-хорошему кажется сейчас невозможным. Главное же внимание должно быть сосредоточено на положении дел в сельскохозяйственной отрасли (ещё раз подчеркнём, что аграрную сферу учёный всегда считал основой благосостояния России). Надо сказать, что он не просто указывал на это обстоятельство, но и создал свою программу, к рассмотрению которой мы обратимся позднее.

Мигулин настаивал на том, что распространённому в России обывательскому и теоретическому социализму нужно противопоставлять не буржуазный либерализм, как это чаще всего делается, а государственный социализм, который, в противоположность отвлечённым пожеланиям и отдалённым идеалам, не осуществимым, возможно, не только в ближайшем, но и отдалённом будущем, ставит дело на реальную основу. В качестве примера он приводил опыт Германии, где социал-демократия была побеждена благодаря воплощению в жизнь идей, выработанных данным научным направлением. Проводимые властями социально-экономические реформы способствовали умиротворению социального брожения в этой стране. На тот же путь вступили многие другие государства, «из которых вперёд пошла, впрочем, только одна Швейцария (если не считать некоторых английских колоний)» [64, с. 2].

О принципиальном различии между настоящим социализмом и социализмом государственным писал ещё бывший современником возник-

новения и свидетелем проникновения в Россию обоих научных направлений корифей отечественной экономической науки и выдающийся государственный деятель Н.Х. Бунге. По его замечанию, «первый имеет в виду подорвать существование государства или превратить всё народное хозяйство в государственное; второй хочет усилить хозяйственную деятельность государства настолько, насколько это необходимо для устранения губительных последствий неограниченной свободы интересов» [Цит. по: 185, с. 51].

В связи с этим особую значимость приобретает вопрос о роли государства в экономической жизни страны, о его влиянии на проходящие в данной сфере процессы. Как уже говорилось, профессор Мигулин называл государство высшей из общественных организаций, обладающей таким суверенитетом, в силу которого, даже принудительно, может решать задачи, которые сочтёт необходимыми в общих интересах, ради чего допустимо поглощение интересов частных. Об этом и необходимо вспомнить. Государство должно отказаться от невмешательства в частнохозяйственные отношения, в экономическую борьбу капитала с трудом, своей главной задачей оно должно сделать подъём благосостояния народных масс, взять в свои руки регламентацию отношений между капиталом и трудом, встать на сторону последнего.

Обозначенная проблема занимала не только Петра Петровича, она довольно широко обсуждалась российскими учёными начала XX в. Сделанный частью из них вывод о том, что теория государственного невмешательства в экономическую жизнь общества отжила свой век и должна сойти со сцены, совпадал с требованиями, предъявляемыми государству самим обществом. На это обстоятельство указывал один из виднейших представителей нашей финансовой науки данного периода М.И. Боголепов: «Современные общественные классы борются между собой из-за стремлений заставить государство служить определённым целям и задачам. Немолчно раздаётся стоустая проповедь, в которой государство призывается к настойчивому вмешательству в народнохозяйственную жизнь» [12, с. 9].

Однако весь вопрос, как подчёркивал профессор Мигулин, в пределах этого вмешательства (заметим, что данная проблема попала в сферу его научных интересов ещё в период обучения в университете и написания магистерской диссертации: в 1896 г. он представил на письменный магистерский экзамен сочинение под названием «О пределах государственного вмешательства»). Учёный стремился к нахождению «золотой середины» — положения, при котором частная инициатива и государственное участие в экономике находились бы в оптимальном соотношении. Государство, как он полагал, не может и не должно сужать собственные задачи, но это не го-

ворит о том, что вся хозяйственная жизнь страны должна быть взята им в свои руки. Подобный опыт имел место в условиях критикуемого Мигулиным полицейского государства старого типа, которое вторгалось в частные отношения без всякой надобности, стесняя общественную жизнь, свободу промышленности и торговли. При этом рекомендовалось иметь казённые: заводы, горные промыслы, сельское хозяйство, торговлю; государство национализировало землю, имело множество разнообразных регалий и сильно ограничивало сферу применения частной инициативы.

К тем же результатам, спустя десятилетия, привело осуществлённое в России большевиками тотальное огосударствление экономики, что вызывало весьма скептическое отношение учёного к советскому варианту социализма: «...где же социализм, при чём "коммунистическая революция"? Правда, Союз С.С.Р. располагает множеством фискальных монополий и казённых предприятий. Но ведь это повышенный сверх нормы "этатизм", а не социализм. Много даже сходного со старым русским строем...» [121, с. 26].

Подобное отношение к чрезмерному вторжению государства в экономическую жизнь страны было свойственно Мигулину всегда. Поэтому, по крайней мере, удивление вызывает отнесение учёного в рецензии на одну из его работ, опубликованной редактируемой Д.И. Пихно газетой «Киевлянин», «к той современной школе финансистов, которые, сильно преувеличивая способности государства вести хозяйственные предприятия и забывая основные черты бюрократии, готовы создавать для казённого хозяйства самые широкие программы» [165, с. 2].

Практическое осуществление государственного социализма Мигулин видел не в создании подобных программ, а в соответствующей финансовой системе. Как неоднократно подчёркивал в своих работах учёный, «уравнение экономических прав, ограничение частного производства и частной собственности —...единственно в правильной *финансовой политике*, строящейся...на социальном принципе *принуждения*, а не на частнохозяйственном — *свободе...конкуренции*» [128, с. 1202].

В условиях государственного социализма ставится вопрос о более рациональном и справедливом распределении создаваемых и уже накопленных богатств посредством изменения принципов налогообложения, а именно: прогрессирования его ставок, конфискации в пользу государства незаслуженной прибыли, ренты (в широком её понимании), увеличения государственных расходов на народное образование и подъём благосостояния народных масс. Используя налоговый аппарат, государство направляет хозяйственную жизнь населения: поощряет одни производства, регламентирует другие, ограничивает третьи; предотвращает концентрацию капитала в некоторых, особенно прибыльных, отраслях и направление его на спекулятивные операции; привлекает капитал в наиболее важ-

ные, по соображениям государственной пользы, отрасли; присваивает себе предприятия, особенно выгодные, монопольного характера или те, которые может вести лучше, чем частные лица.

Мигулин, однако, отмечал, что при всей сложности и социальной важности вопроса о справедливом распределении произведённых продуктов, ему не следует придавать первенствующего значения. Было бы что распределять, а следовательно, прежде всего надо произвести. Задачу современной науки он видел в изыскании способов согласования наиболее успешного производства возможно большего количества материальных благ с наиболее справедливым их распределением. «Если это задача науки, то тем более это же задача современного государства, современных политических деятелей...» [100, с. 13], – заключал Пётр Петрович.

Правильное проведение в жизнь социальных принципов, по его мнению, должно поставить общество на путь быстрого мирного развития, обеспечить социальную стабильность и экономический рост. Причём, обращаясь к экономической стороне вопроса, ещё раз подчеркнём: он был убеждён в том, что государство не может и не должно брать на себя осуществление всех экономических задач; большинство из них необходимо предоставить частной инициативе. Но на государстве, как считал учёный, лежит обязанность создать такие условия, при которых она могла бы быть осуществлена.

О каких же условиях идёт речь? Будучи доктором финансового права, Мигулин при решении любой проблемы придавал первостепенное значение именно финансовой стороне вопроса; в финансовых расчётах он видел «узел» всякой реформы. Мы уже обращали внимание на данное обстоятельство, характеризуя отношение учёного к предлагаемому марксистом варианту социального переустройства общества. Так и в данном случае, он замечал, что никакая частная деятельность немыслима без привлечения необходимых для её осуществления средств, что, в свою очередь, возможно только путём правильной организации кредита. Вот эту задачу и должно взять на себя государство.

К подробному рассмотрению взглядов профессора Мигулина на оптимальное, наиболее эффективное устройство финансовой системы государства мы обратимся в четвёртой главе нашего исследования: в ходе изложения созданной им программы возрождения России. Предметом же исследования следующей, третьей главы станет его видение ключевых проблем российской жизни рубежа XIX-XX вв., приведших страну к кризису и сделавших необходимым проведение коренных реформ. Причём, учитывая то обстоятельство, что источником благосостояния России (страны на тот момент земледельческой) учёный считал сельское хозяйство, положению дел именно в аграрной сфере и будет уделено главное внимание.

ГЛАВА 3. ПОСТАНОВКА АГРАРНОГО ВОПРОСА В РАБОТАХ П.П. МИГУЛИНА

3.1. Политика индустриализации страны и её последствия

«Конец XIX и начало XX века ознаменованы жесточайшей экономической борьбой всех народов, которая всё более и более грозит принять чрезвычайные размеры» [101, с. 2], – писал в 1904 г. профессор Мигулин. Он отмечал, что передовые страны Западной Европы и США вступили в неё во всеоружии: зажиточное образованное население, развитая промышленность, весьма совершенный политический строй, обеспеченный правовой порядок, накопленные в течение столетий огромные капиталы, отсутствие внешней задолженности, разветвлённые пути сообщения, мощный коммерческий флот, организованная внешняя торговля, блестящая дипломатия, участие общества в делах государства и, наконец, сознание национальной солидарности. По большинству (если не по всем) из этих показателей им проигрывала Россия; отставание наше и необходимость его ликвидации осознавались как обществом, так и руководством страны. Спешно бросились навёрстывать упущенное (один из наших излюбленных лозунгов: «Догоним и перегоним!», видимо, относится к разряду вечных, вот только образец для подражания время от времени меняется).

Несмотря на то, что направлений, по которым следовало действовать, было несколько, главное внимание правительства привлекло развитие отечественной промышленности. Возразить что-либо против столь достойной цели сложно, однако использованные при её достижении средства, как считал Пётр Петрович, вряд ли могут быть признаны вполне рациональными и оправданными. Он писал о том, что постоянная забота нашего правительства о развитии промышленности, усиленное покровительство ей несколько не удивительны и вполне естественны, но «заботливость заботливости рознь, и не всякое покровительство плодотворно» [88, с. 305].

В первом Всеподданнейшем докладе (на 1893 г.) в качестве министра финансов С.Ю. Витте поставил главной задачей своей будущей деятельности подъём производительных сил страны, её решение он построил на создании и развитии крупной горнодобывающей, обрабатывающей промышленности, а также железнодорожном строительстве. Всё это требовало колоссальных затрат, средства для которых стали искать при помощи государственных кредитных операций, чему в значительной мере способствовало благоприятное для нас в тот момент состояние зарубежных денежных рынков. 1895-1899 гг. были периодом наибольшего расцвета российского государственного кредита за границей. В описании Мигулина ситуация тех лет выглядела следующим образом: котировка российских 3%-ных долговых обязательств периодически превышала ко-

тировку германских и прусских 3%-ных консолей; 3,5%-ные закладные листы Дворянского банка реализовывались по 98 за 100; конверсии наших высокопроцентных займов успешно осуществлялись даже без помощи иностранных банкиров, Министерство финансов подумывало о замене 4%-ных займов 3,5%-ми и даже 3%-ми; российские кредитные билеты во всех крупных городах Западной Европы разменивались на местную валюту без всякого дисконта; иностранные капиталы ежегодно поступали в Россию десятками миллионов рублей, со всех сторон «сыпались» предложения займов на самых выгодных условиях. Государственные финансы процветали: общая сумма превышения обыкновенных доходов над расходами достигала в 1893-1899 гг. 1 млрд руб. [125, с. 351].

В этих условиях индустриализация страны шла гигантскими темпами. Во Всеподданнейшем докладе министра финансов на 1900 г. ежегодный прирост производства в обрабатывающей промышленности за период 1893-1897 гг. оценивался в 161,2 млн руб. Подчёркивалось, что в это пятилетие обрабатывающая отрасль развивалась в четыре раза быстрее, чем в 1887-1892 гг., и в шесть раз быстрее, чем в 1878-1887 гг. Особенно выделялся значительный скачок в горнодобывающей и металлургической промышленности: так, в 1892 г. добыча каменного угля составила 424 млн пуд., нефти – 299 млн пуд., выплавка чугуна – 64 млн пуд., прокат стали – 31 млн пуд., железа – 29 млн пуд.; а в 1898 г. соответствующие показатели достигли уровня 746, 507, 134, 90, 30 млн пуд. [29, с. 5].

Казалось, периоду роста не будет конца, критика работы Министерства финансов разбивалась о факты, которые невозможно было отрицать. Однако далеко не все представители науки с оптимизмом смотрели на положение дел в отечественном народном хозяйстве, среди них был и профессор Мигулин. Одним из спорных моментов являлась целесообразность широкого привлечения иностранных капиталов (как в виде кредитов, так и в форме инвестиций) в российскую экономику. Уже в первой своей работе «Регулирование бумажной валюты в России», опубликованной в 1896 г., учёный акцентировал внимание на том, что приливающие к нам огромные иностранные капиталы, действительно, оживляют экономику, но ещё более извлекают барышей, направляемых за границу к невыгоде нашего платёжного баланса. При этом он отмечал и то, что к нам поступают главным образом не денежные, а материальные капиталы, кроме того, организаторами, руководителями, а зачастую, и техниками создаваемых предприятий являются иностранцы, на долю же российских работников приходится только низкооплачиваемый, не требующий какой-либо квалификации труд.

Сразу оговоримся, что Пётр Петрович не был противником вложения в отечественное народное хозяйство иностранных капиталов как таковых: «Мы не против прилива иностранных капиталов в русскую промышлен-

ность. Было бы лучше, чтобы работал русский капитал, но если его нет, то... пусть работает иностранный, чем никакой» [118, с. 27]. Но при условии ограждения (посредством хорошего фабричного законодательства) от эксплуатации иностранцами русского рабочего и при условии ограничения участия зарубежного капитала в заведомо сверхприбыльных предприятиях: разработке богатых золотых или платиновых приисков, нефтяных месторождений. Он не считал естественным и благотворным положение, при котором российская экономика попадала в зависимость от экономик более развитых стран, кроме того, учёный полагал, что полученные из-за рубежа средства используются нами далеко не всегда рационально.

Между тем, доля иностранных инвестиций постоянно росла и к 1900 г. составляла: в горнодобывающей промышленности – 70%, в машиностроении и металлообработке – 72%, в химической промышленности – 31%. Из 18 расположенных на юге России металлургических заводов 14 принадлежали иностранцам. На начало XX в. иностранные вложения составляли 45% всего акционерного капитала, более половины из них (54,7%) – в горнодобывающей и металлургической промышленности. В 1901 г. общая сумма иностранного капитала в России составила 788 млн руб. [37, с. 220].

Конечно, причиной столь масштабных вливаний в нашу экономику было отнюдь не желание зарубежных капиталистов сделать Россию мощной в промышленном отношении державой. Их, что совершенно естественно, заботил собственный интерес: получение наибольшей прибыли, что становилось возможно, поскольку, стимулируя инвестиционный процесс, российское правительство на чрезвычайно выгодных условиях щедро раздавало вновь образуемым предприятиям казённые заказы. В результате, как отмечал Мигулин, завод мог почти сразу окупиться первым же заказом. За пуд рельсов для казённых и частных железных дорог платили 1,5-1,8 руб., тогда как действительная их стоимость составляла 85 коп., такая же ситуация была с заказами на паровозы, вагоны, сортовое железо, трубы для казённого нефтепровода, оружие и т.д. Новые железные дороги строились иногда не по причине их необходимости, а лишь для того, чтобы обеспечить работой возникающие предприятия.

Подобная инвестиционная политика способствовала тому, что прибыль первых построенных иностранцами в России предприятий оказалась, без преувеличения, громадной, что ещё более повысило привлекательность вложений в нашу обрабатывающую промышленность и увеличило число инвесторов. Казённые заказы, как подчёркивал учёный, создали промышленность, «притом сразу, в...относительно грандиозных размерах, но в то же время поставили её на нездоровую почву вне условий времени и пространства, без соображения с длительной потребностью рынка, без соображения с коммерческой конъюнктурой производства» [88, с. 311].

Дабы поддержать нарождающуюся промышленность, прибегли и к помощи таможенного покровительства, причём огульного: наложили высокие, почти запретительные, тарифы практически на все импортируемые товары, даже на те, для производства которых в России не было благоприятных условий. Высокие ставки пошлин на ввозимые к нам товары привели к таможенной войне с Германией, завершившейся заключением весьма невыгодного для российского сельского хозяйства торгового договора. Промышленную же конкуренцию со странами Западной Европы и США устранить не удалось, поскольку отечественные промышленники (ни по ассортименту, ни по цене, ни по качеству производимых ими изделий) не могли удовлетворить нашего потребителя.

С.Ю. Витте, подводя в мемуарах итог своей деятельности на высших государственных постах, считал выполненной задачу, поставленную в упомянутом выше Всеподданнейшем докладе на 1893 г.: «Благодаря систематическому проведению протекционистской системы и защите с моей стороны, и приливу к нам иностранных капиталов, промышленность у нас начала быстро развиваться, и в моё управление министерством (финансов – Е.Б.), можно сказать, прочно установилась национальная русская промышленность» [Цит. по: 37, с. 220]. Профессор Мигулин был категорически не согласен с Витте, будучи уверен в том, что промышленность «у нас до сих пор (1905 г. – Е.Б.) насадить... не удалось, несмотря на все старания. Она до сих пор лишь тепличное, искусственно выросшее растение, хилое, неокрепшее, способное завянуть при первом же дуновении ветра» [88, с. 306].

Этим «дуновением» стали изменение во второй половине 1898 г. ситуации на денежных рынках Западной Европы, затруднившее реализацию новых российских займов, и разразившийся вслед за тем кризис; промышленность наша, конечно, не «завяла», но убытки понесла огромные. Среди «лопнувших» предприятий были претерпевавшие, по выражению учёного, по плохому их оборудованию, недостатку капиталов, злоупотреблению возглавляющих их лиц, неумелому ведению дел, безобразным расходам и т.д. Но разорились и предприятия, хорошо организованные, ведшиеся коммерчески правильно, дававшие заработок местному и пришлому населению, имевшие государственное значение. К последним можно отнести основанные на отечественные (принадлежавшие С.И. Мамонтову и П.Г. фон Дервизу) капиталы предприятия.

Глубинную причину произошедшего Мигулин видел в том, что у нашей «скороспелой» промышленности не было самого главного – рынков сбыта для её продукции, а это обстоятельство выступает основным тормозом и для промышленности других, более развитых, чем Россия, государств. Предъявителями же спроса на внутреннем рынке являлись преимущественно земледельческие классы, однако их покупательная способность была по-

дорвана рядом неурожайных лет: «Мыслимо ли думать, что...земледельческая страна, главный предмет вывоза которой – зерновые хлеба, может перенести без глубокого экономического потрясения пять неурожайных годов, особенно если она так задолжена за границе, как Россия» [125, с. 397].

Пётр Петрович подчёркивал, что увеличение внешней задолженности – вещь очень опасная, если оно не сопровождается подъёмом производительных сил берущей кредиты страны до уровня, позволяющего ей увеличить экспорт своей продукции в такой степени, чтобы иметь возможность расплатиться с кредиторами. Он указывал на то обстоятельство, что разразившийся промышленный кризис до очевидности ясно показал несостоятельность несообразного с уровнем платёжеспособности потребителей развития промышленности, сопровождающегося увеличением заграничной государственной задолженности. К сожалению, власти далеко не сразу осознали эту истину. Лишь в 1904 г. в поданной на имя Николая II «Записке по крестьянскому делу» Витте фактически признал, что индустриализация России без улучшения положения дел в отечественном сельском хозяйстве невозможна, поскольку низкий уровень развития последнего создаёт значительные сложности на пути экономического развития страны.

До этого же, по замечанию Мигулина, вся наша экономическая и финансовая политика как бы умышленно была направлена к разорению сельского населения, к пренебрежению его нуждами. Витте выступал против прямого государственного вмешательства в сельскохозяйственную отрасль, которая, как он считал, менее и медленнее всего поддаётся правительственному воздействию. Государство, с его точки зрения, должно было содействовать развитию аграрного сектора не прямыми капиталовложениями, а созданием дешёвого кредита, строительством железных дорог и расширением внутреннего рынка (через развитие отечественной фабрично-заводской промышленности) [39, с. 190]. Министр финансов всячески противодействовал выделению средств на мероприятия по интенсификации сельского хозяйства, с инициативой которых выступало Министерство земледелия (созданное в России только в марте 1894 г. – что наглядно подтверждает, сколь мало внимания уделялось правительством важнейшей на тот момент отрасли нашего народного хозяйства).

Учёный считал, что в интересах равномерного развития добывающей и обрабатывающей промышленности требовалось, наряду с Министерством земледелия, учредить Министерство торговли и промышленности, в ведение которого отошли бы дела, находящиеся в компетенции Главного управления, входящего в состав Министерства финансов. Тогда министр финансов уделял бы одинаковое внимание всем отраслям промышленности, в сложившейся же ситуации, оно, естественно, было сосредоточено на тех из них, которые находились под его непосредственным надзором.

При существующей системе министерств и ведомств, как отмечал Мигулин, сельскохозяйственная промышленность была в совершенном загоне, о ней не заботились, хотя везде в официальных документах упоминалось о зависимости нашего экономического благосостояния от урожая. О степени этой зависимости можно судить по приводимым в его работах данным: в 1904 г. из России было вывезено продукции на 955 млн руб., из них 495 млн руб. приходились на хлеб, ещё 255 млн руб. – на другие сельскохозяйственные продукты; итого 750 млн руб. [109, с. 441].

Однако на серьёзные размышления, по мнению учёного, наводил тот факт, что в начале XX в. страна импортировала большое количество сырых и полуобработанных продуктов, являвшихся ранее предметом нашего широкого экспорта. Так, в Россию ввозилось довольно много продуктов скотоводства; Мигулин приводит следующие данные: в 1905 г. мы закупили за рубежом кож на 15 млн руб. (из них невыделанных – почти на 8 млн руб.), шерсти нечёсаной и непряденой – на 18 млн руб., пряденой, кручёной и чёсаной – на 11,8 млн руб., сала – на 6,5 млн руб. [70, с. 65]; всего на сумму более 50 млн руб. И это неудивительно, поскольку, начиная с 1899 г., в российском скотоводстве наблюдался постоянный регресс, который наглядно иллюстрируется данными, приводимыми в работах известного отечественного историка А.М. Анфимова, представленными в таблице 3.1.1.

Таблица 3.1.1

Общее поголовье скота в Европейской России [4, с. 6]

Период	Население (тыс. чел.)	Скот в переводе на крупный* (тыс. голов)	На 100 жителей (условных голов)	% к 1896-1898 гг.
1894-1895 гг.	91 860	48 029,3	52,3	85,0
1896-1898 гг.	94 215	57 977,7	61,5	100,0
1899-1901 гг.	98 379	59 801,9	60,8	98,9
1902-1904 гг.	103 423	61 235,1	59,2	96,3
1905-1907 гг.	108 803	59 298,8	54,5	88,6
1908-1910 гг.	114 590	59 852,5	52,7	84,9
1911-1913 гг.	119 800	62 074,9	51,8	84,2

*Условно 1 голова крупного скота = 10 овец и 3 свиньи.

Ухудшающаяся ситуация в отечественном сельском хозяйстве требовала немедленного вмешательства государства, проведения целого комплекса реформ. Большие надежды в своё время возлагались обществом, и представителями учёного мира в частности, на учреждённое 22 января 1902 г. под председательством Витте Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Мигулин так характеризовал возникшие в связи с этим ожидания: «Думали, что совещание *заставит* С.Ю. Витте обратить своё благосклонное внимание на падающее русское сельское хо-

зяйство в широком смысле слова, на сельское население и его нужды, куда и будет обращён широкий денежный поток государственных ресурсов и привлекаемых из-за границы капиталов. Ожидали именно *практических* результатов в противоположность предыдущим подобным же совещаниям и комиссиям..., так как возможность каких-либо результатов обуславливается *средствами*, а С.Ю. Витте славился именно по части изыскания средств на те предметы, на которые он находил нужным их изыскивать» [109, с. 438]. Однако и это совещание, подобно упомянутым Мигулиным предыдущим, не принесло видимых результатов: не было выработано сколько-нибудь серьёзных рекомендаций, не говоря уже о программе широкомасштабной помощи сельскому хозяйству и нахождении необходимых для этого средств. В результате 30 марта 1905 г. оно было упразднено.

Нужды сельского населения, о которых писал учёный, действительно, были чрезвычайно велики. Тревогу прежде всего вызывало состояние продовольственной обеспеченности крестьян. В 1903 г., давшем довольно хороший урожай, на душу населения приходилось не более 25 пуд. важнейших продуктов земледелия (включая овёс и ячмень, не учитывая картофель) [100, с. 14]. Норма, едва ли достаточная для правильного питания, как замечал Мигулин. Он обращал внимание и на то, что, с развитием производства и поставки на экспорт сливочного масла и яиц, резко сократилось потребление сельским населением этих продуктов. Регулярно повторяющийся в неурожайные годы голод (этот вопрос будет освещён в третьем параграфе данной главы) и отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводили к буквальному вырождению крестьянских масс; уровень смертности, как детской, так и взрослой, в России был гораздо выше, чем в странах Европы (не только передовых, но и слаборазвитых).

Чрезвычайно важной проблемой, тормозящей экономическое развитие России и затрудняющей конкуренцию с западными странами, Пётр Петрович считал также низкий уровень развития народного образования, на которое власти обращали весьма мало внимания: «Ни общее, ни специальное (техническое), как сельскохозяйственное, так и относящееся к обрабатывающей промышленности образование не интересовало, по-видимому, правительственные сферы» [101, с. 6]. Мигулин отмечал, что в недавнее время (речь идёт о 1904 г.) возникло довольно много высших технических учебных заведений, сразу же переполнившихся студентами. Однако, по его мнению, их оборудование, преподавательский состав и организация учебного процесса находились на крайне низком уровне: эти учреждения больше занимались раздачей дипломов, нежели сообщали своим питомцам необходимые им знания. Количество же наиболее важных на тот момент, с точки зрения учёного, средних и низших технических учебных заведений не соответствовало существующей в них потребности, что уж говорить о

промышленных музеях, выставках, опытных технических лабораториях. (Заметим, что в конце XX в. Россия снова пришла к подобной ситуации в сфере среднего и высшего профессионального образования.)

Ещё хуже обстояло дело с начальным образованием. Мигулин констатировал тот факт, что российское население поражало огромным процентом неграмотных, чего уже не было ни в Западной Европе, ни в США; безграмотного же, как он писал, в наш век можно уподобить беспомощному слепому человеку. Отсталость России в этом плане, по его мнению, была опасна даже для её политического положения, поскольку во франко-прусской войне «"победил немецкий школьный учитель", да и в Крымскую войну так же не школьный ли учитель Франции и Англии победил нас?» [125, с. 430]. В 1904 г. в России, при общей численности населения около 140 млн чел., насчитывалось до 14 млн детей и подростков школьного возраста (10-15 лет), обучалось же в элементарных школах не более 4,5 млн чел., т.е. втрое меньше, чем следовало бы. В ряде регионов положение было просто катастрофическим: например, в некоторых уездах Пензенской губернии свыше 75% детей школьного возраста оставалось неграмотными, вследствие отсутствия учебных мест [18, с. 618].

Да и вряд ли можно было ожидать других результатов при том финансировании Министерства народного просвещения, которое существовало тогда в России. Так, в 1905 г. на его нужды было выделено 43 млн руб., из них 12 млн руб. – на народные школы. Всего на удовлетворение культурных потребностей населения (сюда Мигулин включал народное просвещение по всем ведомствам, церковные нужды, почтово-телеграфное дело, призрение, здравоохранение, помощь сельскому хозяйству) в этом году было отведено из почти двухмиллиардного расходного бюджета около 120 млн руб., т.е. лишь 6% потраченных государством средств [100, с. 6].

Что касается нужд «падающего сельского хозяйства в широком смысле слова», к которым Мигулин относил земельный вопрос, зависимость положения аграрного сектора экономики от природно-климатических факторов, условия экспорта сельскохозяйственной продукции, кредитную обеспеченность аграрной сферы, существующую систему налогообложения и расходования государственных средств, то к их подробному освещению мы обратимся во втором – шестом параграфах данной главы.

3.2. Земельный вопрос

Среди многочисленных бед российского крестьянства в конце XIX – начале XX столетий особенно выделялась проблема малоземелья, что даже приводило к отождествлению рядом отечественных экономистов аграрного и земельного вопросов, хотя первый из них, безусловно, объёмнее, рас-

смаатривает проблемы аграрного сектора в целом и включает в себя как составную часть второй. Это всегда хорошо понимал профессор Мигулин.

Положение с земельным обеспечением крестьян в рассматриваемый период было совершенно неудовлетворительным. Как писал в 1904 г. учёный: «Малоземелье крестьян средней, а отчасти и южной (не говоря уже о западной и юго-западной) России – давно...общезвестный факт» [73, с. 189]. Корни данной проблемы уходили к реформе 1861 г., которая, по его убеждению, была недостаточно радикально проведена и надлежащим образом не продолжена. Среди её недостатков Мигулин выделял два главных:

1. Наделение крестьян меньшим, чем было необходимо, количеством земли, к тому же не всех и неравномерно, с допущением четвертных (или дарственных) наделов.

2. Оставление после реформы землевладельцев и земледельцев в хозяйственном смысле на произвол судьбы, т.е. лишение их ипотечного краткосрочного и мелиоративного долгосрочного кредита (к этой проблеме мы обратимся в пятом параграфе данной главы), пренебрежение интересами сельскохозяйственной промышленности, возложение главной тяжести налогового бремени на сельское хозяйство, преимущественно на крестьян (данный вопрос мы рассмотрим в шестом параграфе этой главы).

На основании Высочайшего Манифеста 19 февраля 1861 г. и последующих актов, в ходе выкупной операции государственные крестьяне в среднем получили надел почти в 6,7 десятин на душу, удельные – около 5, помещичьи – около 3,5. Неравномерность земельного обеспечения усугублялась ещё и тем, что эти категории крестьян изначально имели различные нормы душевых наделов. К 1900 г., вследствие увеличения численности населения, по данным Мигулина, средний размер надела для всех них понизился до 2,6 десятин, при этом наибольшие участки (4,6-4,8 десятин) приходились на восточный, северный и северо-восточный регионы, а наименьшие (1,4-1,7 десятины) – на юго-западный и Украину. В наихудшем положении оказались бывшие помещичьи крестьяне, размер наделов которых составлял не более 1,5-1,8 десятины. В отдельных же местностях размер наделов опустился до 0,5 десятины на душу [87, с. 55]. И это в то время, когда для ведения преобладающего в России полевого хозяйства требовалось не менее 10 десятин пахотных угодий на двор.

Была категория крестьян, получивших при освобождении от крепостной зависимости даром небольшие участки, например, $\frac{1}{4}$ минимального надела (отсюда и их название – «дарственные», или «четвертные»). В 36 чернозёмных и нечернозёмных губерниях таких земледельцев набралось более 600 тыс. чел., их наделы в среднем составляли около 0,75 десятины на душу. А более 700 тыс. крестьян (бывшие дворовые, часть которых, как подчёркивает учёный, не будучи обучены какой-либо специальности и оставаясь землепашцами, относились к этому разряду по произволу помещи-

ков) землёй не наделялись. К началу XX в., с учётом прироста населения, таких малоземельных и совершенно безземельных оказалось около 3 млн чел. [90, с. 54-55] (речь идёт только о ревизских душах, т.е. о мужчинах). Мигулин расценивал их как весьма опасный в деревне элемент безработного пролетариата, наиболее социально беспокойный, давящий своей нуждой на остальных членов крестьянских обществ.

Как не было одинаковым положение крестьян различных категорий, так и ситуация в регионах страны существенно различалась: относительно размеров крестьянского землевладения; используемых приёмов ведения хозяйства; его специализации; ориентированности на внешний или внутренний рынок либо собственное потребление.

Экспорт зерна осуществлялся из частей страны, имеющих обширные площади свободных плодородных земель, к которым относились Юг, Поволжье, Северный Кавказ, Бессарабия и частично Сибирь; здесь было возможно производство дешёвого, способного конкурировать на рынках Западной Европы с американским хлебом. Ситуацию в этих регионах Мигулин описывал следующим образом: здесь преобладала типичная экстенсивная культура земледелия, были распространены крупные частные хозяйства, осуществлялась аренда обширных земельных участков; в процессе обработки земли и уборки урожая применялась сельскохозяйственная техника, но при этом практически отсутствовало удобрение почвы, и урожаи зависели от благоприятного стечения метеорологических условий.

Почти не работали на экспорт, а были ориентированы на удовлетворение потребностей внутреннего рынка, центр, запад и север России. Здесь использовались другие приёмы ведения хозяйства, но, как отмечал Пётр Петрович, «к несчастью, далеко не везде и не во всех хозяйствах удовлетворительные» [63, с. 5]. В крупных и средних помещичьих экономиях, а также на небольших крестьянских хуторах система ведения хозяйства была достаточно усовершенствованной, иногда в полном смысле интенсивной, подобно хозяйствам Западной Европы и густонаселённых, уже не работающих на экспорт, штатов США. В большинстве из них были введены правильный севооборот и многополье, почва регулярно удобрялась, применялись усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия, в хлевах содержалось большое количество скота.

Говоря о крупных поместьях, учёный приравнивал их к американским «хлебным фабрикам»: дело здесь было поставлено широко и на чисто коммерческой основе, нанимаемое на работу окрестное население получало крупные заработки, значительно превышающие доходы от ведения собственного хозяйства на своей или арендованной земле. На небольших (по преимуществу крестьянских) хуторах было довольно распространённым выращивание специальных сельскохозяйственных культур (так, в

Киевской и Харьковской губерниях существовали плантации клубники, ориентированные на столичный рынок), развивались птицеводство, мясное и молочное животноводство. Здесь «сельскохозяйственная промышленность, "огородные" системы хозяйства» [63, с. 6], – констатировал Пётр Петрович.

На экспорт сельскохозяйственной продукции (особенно зерна) из этих районов поступало немного. Корнеплоды (картофель и сахарная свёкла) перерабатывались на местных заводах, ячмень, овёс, отбросы мукомольного производства шли на откорм собственного скота. За границу же частично поставлялись яйца, птица, масло, бобовые и лён.

В перечисленных регионах и типах хозяйств ситуация была относительно удовлетворительной, а вот в крестьянском хозяйстве почти всего Центрального района и некоторых к нему примыкающих находилось «больное», по определению Мигулина, место империи. Хозяйство здесь велось, по преимуществу, нецелесообразно и убыточно, земледельцы не только не производили достаточного для экспорта объёма продукции, но и не всегда могли прокормить себя самих. Крестьяне, как отмечал учёный, буквально погибали от ужасающего малоземелья, делающего полевое хозяйство совершенно невыносимым – ни на своих наделных, ни на чрезвычайно дорого арендованных у соседних землевладельцев участках.

В этом регионе основная масса крестьян практически не использовала плуг, ограничиваясь сохой, которая, по словам Мигулина, лишь рыла и портила залегающий в центральной части России великолепный чернозём; не применяла никаких, даже простейших (например, железная борона), усовершенствованных орудий; удобрения продавала на сторону; не шла дальше трёхполья, сея на озимом поле рожь и овёс – на яровом; не вспахивала землю под чёрный пар. При такой обработке земли урожай становился редкостью: сбор 60-ти пуд. считался превосходным, тогда как расположенные в этом регионе и применяющие многополье помещичьи экономии собирали до 200 пуд. озимой пшеницы, овса и ячменя, 150 пуд. яровой пшеницы и проса, 80 пуд. бобовых, 2 тыс. пуд. картофеля и 1,5 тыс. пуд. свекловицы. В этих условиях валовой доход крестьянской земли не превышал 30 руб. с десятины, а помещичьей – доходил до 100-150 руб. [63, с. 7].

Высказываемые в адрес земледельцев центра России упреки в том, что они не ведут интенсивного полевого хозяйства, и приведение им в пример крестьян Западной Европы и Японии Мигулин называл смешными и неприличными. Он подчёркивал, что ни те, ни другие уже не ведут полевого хозяйства, а занимаются на своих небольших земельных участках хозяйством огородным, которое позволяет им жить безбедно. Это мелкие фермеры, специализирующиеся на птицеводстве, а также мясном и молочном животноводстве, для которых земля – только место для усадьбы, под-

собных построек, огорода. Да, к тому же, интенсификация сельскохозяйственного производства не решала аграрного вопроса в целом, подтверждением чего учёный считал опыт всё той же Западной Европы, откуда ежегодно сотни тысяч людей (в 1904 г. – 271 тыс. чел. только из Англии [63, с. 3]) эмигрировали в страны с обширными площадями неистощённых земель, чтобы иметь возможность вести экстенсивное полевое хозяйство.

Мигулин указывал и на то обстоятельство, что для России рубежа XIX-XX вв. экстенсивное полевое хозяйство было необходимостью, обусловленной борьбой за хлебные рынки Западной Европы, на которых наша продукция конкурировала с дешёвым зерном, произведённым экстенсивным сельским хозяйством стран Южной и Северной Америки. Продукция интенсивного сельского хозяйства западноевропейских стран не могла конкурировать с привозной и охранялась высокими покровительственными таможенными пошлинами, а там, где их не было (как, например, в Англии), пахотные площади с каждым годом уменьшались, отчего обострялся вопрос о введении для поддержки земледелия всё тех же пошлин.

Учёный подчёркивал, что при переходе к интенсивным приёмам земледелия потеряли бы свою конкурентоспособность, по отношению к американским и российские продукты, чего нельзя было допустить, т.к. победа в этой борьбе имела для нашей страны принципиальное значение. Сельскохозяйственная продукция (в основном зерновые культуры) являлась в то время главным предметом российского вывоза (так, в период 1896-1900 гг. доля хлебов, хлебных продуктов и «прочих важнейших произведений земледельческого промысла» в общем объёме экспорта составляла 58,7-67,5% [129, с. 3], а в 1904 г. она уже доходила до 78,5% [Рассчитано по: 109, с. 441]) и давала бóльшую часть поступлений от отечественной внешней торговли. Нельзя забывать и о громадной величине внешних долгов России (по данным Мигулина, более 6 млрд руб. к концу 1905 г.; сумма эта значительно выше приводимых другими исследователями, поскольку он включал в состав внешнего долга не только выпущенные в иностранных валютах государственные займы, но также размещённые за границей ипотечные займы, гарантированные государством займы частных акционерных обществ и вложенные в отечественную промышленность иностранные капиталы), платежи по ним доходили ежегодно до 250-300 млн руб. [103, с. 31], средства для этого получались именно за счёт экспортных поступлений.

Мигулин был убеждён, что до тех пор, пока все пригодные для выращивания зерновых культур земли мира не будут распаханы, а увеличившееся население не предъявит возросшего спроса на продукты питания, что повысит их цены, переход сельского хозяйства России, вынужденной экспортировать свой хлеб, к западноевропейским приёмам агрикультуры будет невозможен. Однако сразу оговоримся, что речь идёт о

сельском хозяйстве в целом и из этого не следует, как отмечал учёный, «что в приёмах нашего земледелия ничто не нуждается в переменах и всё у нас обстоит благополучно. ...далеко не все области наши работают на заграничный рынок (о чём было сказано чуть ранее – Е.Б.)..., следовательно, не для всех областей и не всех типов хозяйств непременно требуется применение условий, одинаковых с американскими» [63, с. 5].

Осознавая, что «хозяйственное расстройство» крестьян происходит главным образом по причине недостаточности и малой производительности их земельных наделов, власти в 1882 г. учредили Крестьянский банк, целью которого в момент его создания было признано увеличение площади крестьянского землевладения. Однако благие намерения, послужившие побудительным мотивом открытия этого кредитного учреждения, не были реализованы на практике. Действительно нуждавшееся безземельное и малоземельное крестьянство услугами банка воспользоваться не могло, в силу необходимости производить при покупке с его помощью земли доплаты из собственных средств. В соответствии с данными, приводимыми учёным, в 1883-1892 гг. их размер в среднем составлял 21% от стоимости приобретаемого участка, в 1893-1896 гг. он повысился до 34%, а в 1897-1901 гг. (период расширения деятельности банка по новому уставу) составлял около 20%, имея устойчивую тенденцию к повышению: 1897 г. – 18%, 1898 г. – 19%, 1899 г. – 20%, 1900 г. – 21%, 1901 г. – 23% [127, с. 955- 956].

Поэтому 10 млн десятин земли, перешедшие к 1905 г. при содействии банка в руки крестьян, послужили, по утверждению Петра Петровича, преимущественно улучшению земельной обеспеченности зажиточных крестьян, составлявших для таких покупок товарищества. Сделанный им вывод подтверждается содержащимися в его работах статистическими данными, отражёнными в таблице 3.2.1.

Таблица 3.2.1

Содействие Крестьянского банка сельским обществам, товариществам, отдельным лицам в приобретении земли [127, с. 953]

Годы	Количество земли (в десятинах), приобретённое при помощи банка		
	сельскими обществами	товариществами	отдельными лицами
1883-1892	836 066	1 028 300	25 893
1893	37 990	113 925	5 383
1894	38 800	136 954	5 211
1895	23 008	152 623	7 611
1896	44 416	156 036	6 207
1897	90 735	259 054	6 525
1898	167 442	410 813	11 974
1899	157 282	541 902	18 202
1900	135 592	660 809	20 964
1901	97 564	660 622	16 065

Как видно из таблицы, бóльшая часть приобретённой в течение 19 лет при посредстве Крестьянского банка земли приходилась именно на долю товариществ. Исходя из этого его учреждение (как и расширение деятельности в 1896 г.) Мигулин расценивал – относительно улучшения земельного обеспечения наиболее нуждающихся крестьян – как меру паллиативную, не решающую столь сложной проблемы.

По мере роста численности сельского населения земельный голод ощущался всё острее, вынуждая крестьян не только покупать землю, но и прибегать к её аренде. Профессор подчёркивал то обстоятельство, что, арендуя участок, они платили «не столько за самую землю, сколько за *право приложить свой труд к земледелию*» [127, с. 954], следствием чего явился значительный, не соответствующий доходности земли, рост арендных цен. Именно это Мигулин считал причиной последовавшего роста цен на землю, что зачастую подогревалось спекуляцией, «опять-таки рассчитывающей на перепродажу купленных земель по повышенным ценам или на извлечение из земли доходов путём эксплуатации крестьянского населения – арендаторов этой же земли» [127, с. 955]. В сложившейся ситуации часть землевладельцев стала отказываться от переставшего быть выгодным самостоятельного ведения хозяйства и сдавала землю крестьянам в аренду или продавала её им при посредстве Крестьянского банка, получая в дальнейшем доходы в виде арендной платы либо дивидендов по процентным бумагам, приобретённым на вырученные от продажи земли деньги.

Непомерно высокие для крестьянства арендные цены в густонаселённых районах оставались убыточными (во всяком случае, проблематичными, как замечал профессор) для землевладельцев – хозяев интенсивных экономий. Мотив, побуждающий их сдавать свои земли в аренду, он характеризовал как стремление сохранить добрые отношения с соседями-крестьянами. В подтверждение Мигулин приводил данные по одной из губерний Центрального района – Курской. В 1905-1906 гг. максимальный уровень арендных цен на землю под озимый посев доходил там до 25 руб. за десятину, тогда как в основном цены колебались в интервале от 14 до 20 руб. Урожай озимой пшеницы достигал в частновладельческих хозяйствах 100-150 пуд. с десятины, их рыночная стоимость равнялась 80-120 руб.; учитывая, что максимальные расходы владельца на десятину земли составляли 30-40 руб., приносимый ею чистый доход исчислялся в 50-80 руб. [62, с. 2].

Не получали выгоды в этой ситуации и арендаторы. Урожай крестьянской ржи не превышал 60-ти пуд. с десятины, стоимость которых на месте составляла 30-35 руб. При таком уровне доходности для земледельца было сложно даже оплатить аренду, тем более, если год оказывался неурожайным (в этом случае, по свидетельству Мигулина, обычно взималась лишь часть арендной платы), не говоря уже о том, чтобы безбедно содер-

жать свою семью и делать хоть какие-то сбережения. В результате крестьянин расплачивался собственным трудом в частновладельческих экономиях, собранный же с арендованной земли хлеб получал на пропитание своей семьи, солому – на прокормление скота. Вывод из этой ситуации напрашивался один: «Если экономий не будет, то 20-25 рублей за посевную десятину крестьянин средней полосы России заплатить будет не в силах, ибо от продажи хлеба немислимо выручить необходимую сумму, или она *целиком* пойдёт на уплату аренды, но тогда ради чего же работать?» [62, с. 2].

Кроме прямых убытков (выраженных в деньгах, потерянных при отказе от самостоятельного ведения хозяйства в пользу аренды), владельцы интенсивных хозяйств несли и ущерб, наносимый их земле арендаторами, обрабатывающими её, как и свою надельную, без удобрения, примитивным инвентарём, с использованием хищнических способов, истощающих почву и ведущих к всё большему снижению её урожайности. Пётр Петрович указывал на то, что худшая система земледелия практикуется именно при аренде земли, особенно одногодичной, наиболее распространённой в России рассматриваемого периода. Он придерживался того мнения, что аренда, с точки зрения земельной культуры, целесообразна лишь в случае её приближения к собственности, т.е. в случае долгосрочности и наследственности, когда появляется возможность вложения в землю капитала.

Мигулин был убеждён, что говорить о желательности лучших приёмов обработки земли бесполезно, пока у крестьянина нет ни необходимого для этого инвентаря, ни средств на его приобретение, распоряжение же землёй зависит не лично от него, а от общины. Проблему собственности на землю, по его мнению, можно было разрешить в ходе проведения реформы 1861 г., когда на повестке дня стояли важнейшие государственные задачи, а не интересы какого-либо отдельного сословия. Однако тогда не был поставлен и окончательно решён важнейший вопрос: желало ли правительство наделять землёй отдельных крестьян на правах частной и неограниченной собственности либо передавать землю сельским обществам на правах собственности коллективной, т.е. установить общинное землевладение.

Община присутствовала в России издавна, за её охрану в нашей экономической литературе и периодической печати, как писал учёный, было «поломано много копий». Он заострял внимание на следующем обстоятельстве: «*Общинной* собственности в строгом смысле слова, в *социалистическом* понимании, у нас не существует и никогда не существовало» [82, с. 130] (говоря об этом, Мигулин подразумевал обработку силами всей общины принадлежащей ей земли, а затем, после уборки урожая, раздел дохода поровну или в известном отношении между её членами). Тем не менее, всё сказанное в защиту данного способа землевладения исходило именно из соображений о возможности существования общины в социали-

стическом смысле. Учёный замечал, что такую общину надо ещё создать; закон вряд ли препятствует соглашению членов каждой отдельно взятой из них по поводу переустройства её на данных началах, но на деле, если и есть в России подобные общины, то лишь в виде редкого исключения.

Существовавшая же община являлась пережитком крепостного права. Мигулин констатировал тот факт, что правительство охраняло этот порядок землевладения в основном с целью установления строгой круговой ответственности за лежащие на крестьянах платежи: сначала – подушную подать, потом – государственный поземельный налог, выкупные платежи, земские и мирские сборы. Преследовался фискальный интерес, а принципиальная сторона вопроса оставлялась в стороне. С хозяйственной точки зрения община поддерживалась трёхпольной системой обработки земли, которая, учитывая истощённость почвы, во многих регионах к началу XX в. была уже невозможна. Между тем, как подчёркивал учёный: «С точки зрения западно-европейской доктрины, общинная собственность есть абсурд, исторический пережиток повсюду в малокультурных обществах распространённого порядка. Такую собственность рассматривают как важнейшую помеху для культурного и экономического подъёма России, упразднение общинного строя считают непереносимым условием всяких серьёзных наших экономических реформ» [127, с. 998-999].

Однако на рубеже XIX-XX вв. шло активное упразднение не общины, а интенсивной сельскохозяйственной культуры. С момента отмены крепостного права и вплоть до начала в 1906 г. столыпинской аграрной реформы главные заботы правительства, по замечанию Мигулина, неизменно были направлены, почти исключительно, на расширение площади крестьянского землевладения, оставляя при этом в стороне само землеустройство.

Количество интенсивных частновладельческих хозяйств сокращалось; процесс этот ускорили революционные события 1905 г., когда по стране прокатилась волна погромов. Пётр Петрович задаётся вопросом: зачем жгут крестьяне, зачем уничтожают весь сельскохозяйственный инвентарь? И приходит к выводу, что, не видя иного выхода своей нужде, кроме немедленного увеличения наделов, крестьяне понимают, что, уничтожив помещичье хозяйство, они получают землю (в той или иной форме) в своё распоряжение. Под влиянием аграрных беспорядков, а также учитывая то, что правительство решительно высказалось против выделения пособий и ссуд на восстановление пострадавших частных хозяйств, многие землевладельцы (хозяева именно интенсивных поместий, которым было что терять) даже с убытком для себя, стали продавать свои имения, чему способствовало связанное с Манифестом 3 ноября 1905 г. расширение деятельности Крестьянского банка, в том числе и скупки земли для дальнейшей перепродажи её крестьянам. Учёный осознавал крайне негативное значение данно-

го процесса, отмечая при этом: «Но мы говорим и заботимся не об интересах собственников землевладельцев, даже не о крестьянах, мы говорим об *интересах всей России*. Ей нужно культурное и крупное, и среднее сельское хозяйство, и да сохранится оно в руках землевладельцев!» [112, с. 72].

Усиленный переход земли к крестьянам, лишённым, по замечанию профессора, малейшей возможности введения улучшенных приёмов хозяйничания, способствовал снижению уровня сельскохозяйственной культуры, поскольку помещичье хозяйство велось, в общем, гораздо лучше крестьянского. Все накопленные или одолженные деньги крестьяне употребляли на доплаты за покупаемую при посредстве Крестьянского банка землю, а также на её аренду; для земельных улучшений взять средств было уже неоткуда. Россия начала XX в., по словам Мигулина, превратилась в настоящее крестьянское царство, где $\frac{3}{4}$ всей обрабатываемой площади принадлежало земледельцам, не менее половины остальной земли находилось у них же в аренде. Он подчёркивал, что нигде в Европе не принадлежит крестьянам так много (абсолютно и относительно) земли, как в России, но нигде нет и такой бедности, как у нас: благосостояние европейского земледельца с каждым годом улучшается, а не снижается, как благосостояние российского.

К началу XX в., вследствие давящего на крестьян малоземелья, практически все свободные площади, не исключая выгонов для скота, в Европейской России были распаханы, началось сокращение скотоводства (о чём говорилось в первом параграфе данной главы), поскольку, как отмечал Мигулин, наиболее рациональное и устраняющее проблему выгонов почти круглогодичное содержание скота в стойлах было для российского крестьянина чрезмерно дорогим. Вопрос о выгонах стоял чрезвычайно остро и приводил к конфликтам крестьян с помещиками и между собой; их недостаток, по замечанию учёного, с одной стороны, давал возможность эксплуатации местных крестьян, а с другой — приводил к постоянным потрам частновладельческих лугов. В условиях господствующего в крестьянском хозяйстве трёхполья (третье поле употреблялось для «толоки» — выпаса скота) земля любого качества делилась отрезками по числу крестьян, дабы уравнивать их хозяйственные условия; в результате создавалась чересполосица, не дающая возможности вести правильное хозяйство, возникали межевые споры. «Конфигурация многих владений у нас такова, что часто никакое правильное хозяйство на них немыслимо» [80, с. 98], — констатировал учёный. Он обращал внимание на то, что генеральное межевание в России было произведено ещё в царствование Екатерины II и с этого времени никаких серьёзных кадастровых и межевых работ не осуществлялось.

В начале 1906 г., под давлением крестьянских выступлений, правительство признало необходимость учреждения на местах землеустроительных комиссий, состоящих из выборных от землевладельцев, крестьян и

должностных лиц, для определения «местных земельных нужд крестьянства и способов к улучшению его земельного устройства» [85, с. 105]. Всецело поддерживая это начинание (Мигулин писал о необходимости подобных комиссий задолго до правительственного решения, а в ноябре 1905 г. включил данную меру в поданный на имя Николая II проект решения аграрного вопроса), Пётр Петрович, тем не менее, подчёркивал, что предложенная властями схема организации комиссий содержит серьёзные недостатки, которые приведут к тому, что новые мероприятия по существу сведутся на нет, пользы принесут мало и радикального решения вопроса не дадут.

Учёный указывал на следующие недостатки организуемых комиссий. Их состав не соответствует возлагаемым на них обязанностям. Уездные комиссии малочисленны: они создаются в составе 13-ти членов (семи назначаемых правительством должностных лиц и шести избираемых – трёх от уездных земских собраний и трёх от крестьян), т.е. в составе, который не может внушить крестьянам доверия, поскольку практически не содержит лиц, в полном объёме знакомых с крестьянскими нуждами на местах. На следующем уровне – в губернских комиссиях – преобладание назначаемых правительством членов над избираемыми от губернских земских собраний ещё больше: девять против шести. Создаваемый при Главном управлении землеустройства и земледелия Комитет по землеустроительным делам состоит из девяти правительственных чиновников – представителей разных ведомств, т.е., по убеждению профессора, заранее обречён на полную бесплодность, особенно учитывая тот факт, что речь не идёт и о возможности приглашения в комитет со стороны специалистов по земельному вопросу.

В этих условиях на Комитет по землеустроительным делам возлагаются важнейшие функции по разрешению аграрного вопроса. Подчинённые ему уездные и губернские комиссии получают в свою компетенцию выяснение потребности правительственного содействия в переселении на казённые земли нуждающихся в этом крестьян; участие в сдаче крестьянам в аренду казённых оброчных статей; помощь сельским обществам в улучшении условий землевладения; посредничество в разверстании чересполосных угодий, общих владений и сервитутов. Общая задача комиссий формулируется как помощь населению в устранении, в законном порядке и в соответствии с местными условиями, недостатков существующего землевладения и землепользования, а также выяснение положения крестьянского землевладения для содействия деятельности Крестьянского банка. Столь масштабная задача, по мнению Мигулина, была не под силу создаваемой структуре. Гора родила мышь, – эмоционально подытоживал он.

Кроме того, не была тщательно продумана финансовая сторона вопроса, на которую, о каком бы деле ни шла речь, Пётр Петрович всегда обращал особое внимание. Главноуправляющему землеустройством были

предоставлены полномочия испрашивать кредиты на содержание комиссий, штата техников и землемеров, а также оказание денежной помощи населению в процессе землеустройства. Однако не были определены возможный размер этих кредитов и их источник, что было особенно важно при существующем на тот момент крупном дефиците государственного бюджета. Учёный указывал на то обстоятельство, что ни слова не говорилось об организации сельскохозяйственного (мелиоративного и краткосрочного) кредита для крестьян, необходимого им ещё больше, чем расширение площади землевладения. Он высказывал опасение, что при подобных условиях деятельность комиссий не выйдет за пределы благих пожеланий.

Столь необходимое для безземельных и малоземельных крестьян Европейской России и наконец-то попавшее в поле зрения правительства переселение до этого (начиная с отмены крепостного права) в течение долгого времени всячески им тормозилось, причину чего Мигулин усматривал в боязни лишиться дешёвых рабочих рук и дорогих арендаторов для землевладельцев. При этом об интересах самих крестьян, вынужденных, по выражению учёного, «сидеть» на ничтожном наделе, не имеющих средств для перехода к интенсивному хозяйству и возможности прилично заработать в соседних, бестолково ведущихся, поместьях, никто не думал. Официально переселенцы объявлялись почти вне закона, утверждалось, что в Сибири нет места для новых поселенцев! – восклицает Пётр Петрович. В этих условиях крестьянам (сотнями тысяч ежегодно) приходилось перебираться на новые места самовольно и тайком, с большими трудностями, что, при неимении средств и опыта обустройства в непривычных условиях, приводило к «недоразумениям, голоданию и даже вымиранию неудачных колонистов» [130, с. 132] и заставляло значительную часть из них возвращаться назад.

Потоки неспособных прокормить себя и свою семью в сложившихся в Европейской России условиях крестьян направлялись не только в сторону Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Мигулин указывал на то, что в конце XIX в. наблюдалась постоянная эмиграция населения из внутренней России: «Эмиграция эта достигает огромных размеров, и только одна она может служить истинным мерилom нашей нужды в земле, а не подсчёты, сколько на душу населения у нас приходится земли сравнительно с 3. Европой, где условия хозяйства совсем иные» [73, с. 33]. Учёный приводил следующие данные: за десятилетие с 1891 по 1900 г. только в США из России выехало 525 595 чел., в целом ежегодная эмиграция в этот период превышала 70 тыс. чел., а в голодном 1891 г. страну покинуло свыше 100 тыс. чел. [73, с. 34]. Вспомним, говорил он, что есть множество русских посёлков даже в Монголии, а в Манчжурии, задолго до начала нашего официального движения в этом направлении, существовала маленькая «Желту-

гинская республика»¹. Россияне переселялись и в такие отдалённые, но ещё богатые свободными землями страны, как Аргентина и Бразилия.

Мигулин констатировал тот факт, что отношение властей к проблеме несколько изменилось в середине 1890-х гг., с началом постройки Сибирской железной дороги; её Комитет и взял переселенческое дело в свои руки. Переселение без предварительной посылки ходоков было запрещено, тем же, кто отправлялся на новые места с соблюдением всех определённых законом условий, предоставлялся ряд льгот, среди которых учёный перечислял: снижение платы за проезд до 25% стоимости билета третьего класса; организацию санитарного надзора за переселенцами в поездах и на пароходах, продовольственной и медицинской помощи по линии Сибирской дороги (тёплые бараки, больницы, столовые); подготовку переселенческих участков; выделение средств для выдачи небольших ссуд для обсеменения и домообзаведения; устройство складов лесоматериалов и сельскохозяйственных орудий. Уже в 1896 г. приток лишь зарегистрированных переселенцев в Сибирь составил 202 302 чел., в 1898 г. – 209 519 чел., в 1899 г. – 227 200 чел., в 1900 г. – 225 627 чел. [73, с. 33-34]. Ссылаясь на данные Комитета Сибирской железной дороги, Мигулин писал, что за десять лет (1893-1902 гг.) в Сибирь перебралось до 1,4 млн крестьян [63, с. 16].

Однако Комитет Сибирской железной дороги не мог принять и устроить на месте лавинообразно нарастающий поток переселенцев. Учёный подчёркивал, что дело было поставлено ещё недостаточно прочно, а главное – бессистемно. Чем дальше, тем больше переселенцев оставляли на произвол судьбы, не выдавая им ссуд на домообзаведение и на ведение хозяйства, не подготавливая должным образом выделяемых под заселение земельных участков, оставляя без необходимого руководства. Справедливость его слов подтверждается данными о развитии обратного процесса – возвращения переселенцев, приводимыми экономистом и статистиком А.А. Кауфманом: в процентном отношении к числу переселившихся количество вернувшихся составило в пятилетие 1894-1898 гг. 13,8%, а в следующие пять лет – с 1899 по 1903 г. – уже 18,8% [44, с. 248].

В этих условиях правительство опять прибегло к политике ограничения переселенческого процесса: Правила о ссудах переселенцам пересматривались в 1894, 1896 и 1899 гг., ещё один пересмотр (в 1903 г.) не был закончен в связи с разработкой переселенческого закона. Однако лейтмотивом всех изменений в предоставлении ссудной помощи переселенцам оставалось следующее правило: «правительство отнюдь не поощряет переселения в Сибирь и не устраивает новосёлов всецело на счёт казны, а только оказывает им некоторую помощь в действительно затруднительных случаях» [Цит. по: 179, с. 434]. Этот принцип продолжал оставаться руководя-

¹ Русские поселенцы занимались разработкой золотых приисков на реке Желтуга.

щим вплоть до начала в 1906 г. столыпинской аграрной реформы; расходы государства на переселение были совершенно ничтожны: за 12 лет (с 1893 по 1905 г.) по всем ведомствам на этот предмет было истрачено менее 30 млн руб., т.е. ежегодно только до 2,5 млн руб. [110, с. 125]. Сопоставимую сумму – около 25 млн руб. – истратил на переселенческое дело Комитет Сибирской железной дороги [120, с. 148]. Профессор Мигулин в своих работах постоянно указывал на недопустимость подобного подхода к решению проблемы, впрочем, к рассмотрению его представлений о том, как должно быть организовано переселение и решён земельный вопрос в целом, мы обратимся во втором параграфе четвёртой главы.

3.3. Влияние природно-климатических факторов на состояние аграрного сектора экономики

В конце XIX – начале XX в. Россия оставалась страной экстенсивной обработки земли, абсолютное большинство крестьян занималось ведением полевого хозяйства. В данной ситуации определяющее значение приобретали природно-климатические условия; труд, затраты и само существование российского земледельца зависели, по замечанию профессора Мигулина, исключительно от случайного сочетания метеорологических и иных условий: количества и своевременности выпавших осадков, внезапного града, весенних заморозков, летней засухи, нашествия насекомых-вредителей.

Всё это делало нецелесообразными начинания в области интенсификации ведения хозяйства. Учёный писал по случаю уничтожения в принадлежащей ему экономии ураганом с градом и ливнем посевов на сумму в 40 тыс. руб.: «Какая польза...культурным хозяевам от...самых усовершенствованных систем хозяйничанья, когда стихийное бедствие в один час всё сметает без остатка. При экстенсивном хозяйничанье, по крайней мере, в этом случае меньше потеря» [17*, л. 1 об.]. Важнейший российский промысел превращался, по его определению, в лотерейную игру, а не прочное, построенное на правильном коммерческом расчёте, предприятие. Можно было, при своевременном выпадении достаточного количества осадков, получить прекрасный урожай, и не заботясь об улучшении обработки земли, а можно было, ведя интенсивное хозяйство, не получить ничего, если метеорологические условия не были благоприятны.

Кроме того, в рассматриваемый период уже обнаружились экологические, говоря современным языком, проблемы, на что постоянно обращал внимание в своих работах Пётр Петрович. Распространённое среди крестьян хищническое – без удобрения, правильного севооборота и применения усовершенствованных орудий обработки – использование земли вело к её истощению. Плодородные площади сокращало также уничтожение (пожарами и беспощадной вырубкой) лесов, что влекло за собой, с одной сторо-

ны, размыв почвы весенними водами и, как следствие, оврагообразование, а с другой – понижало уровень грунтовых вод и давало возможность сыпучим пескам распространяться на огромные территории, превращая при этом некогда цветущие местности в пустыни. Одним из проблемных регионов была европейская часть России, где, особенно в южных губерниях, стремительно разрастались площади, занятые сыпучими песками (к 1904 г. их было уже свыше 4 млн десятин [127, с. 861]), и из года в год мелели реки, отдельные участки которых даже переставали быть судоходными.

В этих условиях, да ещё с учётом континентального климата, как отмечал Мигулин, «немыслимо даже предположить, чтобы в столь обширной стране, как Россия, ежегодно и *повсеместно* были бы прекрасные урожаи. Непременно некоторые местности будут постигаемы недородами в большей или меньшей степени...» [132, с. 139-140]. Действительно, в рассматриваемый период каждые три-пять лет наблюдался неурожай зерновых в отдельных регионах страны, а каждые десять лет это бедствие поражало большинство её губерний. Такая ситуация складывалась всюду, где велось полевое хозяйство, но в Западной Европе и США она не приводила к массовому голоду, который регулярно переживало крестьянское население России. Западный земледелец, в массе своей, был гораздо зажиточнее нашего, наличие сбережений (в денежной форме и в виде продовольственных запасов) позволяло ему пережить трудные времена. Для российского же крестьянина между словами «неурожай» и «голод» стоял знак равенства.

Неудивительно поэтому, что государство постоянно сталкивалось с необходимостью поддержки населения пострадавших от неурожая регионов, существовала целая система его продовольственного обеспечения. Наиболее распространённой была кредитная форма помощи голодающим, основанная на наличии натуральных запасов и денежных капиталов: пособия нуждающимся выдавались (в виде возвратных ссуд) продуктами, взятыми из запасных магазинов и общественных амбаров или купленными за счёт продовольственных капиталов. Другая форма помощи заключалась в организации общественных работ, дающих пострадавшему населению возможность получить дополнительный доход. В первом случае ослабленному голодом крестьянскому хозяйству немедленно предъявлялся продовольственный счёт, который оно, зачастую, было не в состоянии оплатить или же оплачивало из последних средств, ещё более усугубляя своё положение. Во втором случае ассигнованные правительством деньги расходовались не только на заработную плату занятых в общественных работах, но также на закупку стройматериалов и содержание администрации, в результате чего голодающие не получали помощи в необходимом им объёме. Таким образом, существующая система была далека от совершенства и мало способст-

вовала решению главной задачи – быстро и действенно поддержать бедствующее население. Каждый новый неурожай застигал всех врасплох.

Голодный 1891 г., по замечанию Мигулина, стал подобен удару грома среди ясного неба: большие урожаи предшествующих, 1888 и 1889 гг., и неплохие урожаи 1887 и 1890 гг. способствовали созданию атмосферы всеобщего благополучия. В государственном бюджете огромные избытки сменили существовавшие до этого дефициты, Россия снова завоевала занятые на время США европейские хлебные рынки, улучшился государственный кредит, стал увеличиваться государственный золотой запас. Однако неурожай разрушил эту картину, у земледельцев не оказалось никаких сбережений и запасов. «Обнаружилась страшная бедность, почти настоящая нищета огромной части нашего крестьянского коренного русского населения и его полная беспомощность в борьбе с таким стихийным бедствием, как неурожай» [124, с. 1], – писал учёный.

Начался ужасающий голод. Так, в считавшейся одной из житниц Пензенской губернии, с полутора миллионным населением и 2 146 тыс. десятин пахотной земли, почти 75% крестьян оказались в положении голодающих, пользовавшихся казёнными ссудами или благотворительными пособиями [18, с. 617]. В реальность голода долго не верили: житница – и вдруг оказывается, что в ней нет ни хлебных, ни денежных запасов. Общество осознало опасность положения раньше, чем власти; в печати появилось множество сообщений из неурожайных регионов, «посыпались» пожертвования в пользу голодающих, местные деятели устраивали на эти и свои средства благотворительные столовые.

Но, по словам профессора, наряду с подъёмом нравственных сил общества, выразившимся в стремлении облегчить народное бедствие, не замедлили проявиться и противоположные тенденции. Часть местных администраций пыталась помешать обнародованию объективной информации о положении дел на подведомственных им территориях, о голоде запрещали писать. И лишь когда повсеместно начался тиф, когда было съедено всё до «пресловутой лебеды включительно» и население начало вымирать, тогда, под давлением общественного мнения, стали оказывать помощь голодающим в виде продовольственных ссуд, ссуд на обсеменение полей, организовывать общественные работы. Не оправдал при этом возлагавшихся на него надежд недавно (в июле 1889 г.) введённый институт земских начальников, которым была поручена организация помощи крестьянам на местах. Принятых мер оказалось недостаточно: размеры бедствия были чрезвычайно велики, и оно требовало особого внимания властей.

Что же сделало правительство для предотвращения подобных бедствий в будущем? По мнению Мигулина, ничего. Написано было, сколько положено, официальных бумаг, состоялось множество заседаний и коман-

дировок на места, а крестьяне остались при нищенских наделах, без возможности перехода к интенсивному хозяйству. «Школы им не дали, переселение всячески тормозили, о мелиоративном кредите, о сельских банках только...поговорили, продовольственное дело ухудшили, почти совершенно устранив из него общественный элемент» [79, с. 23].

Между тем, 1890-е гг. в метеорологическом отношении были не слишком благоприятны. В 1892 г. мы опять уступили американцам позиции на европейских хлебных рынках; положение немного улучшилось в 1895-1897 гг., но с 1898 г. череда неурожайных лет снова привела к потере рынков. Внутренние потребности также не удовлетворялись в полной мере: по свидетельству государственного контролёра П.Л. Лобко, в период 1893-1902 гг. «ни один год не может быть признан вполне благополучным по обеспечению местными средствами продовольственных потребностей сельского населения...» [Цит. по: 178, с. 76].

Помогая голодающим, государство производило колоссальные расходы: 1891 г. – около 75 млн руб., 1892 г. – около 87,5 млн руб. [132, с. 141]; с 1898 г. в статье чрезвычайных расходов госбюджета появились постоянные ассигнования на продовольственные ссуды: 1898 г. – 35,2 млн руб., 1899 г. – 5,6 млн руб., 1901 г. – 20 млн руб., 1902 г. – 18,6 млн руб., 1903 г. – 5 млн руб., 1905 г. – 40,8 млн руб. [79, с. 23], 1906-1907 гг. – более 170 млн руб. [94, с. 125], 1911-1912 гг. – около 120 млн руб. [78, с. 2]. И это без учёта выплат из средств местных организаций, специального продовольственного капитала и т.д. Крестьяне тоже несли большие расходы: облагались для составления продовольственных капиталов, выплат по продовольственным ссудам, засыпки общественных хлебных амбаров.

Мигулин отмечал нерациональность подобных способов борьбы с бедствием. В существующей системе помощи, по его мнению, всё носило характер случайности, подачки и деморализовало тех, кто получал продовольствие, чувствуя, что это лишь милость, а не их право. Множество неизбежных при этой системе злоупотреблений приводило к тому, что значительная часть денег не доходила по назначению, но даже если средства поступали в полном объёме, они не спасали население от голодной смерти.

Голодный же человек, которому нечего терять, – самый опасный, с ним немислимы никакие серьёзные договорённости и юридические отношения; учёный подчёркивал, что голодные крестьяне всегда будут поднимать голодные бунты и возбуждать аграрные волнения. Справедливость его мнения подтверждают содержащиеся в работах советского историка С.М. Дубровского данные о зарегистрированных в начале XX в. крестьянских выступлениях, выросших с 48 в относительно благополучном 1900 г. до 340 в голодном 1902 г., а в революционном и также голодном 1905 г.

достигших 3 228 [38, с. 38]. Именно эти, крестьянские, волнения Пётр Петрович считал самыми страшными и губительными для России.

При этом он указывал на несостоятельность господствовавшего в правящих кругах подхода к аграрным беспорядкам, объяснявшего их отсутствием у крестьян понятия о частной собственности, вследствие преобладания в России общинной формы землепользования. Наивное объяснение, пахнувшее петербургскими кабинетами и канцеляриями, давно забытыми действительную жизнь и условия нашего сельского хозяйства! – восклицал Мигулин. В прибалтийских губерниях, по его замечанию, крестьяне волновались и творили беспорядки так же, как в Тамбовской и Саратовской. Но где же там общинная собственность? Не послужило препятствием для аграрного движения в Полтавской и Черниговской губерниях существующее в них подворное владение.

Учёный подчёркивал, что картина беспорядков была везде одинакова: голодные крестьяне громили соседние имения, насильственно присваивая хлеб (в том числе приготовленные для посева семена) и другие продовольственные запасы частных владельцев, а также скот и корм для него. Разгромное движение в течение 1905 г. приобрело угрожающий размах: по официальным данным, к концу года только в части губерний пострадало 1 857 усадеб (общий убыток по ним составил 35,6 млн руб.), по всей же стране разрушенных имений было, вероятно, более 2 тыс. Первое место по количеству разгромов занимали наиболее проблемные (о чём говорилось в предыдущем параграфе) центрально-чернозёмные губернии, где, зачастую, было сметено с лица земли всё: разрушены до фундамента каменные постройки, вырублены старые парки и фруктовые сады, уничтожены пасеки, разграблен и сломан сельскохозяйственный инвентарь: погибли паровые молотилки, жнеи, сноповязалки [38, с. 71-72].

Мигулин подчёркивал, что необходимо срочное принятие мер, пока голодающее население не обезумело окончательно. Он, кстати, был одним из первых, обративших внимание на неурожай 1905 г., заговорив летом о грядущем в 26 губерниях, с населением свыше 50 млн чел., голоде и необходимости заранее подготовиться к предстоящему бедствию. Учёный был категорически против решения проблемы исключительно насильственными мерами. Голодное крестьянство «просит хлеба, а не нагаек и пулемётов, оно жаждет видеть *заботу* о нём, а не угрозы, – *участие* к нуждам его, а не пренебрежение и классовую ненависть» [133, с. 2]; его необходимо спасти и от голодной смерти, и от эпидемий, и от обращения к насилию для получения пищи. По мнению профессора, правительство должно было скупить продукты в имениях, расположенных в пострадавших районах, и раздать их в ссуду голодающему населению, а также возместить помещикам принесённый им ущерб, т.к. сделать это за счёт нищих крестьян-грабителей не-

возможно, а принудительное возложение на хозяев экономий (также пострадавших от неурожая) обязанности их прокормления вряд ли может быть признано справедливым. В терпящие бедствие местности необходимо было направить хлеб из урожайных регионов, продовольственное дело отдать в ведение общества – в руки органов местного самоуправления, правительство же могло сохранить за собой лишь контрольную функцию.

Крайне тяжёлым оказался для России и 1911 г., когда неурожай охватил Среднее и Нижнее Поволжье, Приуралье, Приморский край, Кавказ и Западную Сибирь. Пострадало 20 губерний (13 целиком и 7 частично), зерновых в них было собрано 220 млн пуд. (при среднем урожае 600 млн пуд.), т.е. недобор доходил до 63%. Население пострадавших территорий составляло около 20 млн чел., хотя правительство первоначально определило число нуждающихся в помощи лишь в 8 с небольшим млн [78, с. 2].

Недооценив масштабы бедствия, решили отказаться от выдачи продовольственных ссуд и сделали ставку на организацию в неурожайных регионах общественных работ, а также заготовку хлеба там, где его запасы истощились и предвиделся резкий рост цен. Мигулин писал, что такое решение, как продиктованное не жизнью и не законом, а чисто теоретическими соображениями, оказалось несостоятельным. К общественным работам было привлечено 1,25 млн чел., их заработок определился в 5,5 млн руб. (т.е. по 4 с небольшим руб. на работника, если же разделить эту сумму на официально признанное количество голодающих – 8,2 млн чел., то выделенная государством на каждого из них сумма составляла около 68 коп.) [78, с. 2]. Правительство вынужденно признало ошибочность своей позиции и с опозданием прибегло к продовольственной помощи населению.

Обращаясь в своих работах к проблеме неурожая и их неизбежного следствия – голода в российской деревне, подвергая критике предпринимаемые на государственном уровне меры борьбы с народным бедствием, Мигулин всегда предлагал свой способ решения проблемы. При этом он проводил разграничение между мерами, которые необходимо принять немедленно, с целью предотвращения острой нужды, вызванной неурожаем (о чём говорилось выше), и мероприятиями общего характера, способными исключить возможность повторения подобной ситуации в будущем (к которым мы обратимся в рамках рассмотрения аграрной программы Мигулина в третьем параграфе четвёртой главы нашего исследования).

3.4. Условия экспорта сельскохозяйственной продукции

Как уже говорилось, Россия рубежа XIX-XX вв. была страной преимущественно экстенсивного сельского хозяйства, продукция которого составляла главную статью нашего экспорта и приносила львиную долю поступлений от внешней торговли, за счёт чего осуществлялось погашение

российского внешнего долга; кроме того, налаженный сбыт продукции был неременным условием роста производства, развития отечественного аграрного сектора. Этими обстоятельствами объясняется пристальное внимание, которое профессор Мигулин уделял условиям экспорта российской сельскохозяйственной продукции.

Главным предметом нашего вывоза были необработанные продукты, в основном зерновые хлеба (в начале XX в. среди них стали доминировать пшеница и ячмень), поэтому Пётр Петрович отдавал приоритет изучению именно данной проблемы. Представление о масштабах российского хлебного экспорта дают приводимые им данные, отражённые в таблице 3.4.1.

Таблица 3.4.1

Хлебный экспорт России [93, с.168]

Год	Вывезено хлебов (по европейской границе)		Из этого количества			
			пшеницы		ячменя	
	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.	тыс. пуд.	тыс. руб.
1902	579 160	432 246	186 029	162 212	104 139	64 162
1903	650 393	477 637	254 834	218 299	145 483	86 375
1904	647 609	495 294	280 781	258 344	151 701	85 901
1905	695 781	566 910	293 731	281 794	138 023	88 601
1906	588 928	470 582	219 926	205 643	148 724	100 497
1907	467 152	428 131	141 281	155 417	132 573	111 297
1908	399 605	375 050	89 600	112 774	161 628	132 574
В среднем	575 518	463 649	209 454	199 212	140 324	95 629

Несмотря на то, что, как видно из таблицы, объём нашего зернового экспорта постоянно увеличивался и, начиная с 1904 г., Россия стала доминировать на европейском рынке (вернув себе уступленное в предшествующие несколько лет США первое место), Мигулин не был склонен оптимистично смотреть на сложившуюся в нашей внешней торговле ситуацию. «Дело не в том ещё, чтобы непременно вывезти огромное количество продуктов, – писал он, – а в том, чтобы хотя бы и меньшее количество их могло быть продано по *высоким* ценам. Между тем, мы должны считаться с совершенно ненормальным фактом сбыта наших продуктов за границу *за бесценок*» [103, с. 33-34]; а отдавать плоды своих тяжких трудов за бесценок богатой Западной Европе, как считал учёный, значит никогда не выбиться из пут бедности, невежества и бесправия.

В 70-80-х гг. XIX в. цена пуда пшеницы (главного продукта, на который предъявлялся спрос в Западной Европе) на местах колебалась в пределах 1,3-1,5 руб., и занимавший в конце 80-х гг. пост министра финансов И.А. Вышнеградский доказывал, что, в случае падения уровня цен ниже отметки 1,1 руб., будет немыслимо безубыточное ведение хозяйства. Произошедшее же в 90-х гг. снижение цен до 50 коп. за пуд (ниже себестоимо-

сти, как подчёркивал Пётр Петрович) не только не вызывало беспокойства у возглавлявшего с 1892 г. финансовое ведомство С.Ю. Витте, но и признавалось им явлением нормальным и желательным, т.к. русский мужик скорее покупает хлеб, чем продаёт, следовательно, низкая цена хлеба полезна для крестьян, а сельское хозяйство пусть себе идёт, как знает, – с горькой иронией замечал Мигулин.

При этом не учитывалось, что множество крестьян (преимущественно в южных районах страны) арендует землю именно в расчёте на экспорт выращенного зерна, что ещё большее их число живёт за счёт получаемых в ориентированных на вывоз частновладельческих хозяйствах заработков. Состоявшееся в руководстве страны обсуждение проблемы учёный называл односторонним и тенденциозным; он подчёркивал, что на неё смотрели с точки зрения интересов крупной обрабатывающей промышленности, для которой низкие цены на продовольствие, а, следовательно, и на рабочие руки, действительно, были весьма выгодны.

На благо нашего сельского хозяйства, в начале 1900-х гг. хлебные цены пошли вверх, но уровень их, по мнению Петра Петровича, всё ещё оставался недостаточно высоким. Оттеснив США с первого места по объёму поставляемой на европейский рынок продукции, мы проигрывали им в отношении ценовой политики, независимо от того, каков был урожай зерновых в России: превышал ли он или нет американский, – наш хлеб реализовывался по более низким ценам. Так, в 1904, неурожайном для Америки и, напротив, весьма успешном для России, году, когда объёмы экспорта равнялись соответственно 197,5 и 281 млн пуд. пшеницы, американское зерно шло по 1,44 руб. за пуд, тогда как российское – лишь по 92-94 коп. (данные на ноябрь 1904 г.). В 1905 г., когда ситуация была полностью противоположной, американская пшеница продавалась по 1-1,1 руб. за пуд, российская же – по 91-92 коп. (данные на август 1905 г.) [103, с. 35-36].

Подобная ситуация, по мнению Мигулина, была объяснима, когда в годы лидерства США на европейских хлебных рынках Россия лишь дополняла недостающее там, в соответствии с существующим спросом, количество зерна, но в то время, когда мы конкурировали на равных, вывозя приблизительно одинаковое количество хлеба (как это было в середине 90-х гг. XIX в.), а тем более, когда Россия вернула себе положение главного поставщика Западной Европы, сохранять установившийся порядок было совершенно недопустимо.

Причину такого, крайне невыгодного для нашей страны, положения вещей учёный видел в бессистемности отечественной внешней торговли; Америка выдерживала цены, Россия – нет. Зависело это от прекрасной организации хлебной торговли там и от крайней её дезорганизации у нас. Не имеющие накоплений и практически лишённые возможности взять на вы-

годных условиях подтоварную ссуду, сельские хозяева в начале осени каждого года осуществляли массовый выброс зерна на рынок, что и вело к снижению цен на наш хлеб: «Остановить осенний наплыв хлеба является...немыслимым, ибо хозяева не могут держать его у себя дома, нуждаются в ссудах, а таковые возможны у нас при нормальных условиях только по сдаче хлеба в вагоны. Выдерживать цены возможным не представляется: продают, за что бы только ни продать, лишь бы развязаться с продуктом, хранить который негде и сбыт которого не обеспечен» [103, с. 37].

Мигулин констатировал тот факт, что к началу XX в. в России практически не осталось солидных, крупных экспортных фирм, вывоз осуществлялся под руководством иностранных компаний, в роли комиссионеров которых и выступали наши фирмы. Относительно внешней торговли, в силу объективных условий, Россия была поставлена в более сложное положение, чем конкурирующие с ней США и английские колонии, население которых в большой степени составляли выходцы из стран Западной Европы, поддерживающие деловые и личные отношения со своей исторической родиной, свободно владеющие европейскими языками, что чрезвычайно облегчало им получение сведений о состоянии рынков, об условиях сбыта сельскохозяйственной продукции и т.д. У нас же «нет связей с Западной Европой, мы плохо знакомы с европейскими языками, нам очень трудно получить часто самую пустую справку, мы не знакомы с условиями западно-европейских рынков» [129, с. 12]. Отсюда и неизбежная необходимость в посредничестве иностранных фирм, в руках которых сосредоточилась российская хлебная торговля.

При этом иностранными фирмами диктовались цены и условия экспорта, практически всегда для нас невыгодные. Меньше всего их интересовало развитие российского аграрного сектора, главной задачей было купить товар по возможно более низкой цене, а потом продать подороже; они ожидали стеснённого положения российских сельских хозяев, чтобы вынудить их отдать продукт за бесценок, а затем выждать повышения цен. В качестве примера Мигулин указывал на конфликт начала 1900-х гг. между немецкими фирмами и их российскими контрагентами по поводу введения новых, крайне невыгодных для нашей страны, условий вывоза, когда с российской стороны была сделана попытка противостоять, не принимая новых контрактов. Однако затея провалилась, ибо мы, как замечал учёный, действуем разрозненно, а иностранцы сплочены.

Ситуацию на российском зерновом рынке он характеризовал следующим образом: в роли продавцов выступали частновладельческие экономии, союзы мелких сельских хозяев и скупщики крестьянского хлеба; покупателями являлись местные мукомолы и иностранные фирмы; между ними стояли посредники-комиссионеры, действующие по чьему-либо по-

ручению, и скупщики, приобретающие зерно по собственной инициативе. Продавцы получали небольшой задаток, а окончательный расчёт осуществлялся через отечественные и иностранные банки, открывающие посредникам под учёт товарных бумаг – дубликатов накладных и коносаментов – крупные кредиты, зачастую равные полной стоимости закупленного зерна (причиной чего была конкуренция между банками). Наиболее распространённым способом приобретения зерна покупателем-мельником был учёт в том же банке векселей.

Небольшие фирмы-посредники не имели заинтересованности в устойчивости цен (лишь бы сорвать куртаж, как писал Пётр Петрович), действовали разрозненно, их деятельность учёный характеризовал как носящую до известной степени случайный характер. Не имея собственных крупных капиталов, работая при помощи банковского кредита и быстро оборачивая довольно незначительные суммы, они имели на разнице в ценах большую (относительно масштаба данной компании и размера её собственных средств) прибыль. Банки, при их массовых оборотах, а также переложении на посредников рисков и торгового труда, также были не в накладе. Крупному же капиталисту, как замечал Мигулин, здесь делать нечего; солидные, обладающие собственными значительными капиталами, компании, не имея возможности довольствоваться такими, как у небольших фирм, доходами, постепенно отходили от хлебной торговли.

Учёный указывал на то, что ситуация на отечественном рынке не была уникальной, в том же положении оказалась и Западная Европа. Лишь США удалось сохранить организованную хлебную торговлю с участием крупных капиталов, построенную на обезличении хлеба и срочности сделки. В наших же условиях ни о том, ни о другом не могло быть и речи.

В России отсутствовала развитая сеть элеваторов, необходимых для очистки и обезличения зерна (о состоянии дел в этой сфере говорит тот факт, что в стране, главную статью экспорта которой и составлял данный продукт, первый элеватор ёмкостью 400 тыс. пуд. был построен лишь в сентябре 1888 г.). Хлеб продавался по образцам индивидуального качества, при этом в массовом порядке наблюдались такие явления, как засорение зерна и несоответствие отправляемого товара проданному по образцам. Проблема привлекала к себе внимание правительства уже в 90-х гг. XIX в.; в 1893 г. Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов были изданы «Результаты исследования засорённости четырёх главнейших хлебов» (помимо пшеницы и ячменя, сюда входили данные по ржи и овсу). Из вывезенных в период с 1 мая по 1 ноября 1893 г. через 17 крупнейших российских таможен 190 334 тыс. пуд. зерна почти 48% имели до 2% сорных примесей и почти 25% – от 2 до 3% [152, с. 16].

Заинтересованными в увеличении оборота посредниками зерно засорялось намеренно, что увеличивало общее количество товара и, как следствие, их барыши. Это наносило громадный урон отечественному хлебному экспорту, подрывая авторитет России и играя на понижение цен на наше, даже превосходного качества, зерно. По данным специальной комиссии при Министерстве внутренних дел, именно по этой причине российская пшеница оценивалась на 15% ниже американской и на 5% ниже ост-индийской [46, с. 70]. На иностранных рынках, благодаря невозможности заранее определить, какова будет в поставленной партии товара степень отступления от предъявленного в момент продажи образца, существовала своего рода игра на примеси: импортёры предпочитали покупать более дешёвый засорённый хлеб и затем производить его очистку, неся при этом меньшие затраты, нежели при покупке более дорогого чистого хлеба.

Невозможно было в российских условиях и заключение срочных сделок. Среди главных причин этого Мигулин, прежде всего, выделял отсутствие у нас срочной доставки грузов по железным дорогам и, опять же, недостаточное количество элеваторов и складов для хранения зерна.

Все торговые сделки заключаются на срок, иначе и не может быть, отмечал он, поскольку цены колеблются, и регулирование данного процесса совершается именно посредством срочных сделок, исходящих из существующих сейчас и возможных в будущем, через определённое время, цен. Подобным образом предотвращаются значительные скачкообразные изменения цен, существовавшие раньше, когда была невозможна срочная доставка товаров (в силу отсутствия «срочно организованных» транспортных средств). Однако российские торговые фирмы не могли гарантировать иностранным контрагентам поставку своих товаров в оговорённое время, поскольку отечественные железные дороги, как правило, не только не доставляли, но даже не давали возможности погрузить эти товары в срок.

Ежегодно весь предназначенный на экспорт хлеб спешно, до осенней распутицы (с наступлением которой Россия традиционно становится непроезжей), отправлялся по железным дорогам к местам сбыта, имеющим выход на мировые рынки; при этом сельскими хозяевами также преследовалась цель получения товарных документов, дающих возможность продать свой продукт или получить банковскую ссуду. Железнодорожные станции принимали хлеб для отправки даже в том случае, если не имели места для его размещения: «Здесь (на станциях) *нет хранения хлебов*, — подчёркивал Мигулин, — железнодорожные амбары — не склады, это *вспомогательные учреждения для транспортировки грузов* (их нет в Зап. Европе). Существующие склады для хранения (даже "приписанные") пустуют: в них надо за хранение платить» [93, с. 173].

Отсутствие необходимого количества элеваторов и складов приводило к скоплению на железных дорогах такого количества грузов, что образовывались залежи – явление, не существующее за пределами нашей страны, даже слово это, как отмечал учёный, было известно лишь в России. Так, в декабре 1904 г. залежи хлебных грузов доходили до 110 тыс. вагонов [73, с. 146], или 150 млн пуд. [81, с. 335], хлеб не просто лежал мёртвым грузом, но и расхищался, мок под дождём, приходя в негодность. Способствовало такому развитию событий и то, что подвижной состав использовался далеко не полностью, поезда двигались с черепашьей, по характеристике Петра Петровича, скоростью (3-4 версты в час). «Кто же может давать за русский хлеб иную цену, кроме той, ниже которой ни при каких условиях она не может упасть, даже если пропустить все возможные и невозможные сроки!» [66, с. 308] – восклицал Мигулин. Как насмешку над отечественной торговлей расценивал он заявление Министерства путей сообщения о том, что залежи есть благодеяние для российских сельских хозяев, поскольку они поднимают цены на хлеб, задерживая его выброс на рынок.

В подобных условиях было совершенно невозможно с выгодой для себя использовать складывающуюся на европейских рынках конъюнктуру. Так, в начале осенней кампании 1904 г. цены на хлеб, под влиянием большого спроса на Западе и повышательной тенденции американских бирж, держались на довольно высоком уровне; учёный писал о том, что ими необходимо воспользоваться, не дожидаясь обычной победы играющих на понижение биржевых спекулянтов, оперирующих аргентинским, индийским и нашим хлебом; однако отечественные железные дороги, как обычно, не могли справиться с хлебными отправлениями, и российские сельские хозяева потеряли огромные суммы на разнице между первоначальными и установившимися позднее хлебными ценами.

Показательным Мигулин считал то обстоятельство, что созданное в том же 1904 г. для пересмотра существующих хлебных тарифов совещание заявило, что для сельскохозяйственной промышленности эти тарифы имеют несравненно меньшее значение, чем неупорядоченность перевозки хлебных грузов, создающая залежи, а с тем и убытки для сельского хозяйства на десятки, даже сотни миллионов рублей. Совещанием были высказаны следующие рекомендации по улучшению работы российских железных дорог:

1. Немедленное учреждение на главных станциях и при управлениях железных дорог комитетов и распорядительных бюро в составе представителей земств, сельских хозяев и торговцев, а также образование при Главном управлении железных дорог центральных комитета и бюро.

2. Срочное повышение скорости (как минимум, вдвое) движения товарных поездов.

3. Немедленное увеличение пропускной способности дорог за счёт имеющихся разъездных путей и соответствующее изменение графиков движения.

4. Безотлагательная инвентаризация подвижного состава и немедленная отправка, в случае необходимости – принудительно, свободных вагонов на имеющие хлебные залежи линии.

5. Разрешение перевозки хлебных грузов окружными путями по тарифу кратчайших расстояний.

Но представители Министерства путей сообщения согласились лишь на учреждение распределительных бюро в Москве, Харькове, Киеве, Саратове и Ельце – местах скопления хлебных грузов, а также отправку туда специальной комиссии для выработки плана необходимых в целях улучшения ситуации действий.

Внимание к работе железных дорог являлось насущной необходимостью, но нельзя было ограничиваться лишь этим, направляя все силы и средства на развитие только одного вида транспорта, о чём постоянно писал учёный: «Сделать Россию возможно более проезжей – задача первостепенной важности, выполнять её нужно с неослабной энергией, не останавливаясь даже перед крупными затратами, особенно необходимо обратить внимание на развитие сети шоссе...» [129, с. 7]. По его данным, к 1903 г. на территории России (за исключением Кавказа и Финляндии) было построено всего около 24,4 тыс. вёрст шоссе и 203 тыс. вёрст грунтовых дорог [126, с. 615], что совершенно не удовлетворяло потребностям огромного государства.

Вопрос об обеспеченности страны дорогами поднимался в рамках Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, где был предложен ряд интересных проектов развития отечественной дорожной сети. Однако единственным практическим результатом стало снабжение земств небольшими ресурсами для строительства ими мощёных дорог. За счёт казны сооружались главным образом стратегические шоссе в Царстве Польском и Закавказье: из 250 млн руб., вложенных государством в строительство 17 тыс. вёрст шоссе, лишь 60 млн руб. было истрачено на территории центральных губерний, которые, по замечанию Мигулина, являлись по этой части (как и по многим другим) наиболее обездоленными. К 1913 г. шоссе́нная сеть в Европейской России не доходила до 35 тыс. вёрст, на 10 тыс. чел. населения приходилось менее 2,25 вёрст шоссе, тогда как в государствах Западной Европы этот показатель составлял: во Франции – около 150, в Англии – 60, в Германии – около 50 вёрст [142, с. 3].

Проблема заключалась не только в малой протяжённости российской дорожной сети, но и в её бессистемности. Существующие дороги не были связаны друг с другом: они обрывались на севере у Выборга, на се-

веро-востоке – у Ярославля, на востоке – у Нижнего Новгорода и Рязани, на юго-востоке – у Воронежа, на юге и юго-западе – у Харькова, Киева и Житомира. Расстояние между конечными пунктами шоссейных магистралей доходило до 250-450 вёрст. Учёный так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Вне сети шоссе остаются: вся северная лесная полоса, уральская, юго-восточная скотоводческая и рыболовная, большая часть Предкавказья, вся центральная хлеботорговая полоса, за исключением западной её части, большая часть юго-западной земледельческой и промышленной полосы и вся южная хлеботорговая и южная горнопромышленная полоса Европейской России» [142, с. 4].

Не соответствовал требованиям времени и уровень развития речного транспорта, что было напрямую связано с состоянием речной системы. Мигулин констатировал тот факт, что отечественные водные пути находятся в совершенном забросе: судоходные когда-то реки обмелели, гибнут даже такие водные артерии, как Дон, Днепр, Западная Двина, наконец, Волга; имеющаяся сеть каналов крайне неудовлетворительна и ничтожна по размерам. Он подчёркивал, что ведущие страны Западной Европы и США обращают на эту проблему (наряду со строительством шоссейных дорог) самое серьёзное внимание, осуществляя крупные капиталовложения в транспортную инфраструктуру, без чего немислимо развитие как внутренней, так и внешней торговли. Российские же власти, сделав упор на создание железнодорожной сети, не уделяли данному вопросу должного внимания, тогда как он являлся первоочередным: страна не могла и дальше оставаться при одних рельсовых путях, без водных и шоссейных подъездов к ним.

Нельзя сказать, что данная проблема совсем не попадала в поле зрения государственных чиновников, она неоднократно являлась предметом обсуждения различных совещательных органов. Так, ещё в 1888 г. созданная при Министерстве внутренних дел для рассмотрения вопроса о снижении цен на сельскохозяйственную продукцию комиссия высказалась за привлечение к реконструкции водных сооружений и расчистке речных фарватеров местных общественных организаций и предпринимателей. Было предложено создать для наблюдения за состоянием рек сеть состоящих из представителей земств, городов и пароходовладельцев речных комитетов, а также установить специальный сбор с судоходства для тех же целей. В 1898 г. Министерство путей сообщения созвало совещание для рассмотрения проблем навигации по Мариинскому каналу. В ходе заседаний были обсуждены результаты его реконструкции, проведённой в 1890-1896 гг., и намечены меры усовершенствования системы на перспективу. Однако в целом политика государства в данной области была крайне непоследовательной, практические шаги предпринимались от случая к случаю и не согласовывались между собой.

Неудовлетворительно обстояло дело и в сфере морских перевозок, хотя, как подчёркивал Мигулин, по крайней мере $\frac{2}{3}$ всех внешнеторговых перевозок шли морем. В 1911 г. Россия занимала седьмое место в мире по числу судов морского торгового флота: он насчитывал 1 359 кораблей общей грузоподъёмностью 644 тыс. т. Для сравнения учёный приводил данные относительно занимающей первое место в мире по этим показателям Англии: в 1907-1908 гг. на её торговый флот приходилось более 44% всего мирового тоннажа, а число судов вместимостью свыше 100 т составляло 11 517 (общая грузоподъёмность 11 708 т) [72, с. 9].

Перевозка идущих на экспорт российских товаров осуществлялась в рассматриваемый период почти целиком на иностранных судах, отечественный флот использовался главным образом для каботаж. Так, в 1909 г. в Россию пришло 13 141 судно с 13 215 т груза на борту, 90% которых (11 363 судна с 11 960 т груза) принадлежали другим государствам. Ушло из наших портов в том же году 12 927 судов с 13 051 т груза на борту, из них иностранных 91% (11 301 судно с 11 894 т груза). Удивляться ли после этого слабому развитию нашей внешней торговли? – спрашивал учёный. «Естественно..., что *почти вся русская внешняя торговля находится в руках иностранцев*... Неустойчивость, неопределённость нашего экспорта отсюда выясняется с полной очевидностью» [72, с. 10].

Учёный задавался вопросом, почему же Россия, имея массовые грузы для экспорта, не может развить свой торговый флот, подобно другим государствам, и довольствуется чужим. Обращаясь к условиям, в которых создавался и действует торговый флот ведущих западных стран, он констатировал тот факт, что дело далеко не в одной только частной инициативе; флот создавался, в значительной степени, усилиями государства, при постоянной поддержке за счёт государственных ресурсов. Это выражалось в выдаче пароходствам (на тех или иных основаниях) прямых субсидий, а также в создании для них ряда косвенных выгод. Ссуды и пособия выделялись для строительства новых и реконструкции старых судов, субсидии и премии назначались за выполнение необходимых в государственных интересах рейсов и соответствие кораблей определённым требованиям. Косвенная поддержка выражалась в создании условий для успешной конкуренции национального флота с флотами других государств: оборудовании портов; установлении льготных железнодорожных тарифов на перевозку товаров, предназначенных для дальнейшей транспортировки отечественными судами; содействии объединению мелких пароходных предприятий; организации для них кредита и т.д. На эти цели ежегодно тратились значительные суммы: в Японии – более 12 млн руб., в Англии – более 11 млн руб., в Италии – 9 млн руб. только прямых субсидий [69, с. 16].

У нас же, по словам Мигулина, всё было предоставлено естественному ходу событий, капиталам и предприимчивости, вложенным в судостроение и судоходство, не оказывалось серьёзной поддержки, российский флот был поставлен в неблагоприятные, по сравнению с конкурирующими с ним иностранными флотами, условия. Поддержка отечественного судостроения ограничилась выработкой системы поощрительных премий, такой сложной, что пользоваться ею оказалось крайне затруднительно. В области мореплавания единственной мерой поддержки (навигационными премиями в чистом виде) являлась компенсация сумм, внесённых нашими судами, в виде пошлин, за прохождение Суэцкого канала. Кроме того, отдельным пароходам выделялась помильная плата за некоторые срочные рейсы, при этом на них возлагался ряд обязанностей, в частности бесплатная перевозка почты. Размер этой платы не всегда покрывал убытки, понесённые компаниями при выполнении данных рейсов, возложенных на них правительством, как замечал учёный, скорее в виде повинности, чем в интересах развития торгового судоходства. Ежегодные расходы государства на поддержание торговой флотилии составляли не более 3,5 млн руб.

Не удивительно, что при таких условиях в 1911 г. российские суда не совершали срочных рейсов между нашими черноморскими и западноевропейскими портами. Что касается балтийских портов, то, за исключением небольшого числа рейсов между Петербургом и Стокгольмом, Копенгагеном, Гуллем, Штеттином, выполняемых финским акционерным обществом (т.е. также, по замечанию Мигулина, иностранным), сообщение с Западной Европой, поддерживаемое отечественными судами, отсутствовало. Таким образом, состояние российского торгового флота в данный период совершенно не соответствовало потребностям страны.

Учёный обращал внимание и на то, что важнейшим препятствием развития отечественного экспорта, в том числе и сельскохозяйственной продукции, было отсутствие правильно поставленного консульского института. Торговые интересы России в начале XX в. практически не попадали в поле зрения наших дипломатов, консулов было мало, да, к тому же, значительная их часть, по характеристике Петра Петровича, это «элемент малопригодный для своего сложного дела и в значительной части состоящий из иностранцев, не говорящих даже по-русски, не оплачиваемый» [72, с. 64].

Однако важно не только то, как идущие на экспорт товары вывозятся из страны и как её интересы представлены на внешних рынках, но и, что гораздо существеннее, какая именно продукция поставляется за границу. Мигулин указывал на недопустимость существующей структуры экспорта, в которой преобладали сырые сельскохозяйственные продукты. Он акцентировал внимание на том, что Америка, на которую в данной области

призывал ориентироваться, вывозила преимущественно муку, получая заработок при перемоле зерна; Россия же экспортировала главным образом зерно и никогда даже не пыталась заставить Западную Европу принимать переработанный продукт.

Действительно, в рассматриваемый период ведущее положение страны на мировом хлебном рынке определялось экспортом не столько зерна, сколько муки. Это наглядно подтверждается данными, приводимыми в исследовании Т.М. Китаниной, посвящённом российской хлебной торговле конца XIX – начала XX в. Соотношение между вывозом упомянутых продуктов у нашего главного конкурента – США – в 1911 г. было следующим: зерно – 18,8%, мука – 81,2%. В структуре же российского экспорта в этот период на зерно приходилось 97,9% и лишь 2,1% – на муку [46, с. 162]. Отечественные предприниматели (в частности делегаты XXII общего съезда железных дорог) пытались привлечь внимание правительства к данной проблеме ещё в начале 80-х гг. XIX в., однако их усилия были тщетны.

В рассматриваемый период, помимо зерна, Россия экспортировала в крупных размерах также корма – отруби и жмых (на 38 млн руб.), лён и пеньку (на 85 млн руб.), яйца (на 61 млн руб.), мягкую рухлядь и кожи (на 23 млн руб.) (данные на 1905 г.) [70, с. 65-66]. Мигулин подчёркивал, что при этом упускается возможность развития отечественных животноводства и обрабатывающей промышленности, а собственное население лишается крупных доходов. Он писал о том, что отдельные сельские хозяева не могут заняться переработкой сырых продуктов, производить более ценные на рынке продукты, не только вследствие недостатка денег, но и по причине необеспеченности сбыта этих продуктов, незнания, что надо производить, кому и по какой цене можно продать.

Так же обстояло дело и с развитием кустарных промыслов (особенно необходимых в России, где крестьяне, вследствие климатических особенностей, имели массу свободного от земледелия времени), изделия которых, при дешевизне у нас рабочих рук и, следовательно, невысокой себестоимости, могли иметь обширные рынки сбыта как внутри страны, так и за границей, успешно конкурируя с аналогичной иностранной продукцией. Однако отсутствие посредничества в сбыте, опять же, незнание, что нужно производить, мешали развитию промыслов гораздо больше, чем недостаток денег, которых, как писал учёный, «большую частью потому и нет, что помещение их в дело при отсутствии организованного сбыта слишком рискованно» [127, с. 864].

Таким образом, данные, приводимые в работах Петра Петровича, позволяют прийти к выводу, что в конце XIX – начале XX в. экспорт российской сельскохозяйственной продукции развивался скорее вопреки

сложившимся условиям, нежели благодаря им. Мигулин не только указывал на существующие в данной сфере недостатки, но и выработал ряд практических рекомендаций, направленных на создание режима наибольшего благоприятствования для вывоза продукции отечественного аграрного сектора, к рассмотрению которых мы обратимся в четвёртом параграфе четвёртой главы нашего исследования.

3.5. Кредитное обеспечение аграрного сектора экономики

«Никакое производство и никакой сбыт произведённых продуктов невозможно поставить в надлежащие рамки, если производство и торговля не снабжены достаточными капиталами» [105, с. 162], – это положение, по замечанию профессора Мигулина, не нуждается в доказательствах. Далеко не все товаропроизводители и торговцы обладают собственными капиталами в необходимом для них объёме, что вынуждает их прибегать к услугам кредитных учреждений. Поэтому можно уверенно говорить и о том, что наличие стабильно функционирующей, делающей доступным для массы населения получение ссуд на выгодных условиях, кредитной системы есть неременное условие успешного развития экономики любого государства, что также не нуждается в доказательствах. Как же обстояли дела в данной сфере в России конца XIX – начала XX в.?

Обращаясь к этой проблеме, Пётр Петрович отмечал, что отечественная система кредитных учреждений никогда не отличалась надлежащей стройностью и полнотой. Развитие российской банковской системы началось с создания казённых банков, носивших, по словам учёного, скорее, характер своеобразно организованных сберегательных касс, принимавших вклады до востребования и выдававших долгосрочные ипотечные ссуды частным лицам и долгосрочные же ссуды – казне; при этом собственно коммерческий кредит был в зачаточном состоянии, не говоря уже о всяких иных формах кредита.

В конце 1850-х гг. эти банки были упразднены, работу продолжил только один из них – Коммерческий, преобразованный в Государственный банк, целями которого объявлялись оживление торговых оборотов и упрочение кредитно-денежной системы. В 1859 г. под председательством академика В.П. Безобразова была создана Комиссия по устройству земских (т.е. местных) банков, призванных заменить находящиеся в стадии ликвидации казённые кредитные установления. Мигулин так характеризовал взгляды её членов на оптимальную организацию отечественной кредитной системы: «Только *частная* организация кредита казалась им правильной и целесообразной. ...Всё казённое им казалось рутинным и не способным к развитию, – всё, свободное от правительственного вмешательства, живым и способным создать для России новые горизонты» [122, с. 235]. При поощ-

рении финансовой администрации в стране постепенно возникла целая сеть частных кредитных учреждений: городских общественных, сельских, акционерных земельных, поземельных взаимного кредита банков; городских кредитных обществ, обществ взаимного кредита; ссудосберегательных товариществ; ломбардов; банкирских домов и контор.

Несмотря на существенное расширение и видимое совершенствование отечественной кредитной системы, на экономике, в частности на её аграрном секторе, банковская реформа сказалась пагубным образом. Мигулин отмечал, что государство, в самый критический момент переходной эпохи помещичьего крепостного хозяйства к хозяйству на началах свободного труда, оставило землевладельцев без кредита, достаточно развитого в дореформенный период (в подтверждение чего он приводил данные за 1859 г., когда казёнными банками, под залог 44 166 имений с 7 107 184 душами крепостных, было выдано ссуд на 425 503 тыс. руб. (по 59,87 руб. на душу) [122, с. 235]).

После ликвидации старых банковых установлений ипотечного кредита в масштабах всей страны не существовало почти десять лет: первые кредитные учреждения, предоставляющие населению ипотечные ссуды, появились в середине 60-х гг. (Земский банк Херсонской губернии – 1864 г., Общество взаимного поземельного кредита – 1866 г.), акционерные земельные банки – лишь в 70-х гг. В этот период землевладельцы вынужденно довольствовались ссудами, взятыми у частных лиц под 10-12% годовых (против дореформенных 5%). Владельцы населённых имений, с целью получения денежных средств, реализовывали выкупные свидетельства, полученные ими в ходе крестьянской реформы 1861 г., однако этот процесс поначалу крайне ограничивался государством, и курс выкупных бумаг опускался временами до 60-ти за 100. Даже тогда, когда, вследствие появления частных земельных банков, кредитное предложение расширилось, процент, под который предоставлялись ссуды, не опускался ниже 8-9% годовых. «Насколько должно было это отразиться благоприятно на сельском хозяйстве России, этой главной основе благосостояния её населения, – не нуждается в комментариях» [122, с. 235], – заключал Пётр Петрович.

Тем не менее, остро нуждающиеся в капиталах землевладельцы активно пользовались услугами этих кредитных учреждений; объёмы выдаваемых ими ссуд неуклонно росли: 1867 г. – 99 594 тыс. руб., 1877 г. – 415 050 тыс. руб., 1887 г. – 639 770 тыс. руб. [123, с. 481-482], 1897 г. – 729 570 тыс. руб., 1902 г. – 850 348 тыс. руб. [127, с. 981]. Расширялся и круг частных ипотечных кредитных учреждений: к началу 90-х гг. в стране действовали Херсонский земский банк, Общество взаимного поземельного кредита, десять акционерных земельных банков, Тифлисский и Кутаисский

дворянские земельные банки, Кредитное общество Царства Польского, Курляндское и Лифляндское кредитные общества, Эстляндская дворянская кредитная касса.

В то же время деятельность далеко не всех из них была поставлена на твёрдую основу, руководство ряда банков допускало злоупотребления, приводившие их на грань краха. Дабы не допустить подобного исхода, правительство находило возможным вмешиваться в работу таких кредитных учреждений – субсидировать, принимать на себя управление их делами и ликвидацию. В 1884 г. это был Саратово-Симбирский земельный банк, в 1890 г. – Общество взаимного поземельного кредита, в 1891 г. – Нижегородский дворянский Александровский банк, в 1894 г. – Центральный банк поземельного кредита, в 1899 г. – Виленский земельный банк, в 1901 г. – Кутаисский Михайловский дворянский земельный и Харьковский земельный банки.

Со временем, с целью предупреждения злоупотреблений и содействия эффективной работе частных кредитных учреждений, правительство распространило свой контроль на деятельность всех ипотечных банков: в 1901 г. ввело в них уполномоченных от Министерства финансов, назначало ревизии, подчинило выдачу ими ссуд надзору Кредитной канцелярии, способствовало реализации их закладных листов через сберегательные и эмеритальные кассы. Мигулин считал, что при этих условиях правительству давно пора было взять на себя всё дело земельного кредита в стране.

Не ставя перед собой такой задачи, более чем через 20 лет после окончания банковской реформы и начала реформы крестьянской, государство всё же стало возвращать утраченные в сфере кредита позиции, при этом его организация строилась по сословному принципу: внимание властей было обращено на крестьян и дворян. Учёный не считал целесообразным такой подход к решению проблемы, замечая, что землевладельцы других сословий тоже нуждались в кредите и не было оснований не брать его в руки государства, чтобы избавить землевладельцев от излишних переплат в пользу частных лиц и учреждений.

В 1883 г. приступил к работе Крестьянский банк – ипотечный банк, целью которого ставилось содействие крестьянам в приобретении ими земли, на тот момент крайне затруднённом невозможностью использования долгосрочного кредита. Мигулин подчёркивал, что создание для этой цели именно государственного банка было единственно верным решением, поскольку в России, где преобладало земледельческое население, правильная организация ипотечного кредита играла исключительно важное значение, а правительство могло его и удешевить, и направить в соответствии с интересами внутренней политики.

Но деятельность банка с первых дней его работы вошла в противоречие с поставленными перед ним в момент создания задачами. Изначально предполагалось содействие в приобретении земли наименее обеспеченным ею, беднейшим слоям крестьянства. На деле же они, за редким исключением, не могли воспользоваться услугами банка, не имея возможности оплачивать слишком высокие проценты по ссудам (7,5 (при погашении долга за 34,5 года) – 8,5 (24,5 года) % годовых) и вносить довольно крупные доплаты наличными при покупке земли (кредит не превышал 75% её нормальной оценки, принятой в данное время в данной местности, или оценки специальной (при покупке наиболее ценных угодий: огородов, заливных лугов и т.д.)). «Казалось бы, нетрудно было понять, что приплаты эти будут делаться за счёт займов у частных лиц (и, конечно, на условиях чисто ростовщических) – в дополнение к банковому кредиту – под обеспечение вторыми закладными на приобретаемые имения или же другими способами, на изобретение которых такие мастера наши так называемые кулаки и мироеды» [122, с. 517], – писал учёный. Не было предусмотрено и то обстоятельство, что, стремясь к приобретению жизненно необходимой им земли, крестьяне будут сильно переплачивать за неё, не учитывая собственных платёжных сил, а впоследствии не смогут рассчитаться по заключённым для покупки займам (как частным, так и банковским).

К отрицательным моментам в деятельности банка Мигулин относил и отсутствие инициативы с его стороны в приобретении и перепродаже крестьянам земельных угодий, а также организации их переселений на изобилующие свободными землями окраины страны. Банк лишь выступал посредником между уже заключившими сделку крестьянами и землевладельцами.

Тем не менее, несмотря на все недостатки нового кредитного учреждения (которые, по мнению профессора, были вполне поправимы), его деятельность в первые годы существования развивалась довольно успешно, о чём свидетельствуют использованные в работах учёного данные, приводимые в таблице 3.5.1.

Таблица 3.5.1

Деятельность Крестьянского банка (1883-1886 гг.) [122, с. 520]

Годы	1883	1884	1885	1886
Число отделений	11	18	26	34
Объём выданных ссуд (руб.)	861 163	10 324 967	23 863 351	34 378 040
Дефицит по операциям (руб.)	87 623	161 581	–	–
Прибыль по операциям (руб.)	–	–	164 064	465 233
Запасной капитал (руб.)	–	–	2 483	467 716

Как видим, уже через два года после открытия банк справился с дефицитами и стал получать крупные прибыли, а спустя четыре года имел довольно большой запасной капитал; в этот период наблюдался планомерный значительный рост числа отделений банка и объёма выданных им ссуд. Однако довольно скоро эти положительные тенденции пошли на спад, а по некоторым параметрам наметился очевидный регресс, что и отражено в таблице 3.5.2.

Таблица 3.5.2

Деятельность Крестьянского банка (1887-1892 гг.) [123, с. 422-423]

Годы	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Число отделений	37	38	39	43	43	43
Объём выданных ссуд (руб.)	39 211 433	42 462 080	43 535 076	45 791 843	46 395 336	49 749 887
Дефицит по операциям (руб.)	–	–	489 385	–	75 791	–
Прибыль по операциям (руб.)	181 625	158 098	–	173 660	–	130 587
Запасной капитал (руб.)	649 341	807 439	807 439	785 724	785 724	394 142

Если в первые четыре года деятельности банка (в министерство Н.Х. Бунге) число его отделений ежегодно увеличивалось на семь-восемь новых, то за последующие шесть лет (при И.А. Вышнеградском) их было открыто всего девять; снизился ежегодный прирост объёма выданных банком ссуд; прибыли пошли на спад, а затем и сменились убытками; замедлился рост, и вскоре началось сокращение размера запасного капитала. Мигулин подчёркивал, что одной из причин убыточности банка стала «неисправность» его заёмщиков, вызванная обременительностью лежащих на них платежей (которые, зачастую, в полтора раза превышали арендную плату, вносимую крестьянами за ту же землю до её покупки) и, частично, неурожаями. Полностью по взятым ссудам они расплатились лишь в 1883 г., в последующие годы платежи колебались от 73,2% до 95,6% требуемой суммы: 1884 г. – 95,6%, 1885 г. – 78,6%, 1886 г. – 73,2%, 1887 г. – 78,9%, 1888 г. – 92,4%, 1889 г. – 86,6%, 1890 г. – 85,1%, 1891 г. – 94%, 1892 г. – 82,7% [123, с. 424].

Главной же причиной отрицательных показателей в деятельности банка учёный называл убыточность управления оставленными за ним участками неплатёжеспособных заёмщиков. Он писал, что само оставление за банком заложенной в нём земли невозможно признать нормальным явлением; банк должен был помогать, а не окончательно разорять неисправных заёмщиков, оставляя за собой их земельные участки, не способные дать необходимого для покрытия лежащих на них платежей дохода. В

противном случае цель банка – снабжать землёй малоимущее крестьянское население – оставалась неисполненной. Между тем, процесс шёл по нарастающей: в 1883-1886 гг. таких земель не было, в 1887 г. стоимость оставшихся за банком участков составляла 6% от общей стоимости всей заложенной в нём земли, в 1892 г. этот показатель дошёл уже до 15%. Было очевидно, что в деятельности банка не всё идёт гладко.

С приходом на пост министра финансов С.Ю. Витте Крестьянскому банку стало уделяться повышенное внимание; было решено осуществить его коренную реформу, предполагающую расширение круга операций, увеличение размера и удешевление выдаваемых ссуд, повышение активности при совершении сделок купли-продажи земли.

В конце 1895 г. был принят новый устав Крестьянского банка, по которому он мог выдавать ссуды не только под вновь приобретаемые крестьянами земли, но и под уже купленные без его содействия участки – для погашения обеспеченных этими землями долгов (возникших при их покупке). Кроме того, на пять лет банку было предоставлено право покупать земли за собственный счёт, с целью дальнейшей их продажи. Выдача ссуд теперь предполагалась, как правило, по специальной оценке земли, их размер мог достигать до 90% от её суммы. Прежде, чем выдать кредит, банк должен был рассмотреть условия заключаемой сделки, чтобы убедиться, что она соответствует интересам крестьян, а ссуда надёжно обеспечена. Новым уставом вводились и более разнообразные сроки погашения ссуд: 12; 17; 26,5; 38 лет и 51 год, предусматривалось расширение предоставляемых заёмщикам, в случае непредвиденных обстоятельств, делающих невозможным внесение текущих платежей в оговорённые сроки, льгот. Деятельность банка, ранее не охватывавшая Сибирь, Закавказье и прибалтийские губернии, теперь распространялась на всю империю.

Говоря о новом уставе, Мигулин выделял как самые существенные его моменты предоставление банку права приобретения земли и значительное увеличение размера выдаваемых им ссуд, а также принятие ряда мер, способствующих сохранению приобретённых участков в руках их новых собственников. Он отмечал, что к этому времени правительство, видя неустойчивость дворянского землевладения, обратило внимание на необходимость быстрее перехода земли к крестьянам, дабы она не оказалась в руках сословий, не имеющих ничего общего с земледелием и смотрящих на землю лишь как на предмет спекуляции.

Учёный, однако, подчёркивал, что важен не столько сам устав, сколько его применение. На практике же дело обстояло следующим образом. Несмотря на расширение своих полномочий, банк продолжал проявлять излишнюю осторожность при выдаче ссуд, вследствие чего

значительная часть имеющегося спроса на кредит оставалась неудовлетворённой, а получившие ссуду крестьяне, как и раньше, были вынуждены вносить крупные доплаты за приобретаемую ими землю, подтверждением чего служат приводимые Мигулиным данные о деятельности Крестьянского банка после принятия нового устава, отражённые в таблице 3.5.3.

Таблица 3.5.3

Деятельность Крестьянского банка (1896-1901 гг.) [127, с. 952]

Годы	1896	1897	1898	1899	1900	1901
Объём просимых ссуд (тыс. руб.)	34 856	48 692	62 448	71 535	72 687	99 980
Объём выданных ссуд (тыс. руб.)	7 254	20 895	36 473	44 569	53 515	54 270
Покупная сумма (тыс. руб.)	10 166	25 443	44 775	55 682	67 592	70 681
Отношение выданных ссуд к покупной сумме (%)	71	82	81	80	79	77

Учёный замечал, что осторожность – дело хорошее, но в данном вопросе она была совершенно безосновательной, поскольку каждый год промедления с покупкой земли вводил крестьян в крупные убытки, вследствие роста арендных и продажных цен на неё. Он обращал внимание на то, что банк удовлетворял лишь около 60% запросов крестьян, тогда как до реформы – до 75%. Между тем, контингент приобретающих землю в значительной мере состоял из лиц, не имеющих собственных сбережений, вынужденных занимать необходимые для доплат деньги у частных лиц под довольно высокий процент. Ещё хуже обстояло дело с предоставлением кредита крестьянам, купившим землю без посредничества Крестьянского банка: здесь существующий спрос удовлетворялся в среднем лишь на 46%.

Самой интересной операцией банка, разрешённой его новым уставом, Мигулин называл приобретение им за счёт собственного капитала земель с целью последующей их продажи. Введённая в виде эксперимента на пять лет, позднее она была продлена ещё на десять (до 1 января 1911 г.). Пётр Петрович указывал на тот факт, что при покупке имений банк, зачастую, руководствовался не столько интересами крестьян, которым в дальнейшем предполагалось продавать эти земли, сколько интересами их нынешних владельцев, преимущественно дворян, имеющих связи с «административными сферами». В результате банку нередко сбывались по превышающим рыночные ценам малопродуктивные дворянские имения.

Общее представление о ходе операции купли-продажи банком земель дают приводимые Мигулиным данные, представленные в таблице 3.5.4.

Таблица 3.5.4

Покупка и продажа земель Крестьянским банком (1896-1901 гг.) [127, с. 960]

Годы	1896	1897	1898	1899	1900	1901
Число заявлений крестьян о покупке земли	45	37	54	62	78	58
Количество земли, на которое предъявлен спрос (десятины)	50 343	36 524	119 276	76 661	53 029	49 788
Число заявлений дворян о продаже земли	238	403	264	222	275	353
Количество предложенной к продаже земли (десятины)	336 511	584 566	476 844	363 995	562 021	645 288
Количество купленной банком земли (десятины)	48 338	91 480	175 527	72 347	94 527	151 885
Количество проданной банком земли (десятины)	—	7 736	60 222	68 946	91 240	97 647

Как видно из таблицы, чаще всего ходатайства о покупке банком земельных угодий поступали от их владельцев (более 90% которых составляли дворяне, большинство из них предлагало банку крупные имения – свыше 1 тыс. десятин каждое), а не от крестьян; сам же банк брал на себя инициативу приобретения земель лишь в редких случаях. В ходе дальнейшей их покупки крестьянами выдаваемая банком на эти цели ссуда колебалась в среднем в пределах 92,1-98,4% (иногда доходя до 100%) цены участка. Тем не менее, процесс шёл не слишком интенсивно: «жадные» до земли, по определению учёного, крестьяне не всегда желали приобрести её именно у банка. В результате к 1902 г. в 35 губерниях за ним оставалось 146 имений, в состав которых входило 324 579 десятин земли (т.е. более 50% от приобретённых банком в 1896-1901 гг. 634 104 десятин). На основе этих данных Мигулин сделал вывод, что опыт с покупкой земли был не слишком удачен, очевидно, она была приобретена слишком дорого.

И всё же он настаивал на необходимости скупки банком земельного фонда, по возможности быстрой и не останавливающейся перед некоторыми переплатами. При этом учёный делал одну существенную оговорку: «Необходим только твёрдый и разумный план деятельности, побольше инициативы со стороны самой банковской администрации, побольше внимания к просьбам и заявлениям о необходимости приобретения того или другого имения со стороны крестьян, а не самых владельцев» [127, с. 964].

Однако чрезвычайно возросшая в дальнейшем (особенно в годы первой русской революции) скупка дворянских земель велась без какого бы то ни было плана, вне согласования с землеустроительной работой (причём, по мере ухудшения внутривополитической ситуации, банку предлагались не плохо управляемые и убыточные, а доходные интенсивные поместья). В результате он стал выступать в роли «упразднителя» сельскохозяйственной культуры. Учитывая и то обстоятельство, что значительная часть улучшивших своё земельное обеспечение с помощью банка крестьян относилась не к малоземельным, а к зажиточным (подробнее об этом говорилось во втором параграфе данной главы), Мигулин весьма критично оценивал результаты его работы, отмечая, что деятельность банка во многом имела отрицательный, а не положительный характер.

Теперь обратимся к деятельности ещё одного, образованного в 1885 г., государственного сословного ипотечного банка – Дворянского. Он (в отличие от Крестьянского, являвшегося самостоятельным кредитным учреждением) функционировал на началах благотворительного, более дешёвого, чем тот, которым пользовалось государство, кредита и использовал пожертвования со стороны Государственного казначейства. По взятым из банка ссудам дворяне платили 5,75% годовых, т.е. на 1,75% меньше, чем крестьяне по ссудам из Крестьянского банка; кредит выдавался на более длительные сроки – до 48 лет 8 месяцев, что было, по убеждению Мигулина, несправедливо. Несправедливость заключалась не в том, что дворяне платили мало, а в том, что крестьяне платили слишком много, «другими словами: не кредит дворянам следовало удорожить, а удешевить кредит крестьянам» [122, с. 530]. Ссуды должны были выдаваться по нормальным и специальным оценкам, в размере до 60% оценочной стоимости имения, при перезалоге имений из других кредитных учреждений в Дворянском банке ссуда могла быть доведена до 75% их оценочной стоимости.

Поначалу предполагалось предоставить льготный кредит не всему дворянскому сословию, а лишь землевладельцам, постоянно живущим в своих поместьях и ведущим интенсивное хозяйство, т.е. придать ссудам мелиоративный характер. Учёный замечал по этому поводу, что легко было бы примириться пусть и с благотворительным, но мелиоративным кредитом, оказываемым дворянству как сословию, после крестьянского, наиболее связанному с землёй, занимающемуся сельским хозяйством и заинтересованному в поднятии производительности почвы. Но Положение о государственном Дворянском земельном банке не закрепило данной идеи, право пользования льготным государственным кредитом получили все без исключения дворяне-землевладельцы, банк стал обыкновенным ипотечным, долгосрочные ссуды выдавались им под залог земли в Европейской России, исключая Финляндию, Польшу и Прибалтику.

Ввиду льготности предоставляемого банком кредита, 24 его отделения (открывшиеся с конца 1885 г. до 1 января 1887 г.) были буквально завалены просьбами о выдаче ссуд. В первый год работы банка поступило 3 935 прошений о предоставлении кредита на сумму 144 436 555 руб. (под залог 3 402 550 десятин земли), выдано же было в ссуду 68 783 300 руб. [122, с. 535]. При этом не учитывалось, на что употребляются полученные суммы. Поэтому далеко не все заёмщики брали кредит в целях развития своих хозяйств. Часть из них стремилась получить разницу между процентом, выплачиваемым по ссудам Дворянского банка, и процентом, приносимым ценными бумагами, которые можно приобрести на взятые в ссуду деньги. Были и такие, кто использовал кредит на потребительские расходы.

В 1887 г. банк выдал новых ссуд на сумму 70 963 300 руб. [123, с. 435], а в следующем году этот показатель сократился до 33 705 700 руб. Администрация банка считала данный процесс вполне естественным, т.к. наиболее острая потребность в кредите была удовлетворена в первые два года его деятельности. Однако другую обозначившуюся в 1888 г. тенденцию нельзя было не признать тревожной: платежи, поступавшие ранее от заёмщиков довольно исправно, теперь стали вноситься значительно хуже (к 30 апреля недоимка достигла 26,83% полугодового взноса).

К причинам возникновения недоимок Пётр Петрович относил, с одной стороны, недостаточную строгость взыскания с заёмщиков текущих платежей, а с другой — их неплатёжеспособность. Он писал, что российское сельское хозяйство находилось в неудовлетворительном состоянии, цены на хлеб держались низкие, дворяне-землевладельцы оставались такими же плохими хозяевами, какими они показали себя сразу после освобождения крестьян. Взимавшийся Дворянским банком процент был невысок, однако и его большинство разорённых и неустроенных дворянских имений не могло вынести.

Власти стали изыскивать способы облегчить положение клиентов банка. 12 октября 1889 г. вышел Высочайший указ, в соответствии с которым был снижен (на 0,5%) взимаемый по ссудам процент; увеличены сроки, на которые выдавался кредит (максимально — 66,5 лет); предоставлен ряд льгот по расчётам с банком заёмщикам, взявшим ссуды до 1 ноября 1889 г.; отсрочены не внесённые ими вовремя платежи. Учёный замечал по поводу последнего из перечисленных пунктов указа, что «отсрочка неуплаченных взносов *без процентов* в счёт капитальной ссуды... без всякого соотношения с тем, по какой причине не были взносы своевременно произведены, не имела...справедливого основания и порождала особую привилегию для *неисправных* заёмщиков» [123, с. 453]. Он указывал на то, что теперь было выгодно задержать срочный платёж и получить его отсрочку, клиенты банка искушались этой возможностью.

Неудивительно, что объём просроченных платежей стал постепенно возрастать. На 1 ноября 1889 г. недоимки составляли 11 108 531 руб. (сумма более чем в два раза превышает полугодовые взносы заёмщиков). После перерасчёта, в соответствии с указом 12 октября 1889 г., эта сумма снизилась до 5 201 154 руб. — на 1 января 1890 г., через год она составляла 4 450 850 руб., а затем начала значительно увеличиваться: на 1 января 1892 г. — 7 125 653 руб., на 1 января 1893 г. — 10 595 683 руб. [123, с. 454]. Рост недоимок, по признанию Мигулина, был отчасти обусловлен увеличением объёма выданных банком ссуд (1889 г. — 36 736 800 руб., 1890 г. — 61 692 300 руб., 1891 г. — 58 183 600 руб., 1892 г. — 34 636 000 руб.) [123, с. 455], однако само это увеличение в значительной степени обуславливалось удешевлением кредита и ожиданием новых льгот, которых настойчиво требовала часть дворянства и прессы.

12 июня 1890 г. был утверждён новый устав Дворянского банка, закрепивший все предоставленные его заёмщикам льготы, облегчивший перезалог имений и пересрочку займов, распространивший деятельность этого кредитного учреждения на Закавказье. Гораздо более льготные, чем в других кредитных учреждениях, ссуды Дворянского банка пользовались повышенным спросом. К 1 января 1893 г. в 43 губерниях Европейской России дворянам принадлежало 57 485 636 десятин земли, из них 8 700 445 десятин (15% всей площади) было заложено в банке. По губерниям задолженность колебалась в пределах 0,4-53,2%, наибольшие её показатели наблюдались в среднечернозёмной полосе.

Низкий процент, как писал учёный, побуждал всё больше наращивать задолженность земли, часто без всякой надобности и с чисто потребительскими целями. Хуже всего было то, что разыгрывались аппетиты целого сословия, многие представители которого начинали стремиться к недвусмысленной цели: переложить на государство все дворянские долги. К заслугам И.А. Вышнеградского Мигулин относил то, что он сдерживал дворянские требования в известных пределах и дал в конце своего министерства резкий отпор дальнейшим претензиям заёмщиков банка на получение новых льгот за счёт государства.

Сменивший его С.Ю. Витте, напротив, сразу занялся поиском способов расширения льгот для клиентов Дворянского банка. Дважды снижавшийся, в ноябре 1894 и мае 1897 г., процент роста был доведён до 3,5 (в момент открытия банка он составлял 5%); заёмщики получили новые возможности отсрочки накопленных по недоимкам, связанным с неурожаем 1891-1892 гг., долгов.

Особый интерес к получению кредита в Дворянском банке проявляли владельцы убыточных, уже заложенных поместий. Подавляющее большинство закладываемых в нём имений было обременено долгами

частным ипотечным банкам, с помощью государства помещики стремились расплатиться со своими кредиторами. Представление о масштабах явления дают следующие цифры. Из общего количества заложенной в 1892-1901 гг. земли было переведено из других кредитных учреждений: 1892 г. – 68%, 1893 г. – 74%, 1894 г. – 82%, 1895 г. – 89%, 1896 г. – 84%, 1897 г. – 83%, 1898 г. – 86%, 1899 г. – 86%, 1900 г. – 80%, 1901 г. – 81% [127, с. 913].

Вслед за снижением процента роста по выдаваемым банком ссудам снижался и процент по выпускаемым им закладным листам, биржевые котировки этих бумаг стали падать – банк нёс убытки по их реализации, обозначилась устойчивая тенденция к снижению его прибылей: 1894 г. – 2 822 070 руб., 1895 г. – 1 996 930 руб., 1896 г. – 1 080 921 руб., 1897 г. – 738 546 руб. [127, с. 899, 902]. Следствием всё возрастающих убытков по реализации закладных листов стало и снижение запасного капитала банка: 1895 г. – 12 864 тыс. руб., 1896 г. – 12 446 тыс. руб., 1897 г. – 11 136 тыс. руб., 1898 г. – 10 484 тыс. руб., 1899 г. – 8 861 тыс. руб. [127, с. 916-917]. Стало очевидно, что предоставление дворянам кредита на слишком льготных условиях не удалось, дальнейшее несоответствие между выдаваемыми банком ссудами и получаемыми им по закладным листам суммами могло привести его в не особенно отдалённом будущем в очень опасное положение. Во избежание этой угрозы, в июле 1900 г. процент роста по ссудам банка был повышен до 4%; коснулась данная мера, однако, лишь новых клиентов, платежи старых заёмщиков остались без изменений.

К концу XIX в. власти ещё не отказались окончательно от преследуемой ими с момента образования Дворянского банка цели – сохранить дворянское землевладение. Дабы облегчить её достижение, был принят ряд законодательных актов. Так, в мае 1899 г. установлена временная заповедность заложенных в банке имений: над неисправными поместьями назначалась опека, их выставление на торги откладывалось на несколько лет и обставлялось рядом условий. Принятый в феврале 1900 г. закон способствовал освобождению дворян-землевладельцев от части заложенных в банке имений, чтобы облегчить им управление оставшимися в их руках земельными угодьями. Банк скупал у своих клиентов наиболее обременённые долгами участки их поместий, чтобы в дальнейшем перепродать, в первую очередь потомственным дворянам. Если таких покупателей не находилось, то земля могла быть продана крестьянам, посредником в сделке выступал Крестьянский банк, выдающий на приобретение данных участков ссуду в размере 90-100% их оценочной стоимости.

Несмотря на все приложенные властями усилия, сохранение земли в руках дворян оказалось невозможным. Пётр Петрович указывал на то обстоятельство, что значительная их часть стремилась к государственной

службе, а на занятие сельским хозяйством смотрела как на что-то постороннее, с чем желательно возможно быстрее и на более выгодных условиях «развязаться». Идеалом для многих являлась продажа имений крестьянам или разночинцам по сильно завышенным ценам: «В этом все стремления и скрытая цель дворянских ходатайств: крупные ссуды из дворянского банка, превышающие самую стоимость имений, чтобы оставлять таковые дворянскому банку, – продажа земли банку крестьянскому также по вздутой оценке...» [127, с. 908]. Действительно, выдаваемые Дворянским банком в ссуду его клиентам суммы были весьма значительны, при этом существующий спрос на кредит не удовлетворялся в полном объёме, что видно из данных, представленных в таблице 3.5.5.

Таблица 3.5.5

Количество испрашиваемых и выданных Дворянским банком ссуд
(1893-1901 гг.) [127, с. 911]

Годы	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901
Объём просимых ссуд (тыс.руб.)	46 196	67 950	118 495	125 593	149 450	110 953	100 444	100 868	122 522
Объём выданных ссуд (тыс.руб.)	42 111	39 195	81 976	98 048	88 990	120 460	71 623	76 148	83 976

Таким образом, начиная с 1886 г., в руки дворянского сословия перешли громадные средства, лишь незначительная часть которых была употреблена на интенсификацию помещного сельского хозяйства, тогда как, по замечанию учёного, эти капиталы, при проведении более соответствующей нуждам России политики, могли бы быть направлены на мелиоративные работы. Подводя итог 20-летней деятельности Дворянского банка, Мигулин был довольно категоричен: он писал в 1906 г., что пользы нашему сельскому хозяйству банк не принёс почти никакой, лишь мобилизовав недвижимость и оказав многим собственникам помощь в сбыте с рук их земли и неудачного хозяйства.

Власти стремились кредитовать аграрный сектор не только через Крестьянский и Дворянский банки, к этому процессу был подключён также Государственный банк. Началось всё с принятия в июне 1894 г. нового устава, в котором в число целей банка было включено содействие (посредством краткосрочного кредита) отечественным торговле, промышленности и сельскому хозяйству; к операциям добавилась «выдача ссуд для снабжения *инвентарём и оборотными капиталами* сельских хозяев, кустарей и ремесленников под соло-векселя, с обеспечением этих ссуд не-

движимым имуществом, залогом инвентаря, поручительством и другими благонадёжными обеспечениями» [116, с. 204]; мелкие (до 300 руб.) ссуды такого обеспечения могли и не иметь. Кредит не должен был превышать 75% необходимых для ведения хозяйства оборотных средств и 50% стоимости приобретаемого инвентаря, он предоставлялся на срок до 12 месяцев, с правом дальнейшего возобновления на тот же период (т.е. мог превращаться в долгосрочный). Предусматривалось значительное развитие выдачи подтоварных ссуд, предоставляемых на срок 9-15 месяцев, с правом отсрочки ещё на три месяца. Банк мог действовать через свои отделения и посредников: земские учреждения, частные кредитные установления, общества и товарищества на началах взаимности, артели, железные дороги, паромные и транспортные предприятия, частных лиц.

Новый устав Госбанка, по свидетельству Мигулина, был весьма сочувственно встречен обществом и печатью как попытка более широкой и отвечающей потребностям промышленности и торговли организации краткосрочного кредита. Но столкновение с действительностью сразу же обнаружило несостоятельность нового устава. Возложенные на банк обязанности по выдаче под соло-векселя сельскохозяйственных ссуд, обеспеченных землёй и приобретённым при помощи банка инвентарём, были не применимы к данному типу кредитного учреждения. Выдача таких ссуд, как подчёркивал учёный, противоречила идее банка, регулирующего денежное обращение и, следовательно, имеющего целью учитывать векселя и выдавать ссуды лишь краткосрочного характера.

Практика подтвердила его мнение: значительного развития подобные операции не получили, о чём свидетельствуют приводимые Мигулиным данные. Соло-векселей землевладельцев банком было учтено в 1894 г. на 28 млн руб., в 1895 г. – на 42 млн руб., в 1896 г. – на 30 млн руб., в 1897 г. – на 20,5 млн руб. [127, с. 812]. Взятые в кредит деньги были истрачены на потребление или вложены в носящие долгосрочный характер мелиоративные работы; от заёмщиков регулярно поступали просьбы о пересрочке ссуд, что грозило переводом их в разряд долгосрочных ипотечных. Попытки банка ограничить этот процесс вызвали массовое недовольство как нарушающие его устав, имеющий целью «воспособлять сельское хозяйство». В 1897 г. министр финансов издал наказ, требующий, чтобы ипотечная задолженность не превышала 60% оценки имения, а ссуда под соло-вексель – 7 руб. на десятину пахотной земли и 5% стоимости имения; «наконец, – писал Пётр Петрович, – были введены такие формальности и волокиты, которые отбили охоту у сельских хозяев обращаться за ссудами в госуд. банк...» [127, с. 815].

На покупку сельскохозяйственных орудий банком было выдано в 1894 г. 0,3 млн руб., в 1895 г. – 2,3 млн руб., в 1896 г. – 1 млн руб., в 1897 г. –

0,7 млн руб. [127, с. 812]. С этой операцией поначалу была связана обширная деятельность комиссионеров, сбывавших сельским хозяевам инвентарь, преимущественно, как отмечал Мигулин, низкого качества. Однако в 1896 г. выдача ссуд на эти цели была обставлена массой формальностей и отдана на произвольное усмотрение банковских чиновников, что привело к быстрому её сокращению. Таким образом, своего максимума выдача ссуд под соло-векселя и под залог приобретаемых сельскохозяйственных орудий достигла в первый год деятельности банка по новому уставу, а затем пошла на спад.

Практически не получило развития кредитование ремесленников и кустарей, интересное для нас, поскольку климатические особенности России предоставляли крестьянам массу свободного от земледелия времени и для значительной их части кустарные промыслы становились основным зимним занятием. В 1894 г. таких ссуд банком не выдавалось, в 1895 г. они составили 1,2 млн руб., в 1896 г. – 1,2 млн руб., в 1897 г. – 0,7 млн руб. [127, с. 812]. И здесь видим ту же тенденцию к снижению, хотя увеличение объёма этих ссуд, по убеждению учёного, было бы наиболее полезно, несмотря на некоторое их несоответствие обычным краткосрочным операциям банков, т.к. они имели целью поддержать интересы слишком обездоленных и нужных обществу классов.

Несколько лучше обстояло дело с подтоварными ссудами, которым при введении нового устава уделялось первостепенное значение, хотя и их развитие шло в соответствии с показанной ранее закономерностью (рост в течение первого года, а затем спад): 1894 г. – 51 млн руб., 1895 г. – 63 млн руб., 1896 г. – 45 млн руб., 1897 г. – 47 млн руб. Особое внимание обращалось на ссуды под хлеб – главный российский товар, но и их выдачу банк очень быстро свернул. Во второй половине 1896 г. был издан особый наказ, требующий от его местных отделений ограничения хлебных ссуд шестью месяцами (пределами одной хлебной кампании) и проявления особой осмотрительности при оставлении обеспечивающего кредит хлеба на хранение у заёмщика. Гораздо хуже развивались ссуды через посредников, основная масса которых тоже выдавалась под хлеб (преимущественно через железные дороги): 1894 г. – 9 млн руб., 1895 г. – 15 млн руб., 1896 г. – 10,5 млн руб., 1897 г. – 11,5 млн руб. [127, с. 812].

К тому же, независимо от степени развития этих операций, у них был ещё один недостаток: кредит оказывался главным образом под обеспечение дубликатами накладных железных дорог, т.е. после сдачи хлеба на станционные склады или его погрузки в вагоны. Мигулин акцентировал внимание на том, что «это кредит почти исключительно *хлеботорговцам*, а не самим сельским хозяевам, – это ссуда под *проданный уже хлеб*» [107, с. 3]. Производители, подчёркивал он, получают ссуды под свой, сложенный в товарных складах (которых у нас несоразмерно мало) или

собственных амбарах, хлеб с соблюдением массы формальностей. Ссуды эти учёный характеризовал как ничтожные, сравнительно с потребностью в них. Причём, касалась данная проблема не только деятельности Госбанка, так же обстояло дело с кредитами частных банков.

Ситуация с развитием Госбанком предусмотренных уставом 1894 г. операций объяснялась Мигулиным тем, что при его разработке в стране царило неразменное бумажное денежное обращение, выпуск бумажных денег и предполагалось использовать для оживления сельского хозяйства. Введение затем золотой валюты и заботы о поддержании размена заставили ступить на путь, свойственный центральным эмиссионным банкам: допускать лишь краткосрочные учёты векселей, избегать товарных и предметных ссуд, особенно сроком свыше трёх-девяти месяцев. С началом в 1898 г. промышленного кризиса, и без того угасающие сельскохозяйственные ссуды отошли на второй план, внимание Госбанка сосредоточилось на поддержке отечественной промышленности, с этой целью допускалась даже выдача противоуставных крупных ссуд, общий объём которых в течение 1898-1901 гг. дошёл до 100 млн руб. [116, с. 204].

Однако в начале XX в. банк стал всё более развивать выдачу ссуд под хлеб: 1901 г. – 38,4 млн руб. [129, с. 18], 1905 г. – 51,9 млн руб., 1909 г. – 86,3 млн руб. [46, с. 155-156]. Устав предусматривал осуществление ссудной операции в двух формах: под залог зерна, помещённого в склады банка, и под залог зерна, оставленного на ответственном хранении заёмщика. Наибольшее признание сельских хозяев получил второй вариант, однако он затруднял контроль со стороны банка и давал возможность для злоупотреблений. В связи с этим в 1910 г. было решено приступить к строительству собственной сети элеваторов, реализация данного решения была начата Госбанком в 1911 г.

Что касается связанного с новым уставом банка плана широкой постановки краткосрочного кредита, то Мигулин констатировал тот факт, что он не был реализован. Предполагалось создание разветвлённой сети мелких кредитных учреждений (в июне 1895 г. вышел новый закон об учреждениях мелкого кредита), действующих в роли агентов или посредников Госбанка в выдаче мелких ссуд и находящихся в подчинении его отделений в округах. Однако окружная система не была введена, а мелкие кредитные учреждения не получили значительного развития, хотя Госбанк содействовал (снабжая основными капиталами) их возникновению. Так, из числа функционировавших в 1902 г. 157 кредитных товариществ 144 были учреждены при посредстве Госбанка, выделившего на образование их основных капиталов 212,8 тыс. руб. (при общем их объёме 257,9 тыс. руб.), а также оказавшего им кредит на 362,5 тыс. руб. [127, с. 816]. Но сделано это было без системы, да и, относительно существующей потребности в кредите,

приведённые цифры – лишь «капля в море»; к началу XX в. в России одно такое учреждение приходилось на 72 тыс. жителей, тогда как в западноевропейских странах, в частности в Германии и Австро-Венгрии, этот показатель доходил соответственно до 4,8 тыс. и 8,8 тыс. [127, с. 855].

В том же 1902 г. было образовано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в рамках которого поднимался и вопрос об организации мелкого кредита. Результатом проделанной работы стало издание в 1904 г. образцовых уставов и Положения о деятельности мелких кредитных учреждений (к ним относились кредитные товарищества; ссудосберегательные товарищества; земские кассы; сельские, волостные и станичные общественные ссудосберегательные кассы; вспомогательные и сберегательные кассы бывших государственных крестьян; гминные ссудосберегательные кассы; сельские банки и проч.). Ведение делами этих учреждений поручалось образованному при Госбанке Управлению по делам мелкого кредита, на их создание и развитие было ассигновано 2 млн руб., вскоре (в связи с началом русско-японской войны) отобранных на военные нужды. Дальнейшую деятельность управления Мигулин характеризовал как вполне плодотворную: с его помощью было снабжено капиталами множество вновь возникших учреждений мелкого кредита, число которых к 1910 г. достигло 10 тыс.; к этому времени они располагали капиталами свыше 200 млн руб., из них около 21 млн руб. было получено за счёт правительственных средств, преимущественно через Госбанк [116, с. 205].

Полностью же удовлетворить имеющуюся у аграрного сектора потребность в кредите эти учреждения не могли. В соответствии с данными Мигулина, на тот момент насчитывалось до 22 млн мелких и средних хозяйств, каждому из которых требовался кредит минимум в 50-60 руб., т.е. в целом 1,1-1,3 млрд руб. Учреждения же мелкого кредита обслуживали около 4,5 млн этих хозяйств [116, с. 211], их средства, разделённые на общее количество нуждающихся в кредите, составляли менее 10 руб., т.е. в пять-шесть раз меньше существующей потребности. Да иначе и быть не могло, как писал учёный, т.к. все свободные капиталы стекались в государственные сберегательные кассы, на вклады в частные банки, на покупку государственных фондов и ипотечных бумаг, приносящих вполне гарантированные высокие проценты. К недостаткам существующей организации мелкого кредита он относил то, что предоставляющие его учреждения действуют не повсеместно и разрозненно, без всякой связи друг с другом, поэтому «они никогда и не могут играть той роли, которую могли бы играть, если бы это дело взяло в свои руки государство» [130, с. 132].

В поле зрения Особого совещания попала и проблема организации мелиоративного кредита. Именно с этой целью создавался Дворянский банк, однако он, по замечанию Петра Петровича, так и остался чужд ме-

лиоративного кредита. Следующую попытку его (кредита) организации предприняло в 1896 г. Министерство земледелия. Поначалу предполагалась выдача ссуд на осушительные и оросительные работы; укрепление берегов рек, склонов оврагов и сыпучих песков; разбивку плодовых садов и виноградников. В 1898 г. ссуды стали предоставляться также на устройство виноделен и сушилен для фруктов. Однако значительного развития кредита в рамках Министерства не наблюдалось: в 1900 г. общая сумма выданных ссуд составляла всего 220 тыс. руб., на каждую из них в среднем приходилось 4 тыс. руб. [127, с. 860].

Тогда же состоялось значительное расширение круга мероприятий, на проведение которых выделялся кредит (мелиоративный кредит в России вообще понимался гораздо шире, чем в Западной Европе); при Министерстве был создан Центральный комитет по делам о ссудах на сельскохозяйственные улучшения, рассматривающий вопросы об их выделении в сумме свыше 5 тыс. руб. Учреждённые на местах губернские комитеты разрешали ссуды размером не более 500 руб. собственной властью и с утверждения министра – от 500 до 5 тыс. руб. Максимальный срок (30 лет) был установлен для ссуд на лесонасаждение, для других мелиоративных работ – не более 20 лет. Ссудный процент колебался от 2 (ссуды на укрепление берегов рек, склонов оврагов и сыпучих песков) до 4% (все остальные мероприятия). Кредит обеспечивался залогом земли, ценных бумаг и заёмными обязательствами (не более чем на 1 тыс. руб.).

Новые правила способствовали расширению кредитных операций Министерства земледелия: к 1 января 1903 г. разрешённых ссуд числилось на 1 428 264 руб., кроме того, 372 035 руб. было отпущено 14-ти земствам по посредническим кредитам [127, с. 861]. Заёмщики довольно аккуратно рассчитывались по своим обязательствам: недоимки не превышали 7,6% оклада, ни разу не выходя за пределы льготных сроков. Тем не менее, государственные ассигнования на эти цели по случаю русско-японской войны были аннулированы, в дальнейшем ссуд ежегодно выдавалось на 200-300 тыс. руб., лишь в 1908 г. наметился рост: они дошли до 895 тыс. руб., а в 1909 г. увеличились до 1 млн руб. [116, с. 205]. Характеризуя состояние дел с организацией мелиоративного кредита, Мигулин отмечал, что о её необходимости говорилось у нас постоянно, создавались комиссии (в том числе и упомянутым выше Особым совещанием) для решения данного вопроса, однако трудность надзора за этими ссудами, неумение изыскать для них средства, царящая в официальных ведомствах рутина и ряд других причин постоянно парализовали начинания в данной сфере.

Учёный проводил аналогию между состоянием мелиоративного и переселенческого кредита, хотя с последним дело обстояло ещё сложнее, поскольку довольно долго власти препятствовали самому процессу пере-

селения (о чём говорилось во втором параграфе данной главы). Даже после изменения в 1906 г. политики государства в этом вопросе ассигнуемые на выдачу переселенцам ссуд средства не могли удовлетворить существующей в них потребности. Так, в 1907 г. по линии Главного управления землеустройства и земледелия (в которое в 1905 г. было переименовано Министерство земледелия) предполагалось израсходовать на переселение всего 11 млн руб. Освоить при этом планировалось до 4,5 млн десятин земли, т.е. на каждую из них выделялось лишь 2,44 руб. Мигулин подчёркивал, что при таких условиях нельзя не только выдать в сколько-нибудь серьёзном размере ссуды на домообзаведение и обзаведение хозяйством, но трудно будет что-либо сделать даже для приведения предназначенной под заселение земли в пригодный для обработки вид. В следующем 1908 г. только ссуды на домообзаведение для переселенцев составили 11 820 тыс. руб., однако в дальнейшем наметилось сокращение выделяемых на эти цели средств: 1909 г. – 10 725 тыс. руб., 1910 г. – 10 723,5 тыс. руб. [116, с. 205].

Помимо мизерности ассигнуемых на кредитование переселенцев сумм, учёный отмечал ещё ряд недостатков существующей системы. Выдача ссуд была обставлена строгими формальностями, в процесс вовлечены чиновники Переселенческого управления, крестьянские начальники, их уездные съезды, областные и губернские правления, наконец, губернаторы. С этим Пётр Петрович всё же был готов мириться, другая же особенность сложившегося порядка субсидирования переселяющихся на новые места крестьян вызвала у него более резкое неприятие. Мигулин настаивал на том, что организация, при которой долгосрочные беспроцентные ссуды выдаются единовременно, в связи с переселением, и взыскиваются, вместе с налогами, через казённые палаты (следовательно, поступают обратно в казну), мало соответствует существу правильной кредитной операции, где ссуды всегда процентные, срочно погашаемые, где возвращаемые одними заёмщиками средства служат источником ссуд для других в них нуждающихся, где дело поставлено на коммерческую, а не благотворительную основу. Учёный отмечал, что правительственные ссуды играют роль пособий переселенцам, но никак не ссуд; пособия он считал также необходимыми, но при этом подчёркивал, что с кредитом они ничего общего не имеют.

Таким образом, предпринятое Мигулиным исследование кредитной обеспеченности аграрного сектора российской экономики последней трети XIX – начала XX в. позволило ему прийти к выводу о нерациональности существующей системы кредитования и недостаточности направляемых в эту сферу денежных капиталов. Наибольшее развитие как в частном, так и в государственном банковском секторе получил ипотечный

кредит, в том числе и способствующий решению поставленной властями задачи земельного обеспечения крестьян. Однако, наделяя их землёй, иногда даже даром (при переселении), государство оставляло новых земле-владельцев на произвол судьбы, повторяя однажды (при отмене крепостного права) уже совершённую ошибку.

Профессор постоянно подчёркивал в своих работах, что для того, чтобы крестьяне могли воспользоваться предоставленной им в Европейской и Азиатской России землёй, необходимо дать им возможность устройства более правильного полевого и промышленного хозяйства. Сделать же это, по его глубокому убеждению, можно было только при помощи доступного сельскохозяйственного (мелиоративного и краткосрочного) кредита. Важно было, как считал учёный, помочь организовать не только производство сельскохозяйственной продукции, но и её выгодную реализацию, для чего также были необходимы денежные средства, дать которые мог отлаженный кредитный механизм.

Мигулин не только наметил ключевые моменты рациональной организации кредитования аграрного сектора, но и предложил свою систему, к подробному изложению которой мы обратимся в пятом параграфе четвёртой главы нашего исследования.

3.6. Финансовая политика государства и её результаты

Как уже отмечалось ранее, профессор Мигулин придавал первостепенное значение финансовому обоснованию любой реформы, тем более важной для эффективного экономического развития страны он находил финансовую политику государства. Анализируя состояние российских финансов конца XIX – начала XX в., учёный выделял как положительный момент не только исчезновение (начиная с 1888 г.) дефицитов государственного бюджета, но и постоянные его профициты. Так, в соответствии с приводимыми им данными, за период 1888-1892 гг. превышение обыкновенных государственных доходов над расходами составило 306 029 936 руб., результаты 1893-1903 гг. были ещё более впечатляющими – 1 878 402 626 руб. [128, с. 1024].

При этом Пётр Петрович указывал на то обстоятельство, что не наблюдалось соответствия между устойчивым в течение столь долгого времени увеличением обыкновенных государственных доходов и ростом благосостояния российского народа. Главной причиной такого дисбаланса он считал низкий уровень производительных расходов государства и государственных расходов, направленных на удовлетворение культурных (говоря современным языком, социальных) нужд населения (ассигнований на развитие транспортной инфраструктуры, сельского хозяйства, кустарной промышленности, народного образования, здравоохранения), что, по его

мнению, было связано с недостаточной разработанностью в отечественной науке теории государственных расходов.

«К сожалению, теория государственных расходов ещё мало разработана финансовой наукой, – писал в 1904 г. Мигулин, – (а некоторые наши финансисты и вовсе отрицают необходимость такой разработки, находя, что финансовая наука – чисто техническая, занимающаяся вопросом, как лучше надо государству извлекать из народа свои доходы, а как их расходовать – не дело финансовой науки), отсюда и страх перед производством многих даже полезнейших и необходимейших расходов на самые важные народные нужды, – что у государства не хватит тогда средств на внешнюю оборону и на поддержание внутреннего правопорядка» [73, с. 185]. Эти опасения он считал необоснованными, подчёркивая, что внешняя оборона и внутренний правопорядок лучше поставлены в странах, где народные благосостояние, здоровье и образование стоят на высоком уровне; и государственные финансы в таких странах находятся в гораздо лучшем состоянии.

Крайне нежелательным учёный считал сокращение производительных государственных расходов (подчёркивая, что это опасный путь, могущий привести к потрясению экономического строя государства), даже в связи с таким чрезвычайным событием, как русско-японская война, отмечая (в феврале 1904 г., когда это сокращение только планировалось комиссией под председательством Д.М. Сольского), что оно непременно отразится на поступлении государственных доходов, приведя к их снижению [83, с. 5]. Так и произошло: по итогам 1904 г. государственные доходы упали почти на 100 млн руб. (приблизительно в том объёме, в котором были сокращены производительные государственные расходы – 110 млн руб.). Вот что значит вести бюджетную, а не народнохозяйственную политику! – восклицал по данному поводу Мигулин.

Не придавая должного значения увеличению производительных государственных расходов и расходов на социальные нужды населения, власти основное внимание сосредотачивали на пополнении доходной части государственного бюджета (преимущественно за счёт увеличения податных поступлений, вызванного повышением уже существующих и введением новых налогов). При этом основная нагрузка ложилась на плечи малоимущего, в массе своей, крестьянства, а не состоятельных привилегированных слоёв общества. Весьма преуспел в этом С.Ю. Витте, его отношение к проблеме соотношения доходов и расходов государственного бюджета было выражено во Всеподданнейшем докладе на 1893 г., в котором говорилось, что «поступление госуд. доходов должно быть всегда несколько впереди итога обыкновенно из года в год повторяющихся расходов на предвидимые госуд. потребности, и если для достижения такого положения требовалось бы даже некоторое напряжение платёжных сил, то по отношению к плательщикам это имело бы значение, сходственное с приплатою страхо-

вой премии на случай непредвидимых бедствий, угрожающих народному хозяйству гораздо более серьёзными потрясениями при необеспеченности своевременной и достаточной помощи» [Цит. по: 124, с. 10].

Платёжным силам населения, действительно, пришлось напрячься: при Витте были повышены практически все существующие налоги (исключение составил лишь один – поземельный, 50%-ное снижение которого сроком на десять лет утвердил Высочайший манифест 14 мая 1896 г.) и введён новый – квартирный. Сложившуюся при нём податную систему Мигулин считал далёкой от совершенства, как в области прямого, так и в области косвенного обложения.

Что касается системы прямого обложения, то её основой были налоги на доходы населения: поземельный, подомовой, квартирный, промысловый, с денежных капиталов, на заработную плату госслужащих.

Поземельный налог, даже после снижения его ставки, составлял довольно значительную сумму, поскольку на земле лежали не только государственные, но и земские губернские, земские уездные и сословные сборы, кроме того, специальная дорожная повинность. В 1899 г. с десятины крестьянской земли числилось в среднем 1,51 руб. окладных платежей, в Среднечернозёмном районе этот показатель составлял 2,39 руб., в отдельных губерниях – и того больше, например, в Курской – 2,86 руб. Крестьяне были не в состоянии вносить причитающиеся с них суммы в срок и в полном объёме, возникла так называемая «податная усталость». В том же 1899 г. с десятины крестьянской земли числилось недоимок: в среднем по стране – 1,3 руб., по Курской губернии – 2,82 руб., по Среднечернозёмному району – 3,29 руб. [139, с. 46]. Учёный замечал, что это уже довольно серьёзный платёж.

Он обращал внимание на существующую технику прямого обложения, которая, с его точки зрения, не выдерживала никакой критики. При отсутствии земельного кадастра было невозможно определение чистого дохода, приносимого землёй своим владельцам, поэтому налог, по выражению Мигулина, взимался «по вдохновению», путём раскладки произвольной суммы, налагаемой государством на каждую губернию. В ней налог распределялся земскими собраниями, на отдельных же землевладельцев он возлагался уездными земскими управами. Мигулин писал в 1905 г., что земство производит кое-какие оценочные работы, но не повсеместно и примитивным образом; в этой сфере царил произвол, поступление от поземельного налога было ничтожно (около 9 млн руб. в год [140, с. 170]).

Не лучше обстояло дело с чрезмерно обременительным подомовым налогом, определявшимся также «фантастическим образом»: в фиксированной сумме на каждую губернию. Там он распределялся на города губернским земством, а на отдельных домовладельцев – городскими упра-

вами, производившими в виде исключения кадастровые работы, делавшими оценку среднего чистого дохода каждого дома. Весь процесс, по словам учёного, был мало упорядочен.

Налог повышался в 1892 г. и к 1904 г. превосходил аналогичные сборы в Англии, Франции и Германии в полтора, почти два и три раза соответственно. Поступления от него составили в 1903 г. 9 785 712 руб., против 6 868 896 руб. в 1892 г. [128, с. 1023]. С городской недвижимости взималось четыре налога (не считая сословных сборов): государственный, городской, земский губернский и земский уездный, а их ставки доходили до 10% чистого дохода в пользу городского общественного управления и до 15% в пользу государства и земств. Кроме того, на столичных домовладельцах лежали повинности по строительству и ремонту мостовых перед их домами; по освещению дворов и лестниц, подсветке номеров на домах; содержание полицейской службы для дежурства на улицах (младших дворников); повсеместно же (включая и столичные города) в обязанности домовладельцев входили строительство тротуаров, уборка мостовых, ведение домовых книг (там, где было введено положение об усиленной охране, а это почти все сколько-нибудь значительные города). В сумме налоги и повинности съедали более 25% чистого дохода домовладельцев, что вело к взвинчиванию цен на сдающиеся в наём квартиры.

Расходы и без того недовольных квартиросъёмщиков ещё более возросли, когда был введён государственный квартирный налог (в виде суррогата подоходного налога, в крайне неудачной и неудобной для населения форме). Поступления от него не оправдали возлагаемых властями на этот источник дохода надежд. Из запланированных на первое время 6 млн руб. налоговых поступлений удавалось собрать не более половины; спустя десять лет после введения квартирного налога поступления возросли лишь до 5 млн руб. (без учёта расходов взимания) [73, с. 160].

В 1899 г. был реформирован промысловый налог: приближен, по сути своей, к подоходному, введены прогрессивные ставки, сделана попытка точной регламентации облагаемых промышленных и торговых предприятий. Этот налог приносил в государственный бюджет наиболее значительные поступления (с 1898 по 1903 г. они возросли на 40,5%: с 48 167 354 руб. до 67 590 136 руб.; по сравнению же с 1892 г., когда сборы от промыслового налога составили 35 401 660 руб., рост достиг 91%) [128, с. 1023]. Такие результаты Мигулин связывал с относительно удачными способами исчисления дохода облагаемых предприятий и высокой ставкой налога, иногда превышающей 6% чистого дохода. Однако власти находили подобный уровень поступлений недостаточным, с целью увеличения государственных доходов промысловый налог пересматривался в 1904 г.

Ставку налога с денежных капиталов (5%) учёный расценивал как очень высокую, однако, несмотря на это, поступления от него не приносили значительных сумм (не более 18 млн руб. ежегодно) [73, с. 161], т.к. количество денежных капиталов в ценных бумагах и на банковских вкладах было не так уж и велико, к тому же значительная часть выпущенных при заключении государственных займов ценных бумаг навсегда освобождалась (по условиям этих займов) от всех российских налогов.

Налог на заработную плату государственных служащих взимался в размере 2% от её суммы, во время русско-японской войны он был удвоен (сделано это было, правда, с добровольного согласия самих служащих).

Таким образом, все источники доходов попадали под прямое обложение; и всё же, в связи с необходимостью поиска дополнительных средств на финансирование русско-японской войны, в правящих кругах возникла идея введения, в дополнение ко всем уже существующим, общеподоходного налога. При этом предлагались довольно низкие прогрессивные ставки (0,7-5% чистого дохода). Будучи сторонником введения данного налога (как наиболее справедливого и позволяющего реализовать на практике наиболее рациональные податные принципы), Мигулин всё же выступал против подобного решения проблемы, подчёркивая, что, при реализации предлагаемой схемы, налог будет иметь не столько фискальное, сколько моральное и статистическое значение и может дать не более 15 млн руб. [140, с. 169], несовершенство же системы прямого обложения увеличится.

Система прямого обложения включала также налог на наследство и налог на продажу недвижимости. Налог на наследство взимался в размере 1-6% (в связи с русско-японской войной он был повышен до 1,5-9%) в зависимости от степени родства наследника и наследодателя и без учёта величины наследства. От него полностью освобождались переходящие по прямой линии земли потомственных дворян, крестьянские наделные земли с постройками, имущество, поступающее в пользу религиозных и благотворительных учреждений, а также имущество стоимостью до 1 тыс. руб. Размер налога на продажу недвижимости составил 4% (а с учётом пошлины, взимаемой государством за закрепление имущественных прав нового собственника, – 5%) от стоимости продаваемого имущества, независимо от величины сделки. В сумме оба налога приносили в государственный бюджет ежегодно до 24 млн руб. [73, с. 164], большая часть которых приходилась на второй из них, поступления же от наследственного налога составили, например, в 1904 г. всего 5 932 898 руб. Одну из причин этого (помимо нерациональной системы взимания) Мигулин видел в том, что оценка наследуемого имущества осуществлялась судебными, а не налоговыми органами и была произвольно низка.

К прямым налогам Пётр Петрович относил также возложенные на крестьян выкупные платежи. Он отмечал, что, начиная с 1861 г., не было строгого соответствия между получаемыми от них суммами и расходами государства по обязательствам выкупной операции: первые значительно превышали вторые. В министерство М.Х. Рейтерна сложилась следующая практика: избытки выкупных платежей над расходами по выкупной операции до 1866 г. причислялись местными казначействами к государственным доходам, тот же порядок преобладал в 1870-1871 гг. В 1866-1869 гг. обязанные отсылать излишки выкупных платежей в Государственный банк местные казначейства довольно часто продолжали зачислять их в государственный доход, периодически подобные прецеденты возникали и после 1 января 1872 г. Происходило это, поскольку обороты выкупной операции совершались местными казначействами «одновременно и нераздельно с оборотами по суммам госуд. казначейства» [122, с. 433]. Бóльшая часть выкупных платежей поступала в казначейства вместе с окладными сборами, при этом плательщики не делали между ними разграничения. Даже при том, что поступления выкупных платежей с лихвой покрывали расходы государства по выкупной операции, предполагалось, что крестьяне должны платить ещё больше: образовалась недоимка, достигшая к 1878 г. 16 911 261 руб. [122, с. 430].

Видя непосильность для крестьян выкупного бремени, власти, в министерство Н.Х. Бунге (28 декабря 1881 г.), понизили выкупные платежи в великороссийских и украинских губерниях: в размере 1 руб. с каждого обложенного душевого надела – в первых и 16 коп. с каждого рубля установленного оклада – во вторых; общая сумма понижения составила 12 млн руб. в год. Однако и после этого недоимки не исчезали, достигнув к 1 января 1885 г. 11 890 271 руб. [122, с. 498]. Тогда же (в январе 1885 г.) состоялось утверждённое Госсоветом включение счетов выкупной операции в общегосударственный бюджет. Выкупные платежи, как писал Мигулин, превратились в обыкновенный налог, падавший на определённые земли и носивший временный характер. Наравне с остальными окладными сборами, законом от 3 апреля 1889 г. было разрешено отсрочивать и рассрочивать выкупные платежи и недоимки по ним на срок от пяти до десяти лет.

Потребность в отсрочке постоянно наблюдалась и в бытность министром финансов С.Ю. Витте, т.к. недоимки не прекращали расти: с 69 117 459 руб. в 1892 г. до 124 358 688 руб. в 1903 г. [127, с. 1004]. Проблема поднималась в 1896 г., когда главе финансового ведомства было предоставлено право (по согласованию с министром внутренних дел и государственным контролёром) пересрочивать и отсрочивать, по ходатайству губернских присутствий (основанному на ходатайствах сельских обществ), оставшийся непогашенным выкупной долг сельских обывателей, для кото-

рых существующие оклады выкупных платежей оказывались обременительными; а также в 1899 г., когда отсрочка непогашенной части выкупного долга стала допускаться вне зависимости от просьб сельских обывателей и было разрешено сложение части выкупного долга.

Принятие новых законов не улучшило ситуации: в 1892 г. общая недоимка по выкупным платежам составляла 93% их оклада, а в 1902 г. она уже дошла до 130%; в отдельных регионах, по словам Мигулина, рост недоимок превышал всякое «вероятие»: в Восточном районе отношение недоимок к окладу достигало 260%, в Среднечернозёмном – 196%. За 1892-1902 гг. недоимки возросли в Северном районе на 123%, Среднечернозёмном – 103%, Юго-западном – 94%; в целом по России – 77%. Тем не менее, общее превышение поступлений выкупной операции над её расходами составило с 1892 по 1902 г. 63 285 849 руб. [127, с. 1013], таким образом, уровень выкупных платежей продолжал превышать необходимый для погашения государственных долгов, связанных с выкупной операцией.

Наконец, в 1905 г. (Манифестом 3 ноября) лежавшие тяжёлым бременем на российском крестьянстве выкупные платежи были отменены: в 1906 г. они складывались наполовину, а в 1907 г. – в полной сумме. Учёный писал в связи с этим, что на грустные размышления наводит тот факт, что средний платёж в 80 коп. на десятину земли был непосилен для крестьян, что средняя цена десятины земли чуть менее 17 руб. оказалась для них чрезмерно высокой. Главную причину этого он видел в обременении крестьянской земли и крестьянского населения вообще налогами, в значительной мере – косвенными.

Надо сказать, что Витте был сторонником пополнения государственного бюджета преимущественно за счёт поступлений от косвенных налогов, считая их «наиболее упругими и наименее стеснительными, как в силу привычки к ним населения, так и по самой системе их взыскания», поскольку они «по самой своей природе в каждый данный момент обильно оплачиваются тою частью населения, которая обладает наибольшею покупною способностью, а, следовательно, и вообще распространяются между плательщиками в известном соответствии с их платёжными силами» [Цит. по: 124, с. 6-7].

Сообразно своим убеждениям он начал действовать, заняв пост министра финансов: ноябрь и декабрь 1892 г. принесли залп повышения акцизов (на пиво, водку, табак, нефтяные продукты, спички), тогда же была повышена таможенная импортная пошлина на хлопок. Витте предложил возродить и отменённый в 1880 г. налог на соль (что не было сделано). В 1894 г. состоялось новое повышение таможенных импортных пошлин и акциза на сахар, после чего в течение шести лет система косвенного обложения оставалась без изменений. В 1900 г. были увеличены акцизы на

спирт, водку, пиво, табак, а также таможенные пошлины на ряд импортируемых товаров (в том числе и хлопок), была реформирована (в сторону повышения) система взимания гербовых сборов. В 1902 г. состоялось очередное повышение импортных таможенных пошлин.

Рассмотрение существовавшего в России на рубеже XIX-XX вв. косвенного обложения начнём с системы акцизов.

Налог на спиртные напитки всегда был излюбленным средством увеличения государственных доходов; одним его повышением дело не ограничилось: Министерство финансов приступило к разработке проекта реорганизации системы обложения питей посредством введения казённой монополии на их продажу. Она была введена в 1895 г. в четырёх восточных губерниях в виде опыта, найдя который вполне удачным, финансовое ведомство, не выждав даже года, распространило монополию на ряд других губерний, а затем, постепенно, и почти на всю Россию.

Суть казённой винной монополии состояла в следующем. Винокурение оставалось свободным промыслом, однако сбыт произведённого спирта разрешался только в казну либо, на особых условиях, — для технических нужд внутри страны и на экспорт. Казна приобретала спирт у заводчиков по развёрстке (по ценам, ежегодно устанавливаемым Министерством финансов) или с торгов. Затем он подвергался очистке от примесей на казённых и частных ректификационных заводах; из очищенного спирта на казённых предприятиях изготавливалась водка крепостью 40°, которая впоследствии продавалась населению через казённые винные лавки и при посредстве комиссионеров. Таким образом, правительство взяло в свои руки производство, а также оптовую и розничную продажу спиртных напитков. В лавках спиртное продавалось в запечатанной посуде разной вместимости (от четверти до 1/200 части ведра) и только на вынос, первоклассным ресторанам разрешалась продажа в розлив, в остальных распивочных заведениях водка отпускалась в запечатанной казённой посуде.

При введении монополии её целями объявлялись не только и не столько повышение государственных доходов, сколько противодействие «в интересах нравственности и народного здоровья» злоупотреблению спиртными напитками и содействие «изгнанию из употребления с наибольшим успехом напитков, безусловно вредных для здоровья» [124, с. 9]. На борьбу с пьянством предполагалось направить отчисления от прибылей монополии, передав их в распоряжение попечительств народной трезвости (учреждённых одновременно с введением монополии); при этом, по свидетельству Мигулина, было высказано много хороших пожеланий и надежд. Действительность, однако, оправдала далеко не все из них. Единственным достижением введения винной монополии учёный считал значительное улуч-

шение качества спиртных напитков, выделяя при этом ряд существенных недостатков данного мероприятия.

«Казённая продажа питей организована как предприятие чрезмерно дорогое и способствующее усилению народного пьянства» [135, с. 42], – лаконично формулировал своё отношение к монополии Мигулин. Сосредоточение в руках государства производства и реализации спиртных напитков потребовало крупных затрат: одни подготовительные работы обошлись в 140 млн руб. В связи с этим цены на спирт были значительно повышены, как следствие, выросли и цены на водку (с домонопольных 5-5,5 руб. за ведро (для низших сортов) до 7,6 руб., а позднее, по случаю русско-японской войны, и до 8 руб.). Тем не менее, в 1895-1897 гг. монополия понесла убытки в размере 45 млн руб.

Однако затем дело пошло на лад. Министерство финансов отказалось от изначально декларированной цели – содействовать сокращению народного пьянства, на первый план вышли интересы фиска: сельским обществам стали отказывать в закрытии казённых винных лавок и располагать их (как в сельской местности, так и в городах) в наиболее доступных местах; увеличили комиссионную продажу спиртного; на корчемство (продажу казённой водки вне установленных для этого мест) смотрели сквозь пальцы. Учёный констатировал тот факт, что кабак был выброшен на улицу и в семью; кроме того, в большом количестве стали появляться пивные лавки, в том числе и в деревнях, где о них раньше понятия не имели.

Масштабы потребления в России водки отражают приводимые Мигулиным данные: 1892 г. – 59,43 млн вёдер [128, с. 1022], 1895 г. – 64,9 млн вёдер, 1900 г. – 69,6 млн вёдер, 1903 г. – 72,6 млн вёдер [119, с. 184]. С учётом роста населения (со 118 млн чел. в 1892 г. до 138 млн чел. в 1903 г.), показатель подушного потребления водки не уменьшился и колебался в пределах 0,49-0,53 ведра, а с 1905 г. (когда было потреблено 75 млн вёдер) даже начал расти. Чрезвычайно быстро росли и прибыли винной монополии: 1898 г. – 24 млн руб., 1899 г. – 161 млн руб., 1901 г. – 234 млн руб., 1902 г. – 326 млн руб., 1903 г. – 372 млн руб., 1904 г. – 447,7 млн руб., 1905 г. – 516,5 млн руб. [119, с. 184]. Способствовало этому и новое повышение в 1900 г. акциза на спирт, доведшее его до 11 коп. за градус.

К отрицательным последствиям введения винной монополии Мигулин относил и нормировку спиртового производства, ограничившую его развитие и снизившую экспорт спирта (в середине 1890-х гг. вывозилось от 4 132 до 5 640,5 тыс. вёдер, в 1899-1902 гг. этот показатель снизился до 1 092-1 647 тыс. вёдер, в 1903 г. он составил 1 800 тыс. вёдер и лишь в 1904 г. достиг уровня середины 1890-х гг. – 4 425 тыс. вёдер [119, с. 188]). Учёный писал, что данное производство является важным для развития земледелия и животноводства, т.к. стимулирует введение в севооборот

корнеплодов, а отходы винокурения (барда) являются ценным кормом для скота. Он считал неправильным и подход к реализации денатурированного спирта (который мог бы использоваться для освещения как альтернатива нефтепродуктам) внутри страны: в продаже тот появился лишь в 1903 г., для его приобретения необходимо было получить разрешение министра финансов, позднее заменённое на разрешение Акцизного управления.

Облагалось налогом, взимаемым в форме акциза, и пиво. Его размер (до 25 коп. с ведра) Мигулин расценивал как ничтожный, а способ взимания (по весу солода и по экстракту в сусле) – как несовершенный, растущее же употребление пива (приходившееся преимущественно на зажиточные слои населения) находил вредным (поскольку в напиток для увеличения срока его годности добавлялась салициловая кислота).

Вторым по объёму приносимых в бюджет поступлений был налог на сахар, взимаемый в размере 1,75 руб. с пуда. Через год после его повышения (в 1895 г.) правительство ввело сахарную нормировку; произведено это было, по замечанию учёного, не столько в интересах потребителей, сколько в интересах сахарных заводчиков и совпадало по времени с грозившим сильным снижением цен распадом их синдиката. Данное мероприятие, как и винную монополию, Мигулин считал заслуживающим решительного осуждения и называл одним из самых неудачных актов финансовой политики Витте.

Суть сахарной нормировки заключалась в следующем. Правительство ежегодно определяло количество сахара, поступающего на рынок с уплатой нормального (1,75 руб. с пуда сахарного песка) акциза; превышающий эту норму продукт облагался в двойном размере. Некоторое количество сахара поступало в неприкосновенный запас. Правительство устанавливало и цены на сахар. Если рыночные цены превышали их уровень, разрешались дополнительные поставки на рынок продукта из неприкосновенного запаса или запасов сахарных заводов (предназначенных для экспорта либо реализации на внутреннем рынке в следующем периоде), при этом с продукта взимался нормальный акциз.

Введение сахарной нормировки сразу значительно повысило цены: с 3,7 руб. до 4,75-5 руб. за пуд в первый год её действия. Министерство финансов постепенно снижало нормировочные цены: одно время до 4-4,15 руб. за пуд, но к 1904 г. они достигали 4,55 руб. [73, с. 176]. Дороговизна и ограничение производства задерживали рост потребления населением (в первую очередь его беднейшими слоями) важнейшего продукта питания.

Однако главные цели повышения акциза на сахар и введения сахарной нормировки – увеличение поступлений в государственный бюджет и поддержание доходов производителей сахара – первое время успешно достига-

лись. Пагубное влияние нормировки стало сказываться к 1903 г.: началось сокращение площадей свекловичных плантаций (1902 г. – 540 тыс. десятин, 1903 г. – 498 тыс. десятин, 1904 г. – 438 тыс. десятин); пошли на спад государственные доходы от сахарного акциза (1902 г. – 81 млн руб., 1903 г. – 75 млн руб.) [73, с. 174]; заключённая 2 марта 1902 г. рядом европейских государств Брюссельская конвенция (к которой российское правительство отказалось присоединиться, не желая упразднить сахарную нормировку) практически закрыла возможность экспорта сахара в западном направлении.

Третьим значительным акцизом был налог на табак, систему его обложения Мигулин считал вполне удовлетворительной. Производство табака было свободным, облагался готовый продукт, взимание налога осуществлялось в форме бандеролей; цены на табак низших сортов устанавливало государство, акциз на продукт первого сорта (к этому разряду относились все высшие сорта табака) после второго повышения (в 1900 г.) был доведён до 1 руб. с фунта. Поступления в государственный бюджет от табачного налога (даже после его увеличения) были не особенно высоки: 1892 г. – 28 325 320 руб., 1893-1897 гг. – в среднем 32 417 442 руб., 1898-1899 гг. – в среднем 36 231 195 руб., 1900-1902 гг. – в среднем 41 651 750 руб., 1903 г. – 49 028 582 руб. [128, с. 1022], 1905 г. – около 48 млн руб. [73, с. 177]. Это обстоятельство периодически вызывало предложения о введении табачной монополии, на что правительство не пошло.

Акциз на нефтепродукты (керосин и смазочные масла) Пётр Петрович оценивал как очень высокий: его размер после увеличения составил 60 коп. с пуда. Однако рост поступлений по данной статье государственных доходов он связывал не столько с повышением акциза, сколько с ростом численности населения и его потребности в этих продуктах. Поступления только от налога на керосин увеличились с 1892 по 1903 г. на 147%: с 12 929 200 руб. до 31 967 500 руб. [128, с. 1023].

Акциз на спички дал увеличение поступлений, равное 56%: 1892 г. – 5 163 000 руб., 1903 г. – 8 073 709 руб. [128, с. 1023], вызванное теми же причинами, что и в предыдущем случае.

Таможенные импортные пошлины (повышенные в министерство Витте четыре раза) служили источником высокого и постоянно растущего дохода, за 11 лет этот рост составил 85%: 1892 г. – 130 551 610 руб., 1903 г. – 241 466 152 руб. [128, с. 1023]. Из облагаемых таможенными сборами предметов широкого потребления особое внимание Мигулин уделял чаю, хлопку и сельди, поскольку налоги на эти продукты (выращивание и ловля которых, как он отмечал, были возможны у себя дома) ложились на массу населения. Самые значительные поступления давала пошлина с чая: ежегодно в среднем около 70 млн руб. (1905 г. – 63,4 млн руб., 1906 г. –

74,4 млн руб.), на втором месте шёл налог с хлопка – от 30 до 50 млн руб. (1903 г. – 51,3 млн руб., 1904 г. – 42,8 млн руб., 1905 г. – 34,7 млн руб., 1906 г. – 30,5 млн руб.), замыкали список доходы от обложения рыбы – от 7 до 11 млн руб. ежегодно [135, с. 50].

Ощутимо пополняли государственный бюджет гербовый сбор и пошлины всех наименований. В 1892 г. поступления от них равнялись 66 543 830 руб., в 1900 г. они достигли 88 275 095 руб., а в 1903 г. составили 107 290 550 руб. [128, с. 1023].

Общее представление о соотношении на начало XX в. в доходной части государственного бюджета поступлений от прямых и косвенных налогов, а также от различных пошлин дают приводимые учёным цифры: в 1904-1905 гг. за счёт пошлин предполагалось собрать 103,5-105 млн руб., за счёт прямых налогов – 135-139 млн руб. и за счёт косвенных – 925-946 млн руб. [73, с. 169]. Львиная доля этих поступлений обеспечивалась российским крестьянством, данное сословие являлось основным налогоплательщиком, благосостояние которого не соразмерялось властями с возлагаемым на него податным бременем.

«Сельское хозяйство, вообще, в нашем министерстве финансов редко бывало в фаворе» [103, с. 34], – с горечью замечал Мигулин. Витте же (ни на посту главы финансового ведомства, ни на посту премьер-министра) ничего не сделал для развития этой, главнейшей на тот момент, отрасли народного хозяйства и повышения благосостояния основы Российской империи – её крестьянства, лишь «так много брал от него (сельского хозяйства – Е.Б.) для развития горной и обрабатывающей промышленности, что довёл земледельческие классы до настоящей нищеты» [77, с. 387-388]. Назрела необходимость в коренной реформе проводимой в стране финансовой политики, свой вариант которой предложил и Мигулин; её рассмотрению будет посвящён шестой параграф четвёртой главы нашего исследования.

ГЛАВА 4. АГРАРНАЯ ПРОГРАММА П.П. МИГУЛИНА

4.1. Радикальные комплексные реформы – – залог разрешения аграрного вопроса

В предыдущей главе была представлена трактовка аграрного вопроса в работах профессора Мигулина. В данной главе мы рассмотрим созданную им программу реформ, направленную на радикальное комплексное решение этого вопроса.

Указывая на то, что Россия пока остаётся преимущественно земледельческой страной, а отечественная обрабатывающая промышленность зависит от предъявляющей спрос на её продукцию промышленности сельскохозяйственной, учёный подчёркивал, что аграрный вопрос, весьма сложный и запутанный, представляет для нашей страны несравненно бóльшую значимость, чем для какой-либо другой европейской державы. В этих условиях его радикальное решение становится важнейшей и плодотворнейшей задачей государства, а откладывание её осуществления «ad calendas graecas вызвало и ещё вызовет столь грозные потрясения, что станет действительно возможным изменение всего нашего социального строя и даже гибель России как самостоятельного и культурного государства» [131, с. 368]. Поэтому аграрная политика, по мнению Петра Петровича, должна была стоять в современной ему России на первом плане.

Он настаивал на том, что, не сделав в течение долгого времени почти ничего для упорядочения земельных отношений, для развития сельского хозяйства, теперь (речь идёт о 1907 г.) мы должны приложить особые усилия, чтобы, хотя бы в известной мере, сравняться с конкурирующими с нами иностранными государствами. Необходимо употребить чрезвычайную энергию и не останавливаться перед крупными денежными затратами, чтобы поставить российское земельное устройство и сельское хозяйство в целом на один уровень с западноевропейским и американским. «Общая наша задача, — замечал Мигулин, — *поднятие уровня благосостояния нашего сельского населения, основы силы и богатства империи...*» [94, с. 107].

Учёный полностью солидаризировался со столь часто критикуемым им С.Ю. Витте в вопросе о необходимости развития производительных сил России, и прежде всего России земледельческой, однако для достижения этой цели предлагал иные способы, ставя проблему более масштабно, нежели это делал российский министр финансов, а затем и премьер-министр. Мигулин был убеждён, что лишь самое широкое проведение реформ может остановить дальнейшую деградацию отечественного сельского хозяйства, причём непременно комплексных, затрагивающих не только данную отрасль, реформ, а не отдельных, часто не связанных между собой, мероприятий. «Одна какая-нибудь, хотя бы и самая радикальная ме-

ра, – писал он, – не может разрешить вопроса, – наоборот, часто какая-нибудь мера, взятая изолированно от ряда других, вводимых параллельно, может скорее ухудшить дело, чем его улучшить» [94, с. 92]. Да и вообще, в столь разнообразной по своим условиям (географическим, климатическим, почвенным, бытовым и иным) стране, как Россия, не может быть одной универсальной меры для решения столь огромного и сложного вопроса – первого и основного вопроса нашей экономической жизни.

При подготовке реформ требуется открытость, связь с обществом, привлечение компетентных специалистов (теоретиков и практиков). В этот процесс должно быть вовлечено как можно больше заинтересованных лиц: крестьян, сельских хозяев, необходимо слушать всех, кто считает себя способным решить сложнейший аграрный вопрос: «Никаких поэтому ни для кого стеснений и ограничений, и побольше самой широкой гласности!» [86, с. 87]. Пётр Петрович считал, что в ходе разработки программы предстоящих преобразований надо брать из каждого проекта всё конструктивное.

Важнейшей задачей становилось изыскание необходимых для проведения реформ средств; развитие сельского хозяйства требовало крупных затрат, без значительного увеличения капиталовложений невозможно было улучшить его состояние. Здесь-то и были бы чрезвычайно полезны иностранные кредиты и инвестиции. Искусство финансового ведомства, по мнению Мигулина, должно состоять в изучении действительных потребностей страны и направлении на их удовлетворение зарубежных капиталов. Он подчёркивал, что нельзя осуществлять займы, не имея чёткого плана их дальнейшего употребления, или расходовать полученные средства на второстепенные потребности; это привело бы к расточению денег, грюндерским увлечениям, но весьма мало способствовало бы оживлению денежного обращения страны. До сих пор Министерство финансов заботилось почти исключительно о развитии обрабатывающей промышленности, не направляя ни своего внимания, ни потока капиталов на развитие земледелия, аграрного сектора в целом. Теперь, как замечал учёный, очевидно, что вопрос необходимо поставить шире и полнее, направив капиталы в сельскохозяйственную промышленность, в том числе значительно увеличив средства, находящиеся в распоряжении Министерства земледелия.

Кроме того, государство должно, в интересах населения, позаботиться об увеличении доходов от своей хозяйственной деятельности. В государственной собственности находились огромная земельная площадь, часть которой содержала в своих недрах месторождения драгоценных металлов, железа, нефти, угля, марганца, меди и других полезных ископаемых; а также значительная площадь лесов и разветвлённая сеть железных дорог. Все эти источники давали очень крупный доход, который, тем не

менее, мог быть увеличен при более рациональных способах ведения государственного хозяйства.

Так, казённые земли практически беспрепятственно расхищались частными лицами, причём, как правило, самые лучшие из них. Мигулин рекомендовал отменить закон о применении к этим землям 10-летней земской давности (по которому недвижимое имущество приобреталось в собственность после десяти лет владения, подтверждаемого хотя бы двумя внушающими доверие свидетелями) и усилить надзор за ними. Их отчуждение он считал допустимым лишь в пользу крестьянских обществ и товариществ (на условиях постепенного выкупа) в ходе снабжения крестьян землёй. Разрешение же частным лицам добычи полезных ископаемых полагал возможным только за определённую попудную плату, соблюдая государственные интересы, для чего требовалось устранить (посредством осуществляемого в той или иной форме общественного контроля) возможность злоупотреблений со стороны причастных к выдаче лицензий чиновников. Учёный советовал запретить отчуждение в частные руки казённых земель, содержащих залежи полезных ископаемых, и приступить к приобретению их в государственную собственность, при необходимости прибегнув для этого к специальным займам.

Казённые леса приносили ежегодно растущие доходы (в рассматриваемый период в среднем около 50 млн руб. чистого дохода в год [128, с. 1198]). В связи с этим Мигулин предлагал перейти к широкому обследованию государственной лесной площади и её надлежащему использованию, что, с учётом роста спроса на древесину внутри страны и за рубежом, привело бы к тому, что доход от казённых лесов, по его расчётам, был бы легко удвоен, если не учетверён. Единовременные затраты на организацию разработки и «устройство» лесов изначально он определял в 100 млн руб., для чего из государственного бюджета пришлось бы ежегодно выделять на оплату специального займа около 6 млн руб. [128, с. 1198]; хотя позже пришёл к выводу, что первоначально можно будет обойтись вдвое меньшей суммой, дальнейшие же затраты смогут производиться за счёт роста лесных доходов [135, с. 62].

Требовалось также на всей российской территории начать постепенное принудительное отчуждение в казну (за справедливое вознаграждение) имеющих государственное значение, т.е. признанных защитными, частных лесов. Только эта мера могла гарантировать их сохранность и рациональную эксплуатацию; охранительный же закон о лесе, по мнению учёного, надлежащим образом применяться никогда не будет, поскольку он нарушает частные интересы, заставляя, в то же время, частных лиц принимать меры к охране имущества, распоряжение которым им запрещено. Правильную постановку лесного дела Мигулин считал задачей ог-

ромной важности как в смысле охраны народного достояния, так и в смысле увеличения государственных доходов.

Отечественный опыт в сфере казённого железнодорожного хозяйства, как подчёркивал учёный, подтвердил теоретическое положение о его преимуществе перед частным. Поэтому необходимо двигаться в намеченном направлении: государство должно было выкупить все частные железнодорожные линии (по мере получения на то права и возможности), соблюдая при этом свои интересы и помня, что никакие уступки частным обществам не могут оправдываться принципом справедливости, «ибо *всё* было сделано у нас для развития ж.д. дела – казною и *ничего* частными обществами, извлекавшими из жел. дорог только крупные барыши, ложившиеся тяжёлым бременем на общеподатные ресурсы государства» [123, с. 573-574].

Дальнейшее строительство рельсовой сети должно было вестись, с его точки зрения, либо государством, либо частными обществами, но только на условиях принятой в начале XX в. во многих странах при сооружении железных дорог частными предпринимателями системы повёрстной (километрической) гарантии, предусматривающей гарантию казной валового дохода с одной версты пути, а не чистого дохода железной дороги, как это было ранее. Мигулин отмечал, что российская железнодорожная сеть ещё нуждается в развитии и, при правильном ведении дела, принесёт крупные доходы.

Часть полученных в результате улучшения ведения государственного хозяйства средств, наряду со средствами, вырученными путём заключения внешних займов, по мнению Мигулина, требовалось направить на развитие отечественного сельского хозяйства.

Настоятельно необходимо было и обращение внимания в сферу народного образования. Учёный указывал на то обстоятельство, что без существенного увеличения расходов Министерства народного просвещения на общие и специальные (особенно сельскохозяйственные) школы затраты на поднятие нашего экономического благосостояния, в значительной степени, останутся бесполезными. Он считал целесообразным увеличить ассигнования на эти цели, по крайней мере, в четыре раза. При этом отмечал, что нельзя ограничиваться только школами для детей; Россия так отстала, что дело народного просвещения необходимо вести ускоренными темпами: нужны школы и для взрослых (в виде воскресных школ, специальных курсов, чтений, народных домов и т.д.). Причём для взрослого населения специальная школа гораздо важнее общей.

Развитию народного образования способствовали бы также распространение (посредством дешёвой продажи) книг, открытие библиотек; необходимо было просвещение населения и всеми другими путями: организацией выставок, музеев, складов сельскохозяйственных орудий, образцо-

вых ферм, командированием для обучения желающих агрономов и других специалистов. Мигулин обращал внимание на то, что теперь (речь идёт о начале XX в.) всё это тормозится, даже в случае проявления в данном вопросе частной инициативы, которую, наоборот, следовало бы поддержать. Помимо всего перечисленного, он считал необходимым совершенствование почтового дела и упрочение положения отечественной (находящейся, по его определению, в вечном загоне) периодической печати, поскольку они способствуют просвещению не в меньшей степени, чем школа.

Что же касается обучения детей, то единственной мерой, способной исправить бедственное положение российского школьного дела, по мнению Мигулина, было введение в стране всеобщего обязательного начального образования. Вопрос этот в течение многих лет поднимался в печати, на том же настаивали земства и города, об этом просили сельские общества, того же требовали частные лица. Однако всё разбивалось о вечный камень преткновения – отсутствие средств, за неимением которых Министерство народного просвещения даже не пыталось составить проект данного мероприятия, в связи с чем учёный задавался вопросом: а справедливо ли утверждение о неимении у нас финансовых ресурсов для решения столь важной задачи?

К 1904 г. на начальные школы разных видов из государственных средств тратилось около 23 млн руб., из земских ресурсов – около 9 млн руб., из средств сельских и городских обществ – около 12 млн руб., из других источников (плата за обучение, благотворительные сборы) – около 6 млн руб., итого около 50 млн руб. [136, с. 434]. Учитывая то обстоятельство, что в этот период обучалась только треть детей и подростков школьного возраста, предполагаемое введение всеобщего обязательного начального образования потребовало бы утроить расходы, т.е. довести их до 150 млн руб. в год. Возникшую разницу в 100 млн руб., по мнению Мигулина, должно было взять на себя Государственное казначейство; или же оно могло поступиться частью своих доходов в пользу земств и городов (например, в случае введения государственного общеподоходного налога им могли быть переданы поступления от поземельного, подомового и промыслового налогов; подробнее об этом – в шестом параграфе данной главы), которые и осуществляли бы организацию школьного дела самостоятельно, на свои средства.

Цифра в 150 млн руб. необходимых затрат получалась и при другой системе расчётов. Предполагая в среднем одну школу на 100 учащихся, при 15 млн таковых, требовалось 150 тыс. начальных учебных заведений. Содержание каждого из них обходилось в начале XX в. приблизительно в 1 тыс. руб. (при вызываемой нашей бедностью крайней умеренности расходов, как замечал учёный). Эту сумму он расценивал лишь как первона-

чальную, подчёркивая, что постепенно школы должны быть поставлены «на широкую ногу», с соблюдением современных педагогических требований. В настоящих же условиях лучше скромно (но, тем не менее, прилично) обставленная школа, чем полное её отсутствие, если же задаваться несбыточными мечтами и сразу требовать совершенства, то мы никогда не придём к практическому результату.

Дополнительные государственные расходы в сумме 100 млн руб., безусловно, требовали и дополнительных источников финансирования, однако Пётр Петрович считал данную проблему вполне разрешимой. Эти средства не понадобятся сразу; невозможно за год провести всю реформу: построить школьные здания, обеспечить их учительским персоналом и охватить обучением всех нуждающихся в этом детей и подростков. Мигулин предлагал вводить всеобщее обязательное начальное образование постепенно (хотя и быстро, чего требовала крайняя отсталость России в этом вопросе от развитых стран Европы и США), что позволило бы начать с относительно небольших капиталовложений, которые могли бы быть расстроены на пять лет, начиная с 20 млн руб., с ежегодным прибавлением такой же суммы.

Начинать преобразования, по его мнению, необходимо было с центральных земских губерний, постепенно распространяя на неземские губернии и затем – на окраины страны. Поскольку в земских губерниях уже имелась довольно удовлетворительная организация школьного дела, ассигнуемые на народное образование средства могли бы выдаваться земствам в виде пособий на устройство новых школ, тем более, что они об этом неоднократно ходатайствовали.

Необходимые ежегодно 20 млн руб., по утверждению учёного, вполне могли быть изысканы казной даже без увеличения налогов, для этого лишь требовалось пересмотреть расходную часть государственного бюджета. Ежегодно отечественные предприятия обрабатывающей промышленности получали от казны множество заказов по ценам, значительно превышающим рыночные (подробнее об этом говорилось в первом параграфе третьей главы нашего исследования). Сумма ежегодных переоплат на этих заказах оценивалась Мигулиным минимум в 10-20 млн руб. [136, с. 435], т.е. как раз в ту сумму, которая нужна для начала школьной реформы. В данном контексте требовала к себе внимания и существующая в России расточительная система расходования средств при постройке железных дорог и портов. По подсчётам Петра Петровича, в последние 10-12 лет (напомним, что речь идёт о 1904 г.) избыточные казённые затраты составляли ежегодно от 20 до 40 млн руб. [136, с. 436] – сумму, совершенно достаточную для покрытия расходов на школьную реформу во второй и третий годы её осуществления.

Средства на школы в четвёртый и пятый годы реформы учёный считал вполне возможным получить за счёт роста государственных доходов, поскольку затраченные в процессе предполагаемых преобразований суммы остались бы внутри государства, «в промышленном обороте населения», преимущественно сельского, что способствовало бы подъёму его благосостояния и, как следствие, увеличению платёжных сил. Выросло бы поступление сборов от прямых и косвенных налогов, конечно, не на всю сумму произведённых капиталовложений, но весьма значительно. Кроме того, введение всеобщего обязательного начального образования (которое, по замыслу Мигулина, могло быть распространено не только на детей и подростков, но и на желающих взрослых), особенно сопровождаемое расширением специального технического образования, в ближайшем будущем отразилось бы на росте благосостояния населения, которое, благодаря полученным знаниям, смогло бы найти для себя новые источники доходов, что, опять же, отразилось бы на увеличении государственных доходов.

Таким образом, «никаких "героических" средств (как многие думают) для создания народного образования нам не придётся употреблять, как не пришлось их употреблять ни одному из западно-европейских государств, ни Америке» [100, с. 11], – резюмировал Пётр Петрович.

К рассмотрению остальных пунктов аграрной программы профессора Мигулина, включающей в себя предложения по разрешению земельного вопроса, смягчению последствий негативного влияния на аграрную сферу природно-климатических условий, созданию режима наибольшего благоприятствования для экспорта отечественной сельхозпродукции, улучшению кредитного обеспечения аграрного сектора экономики, совершенствованию финансовой политики государства, мы обратимся во втором-шестом параграфах этой главы.

Сейчас же выделим те моменты изложенных в данном параграфе экономических воззрений учёного, которые не потеряли своей значимости до настоящего времени. Россия уже не принадлежит к числу аграрных стран, тем не менее, крестьянство составляет значительную часть населения; аграрный вопрос стоит не менее остро, чем столетие назад. Начатая в 1990 г. аграрная реформа за десять с лишним лет так и не принесла кардинальных позитивных изменений в сельскохозяйственной отрасли. В процессе её разработки и проведения не был соблюден выдвинутый Мигулиным основополагающий принцип – широкая открытость, связь с обществом, привлечение компетентных специалистов (теоретиков и практиков). Решения принимались, да и продолжают приниматься, кулуарно, авторы проекта преобразований, несущие за них персональную ответственность, не известны; сегодня трудно представить себе ситуацию, когда реформа

получает название по имени конкретного лица, примеры чего мы встречаем в истории России: реформа П.Д. Киселёва, реформа П.А. Столыпина.

Чрезвычайно актуален в нынешней ситуации и предложенный Мигулиным подход к проведению реформы находящегося в кризисе отечественного сельского хозяйства — реализация комплексных, затрагивающих не только данную отрасль, преобразований, а не нацеленное на решение частных вопросов осуществление разрозненных мероприятий. Интересен и подход Петра Петровича к проблеме финансирования реформы аграрного сектора экономики, акцентирующий внимание на привлечении в эту сферу иностранных кредитов и инвестиций, а также доходов от хозяйственной деятельности государства.

Что касается иностранных инвестиций, проблема привлечения которых (не только в агропромышленный комплекс, но и во все отрасли народного хозяйства) сегодня, как и столетие назад, находится в поле зрения научного сообщества и властей (эта проблема поднимается, в частности, в «Основных направлениях агропродовольственной политики Правительства Российской Федерации на 2001-2004 годы»), то здесь, на наш взгляд, необходимо несколько сместить акценты.

Даже если удастся в ближайшее время улучшить инвестиционный климат и создать наиболее благоприятные условия для иностранных капиталовложений в реальный сектор отечественной экономики, основными пунктами их направления станут энергосырьевые отрасли и отдельные производства товаров народного потребления, вряд ли сельское хозяйство попадёт в этот список. Что бы там ни говорили о новых взаимоотношениях России и Запада, их партнёрстве, но ни правительства высокоразвитых стран, ни их финансисты и предприниматели не заинтересованы в быстром росте российской экономики и, следовательно, создании для себя полноценных конкурентов на внешних и внутренних рынках. Поэтому главное внимание нашего правительства должно быть сосредоточено на создании режима наибольшего благоприятствования не просто для иностранных инвестиций, а для вложения в отечественную экономику капиталов рассеяной по всему миру российской диаспоры, куда более японцев, французов и немцев заинтересованной в возрождении своей исторической родины. Как достойный подражания пример у нас часто рассматривают китайский опыт преобразований последних 20-ти лет, сравнивая объёмы зарубежных (в частности американских) капиталовложений в экономики наших стран, а ведь значительную часть направляемых из США в КНР инвестиций составляют именно капиталы китайских эмигрантов.

Что касается лесного хозяйства, то в перспективе оно способно стать источником крупных государственных доходов, часть которых может направляться в другие отрасли экономики, в том числе и сельское хозяйство.

Сейчас же об этом говорить преждевременно: обладая 24% (около 800 млн га) мировых запасов леса, Россия контролирует лишь 3% мировой лесоторговли, получая ежегодный доход в размере 7 млрд долл. (для сравнения: у Финляндии этот показатель составляет около 30 млрд долл.), ежегодные потери потенциальных доходов превышают 100 млрд долл. За последние десять лет поступления в казну от производства лесопродукции сократились в три раза. Сегодня речь не идёт не только о сосредоточении лесных богатств в руках государства, но даже о воссоздании упразднённого после распада СССР Министерства лесного хозяйства (на чём настаивают губернаторы и против чего выступает Правительство РФ). Разработку (а зачастую и просто истребление) лесных угодий ведут 20 тыс. арендаторов, процветают фирмы-однодневки, получившие участки леса в аренду на срок не более пяти лет и не отвечающие за их охрану и воссоздание. Лесные массивы уничтожаются не только варварской вырубкой, но и ежегодными пожарами (особенно тяжёлым в этом плане стал 2002 г.). Положение близко к потере государственного контроля над ситуацией в отрасли.

Сложившуюся обстановку призвана исправить разрабатываемая программа реорганизации лесного хозяйства, проект которой обсуждался на заседании президиума Госсовета 17 июня 2002 г. Предполагается инвестировать в лесную отрасль за период до 2015 г. 795 млрд руб., разделить хозяйственные и контрольные функции государства, создать соответствующее национальным интересам законодательство, модернизировать инфраструктуру отрасли. Лишь после этого можно будет говорить об увеличении поступлений от лесного хозяйства и направлении части из них на развитие других отраслей экономики, в частности сельского хозяйства.

Не лучше обстоит пока дело и в сфере недропользования, эффективность эксплуатации распределённого фонда недр крайне низка. В первую очередь это относится к его части, по которой в 1992-1995 гг. лицензии были выданы без проведения конкурса, и фондам, которые раздавались тогда по лицензиям сроком на 20-25 лет (они ни по форме, ни по содержанию не соотносятся с действующим законодательством, их владельцы не несут юридической ответственности, до сих пор осуществляя пассивное недропользование). Предусмотренный Законом «О недрах» механизм ограничения, приостановления действия или аннулирования лицензий неэффективен, поскольку содержащиеся в Законе расплывчатые формулировки полномочий государства часто препятствуют выработке единой позиции в сфере регулирования отношений недропользователей с органами власти субъектов федерации. Специалисты отмечают, что сложившаяся практика акционирования и приватизации предприятий минерально-сырьевого комплекса, организация лицензирования и тендеров могут привести к потере контроля над эффективным использованием сырьевых ре-

сурсов страны [187, с. 41]. Принятые же до сих пор законодательные акты нацелены в основном на решение проблемы дефицита налоговых поступлений, законы не прогнозируют тенденции развития минерально-сырьевого комплекса. Всё это требует изменения проводимой государством в данной области политики.

Необходимы преобразования и в области железнодорожного транспорта: разделение сфер государственного регулирования и хозяйственной деятельности в работе Министерства путей сообщения, направленное на повышение эффективности этой естественной монополии, её доходности. Ряд мер, направленных на решение данной проблемы, предусмотрен в Законе «О железнодорожном транспорте», принятом в первом чтении Государственной Думой РФ 25 июня 2002 г.

Переходя от возможных источников финансирования реформы аграрного сектора экономики к принципам, которые должны быть заложены в основу её проведения, отметим необходимость преодоления односторонне-прагматичного подхода к крестьянству как к «инструменту» решения продовольственной проблемы в стране. Пристального внимания к себе требует не только производственная, но и социальная сфера российской деревни. Сельское население существенно уступает городскому по условиям и уровню жизни; одной из острейших проблем сегодня, как и во времена Мигулина, является развитие образования, состояние сельских школ.

Надежду на исправление сложившегося положения вселяет утверждение Правительством РФ 22 мая 2002 г. «Программы социального развития села», рассчитанной на период до 2010 г. и предусматривающей направление в данную сферу (а именно: на развитие образования, здравоохранения, строительство дорог, газификацию, телефонизацию) 170 млрд руб., к финансированию которой предполагается привлечь средства федерального и местных бюджетов, коммерческих банков и агрохолдингов.

4.2. Увеличение производства продуктов питания как центральная проблема в решении земельного вопроса

«Земельный вопрос нельзя решать с точки зрения одного *распределения* уже имеющегося продукта, с точки зрения перетасовки собственников земли, т.е. передачи её из рук одних владельцев (крупных и средних) в руки других (мелких). От этого количество продуктов питания населения не возрастёт, а скорее уменьшится. Необходимо главное внимание уделить вопросу о способах *увеличения производства* продуктов питания, и иное распределение земли, чем существующее, допускать именно, поскольку оно влечёт увеличение этого производства» [85, с. 106-107]. В этих словах отражена сущность подхода профессора Мигулина к решению одного из важнейших для России конца XIX – начала XX в. – земельного вопроса.

Учёный твёрдо придерживался собственного взгляда на проблему и занимал самостоятельную позицию в её разрешении, уделяя при этом большое внимание критике нерациональных, с его точки зрения, предложений в данной области. В 1906 г., описывая ситуацию вокруг земельного вопроса, он выделял два крайних течения, сложившихся в научной и общественно-политической мысли России. Первое требовало национализации всей земли путём бесплатного отчуждения частновладельческих угодий в государственный фонд и последующей раздачи земли в пользование всем желающим обрабатывать её личным трудом. Второе считало вопрос о малоземелье крестьян и аграрный вопрос в целом не существующими в России, а лишь возбуждёнными революционной пропагандой и находило, что всё должно оставаться по-старому, для улучшения же благосостояния земледельческих классов достаточно позаботиться об укреплении священного права частной земельной собственности и, с этой целью, скорее уничтожить общинное землевладение, разверстать земли по дворам и хуторам (отрубные участки), оказав затем помощь земледельцам в улучшении способов ведения хозяйства (школы и кредит) и переселении их на свободные государственные земли в Азиатской России. Здесь, как видим, представлены позиции крайних левых партий и правительственного лагеря, приступившего в 1906 г. к проведению аграрной реформы, позже названной столыпинской.

Попытка примирить эти крайности была предпринята в проектах трудовой и конституционно-демократической партий. Ими предлагалось образовать в Европейской России государственный земельный фонд путём принудительного выкупа (за определённое, по возможности меньше действительной стоимости, вознаграждение) частных (некрестьянских) земель, а затем передавать их в пользование (в размере, определяемом по трудовым или потребительным нормам) за известную плату (т.е. в долгосрочную, часто наследственную аренду) лицам, обрабатывающим эти земли личным трудом.

Обозначая свою позицию в решении земельного вопроса, Пётр Петрович подчёркивал, что главное её отличие от подобных проектов состоит во взгляде на допустимость национализации земли: «Мы категорически высказываемся *против* национализации земли и государственного земельного фонда. ...*Экономическое* образование государственного земельного фонда есть *шаг назад*,...так как во всём мире сперва земля принадлежит государству, а затем последнее постепенно её раздаёт или распродаёт в *собственность* частным лицам, ибо только частная собственность обеспечивает *наилучшую обработку земли*, государство же уравнивает шансы хозяйства частных собственников *правильной податной системой*. Это – *аксиома*, выработанная вполне в экономических науках» [90, с. 66].

Учёный считал, что данную истину можно оспаривать, но производить на практике масштабные и дорогие эксперименты, крайне опасные в смысле расшатывания установившихся экономических отношений, совершенно недопустимо. Уточним, что речь здесь идёт о пахотных землях, относительно же лесных угодий, как отмечал Мигулин, наука, руководствуясь мировым опытом, рекомендует другой подход – сохранять их за государством (о чём и говорилось в предыдущем параграфе). Кроме научного обоснования своей позиции, он приводил в её подтверждение и мнение крестьян, которые также высказывались против государственного земельного фонда и настаивали на том, чтобы «господская» земля перешла в их собственность.

Профессор видел крупную ошибку в том, чтобы в решении земельного и аграрного вопроса в целом национализацию ставить на первый план перед социализацией. Он подчёркивал, что последняя главную цель видит в правильном распределении произведённого продукта между массой трудящихся классов, тогда как первая – лишь в монополизации всего производства государством. Национализация земли была бы допустима, как писал Мигулин, если бы опыт прошлого: Китая, Римской республики и империи, Франции времён Великой революции (от себя добавим сюда и Россию советского периода) – не показал всю её бесполезность в деле решения аграрного вопроса. К тому же, как отмечал учёный, частные земли нигде и никогда не отбирались государством безвозмездно, с целью наделения ими земледельцев. Конфискованное во время французской революции частное имущество эмигрантов поступило в собственность государства и было продано с аукциона, но отнюдь не использовалось для наделения каких бы то ни было классов землёй. Владельцы же конфискованного имущества позже, в эпоху Реставрации, получили в качестве компенсации особую ренту с оценки этих имуществ (почти в миллиард франков). Словом, исторического прецедента для подобной операции нет, – заключал Мигулин.

Он указывал на то, что, с экономической точки зрения, даровой захват частной земли (в пользу ли государства или же в пользу местных крестьянских обществ) не имеет никакого смысла, поскольку огромное её количество заложено и захват тяжело отразится преимущественно на мелких держателях ипотечных бумаг и на немногочисленных, также в основном мелких, незаложенных владениях. Кроме того, собственники не уступят своего имущества беспрепятственно, потребуются усиленная борьба, сопровождающаяся гибелью всего частновладельческого сельскохозяйственного капитала; а ведь уже и теперь (речь идёт о времени первой русской революции) попытки захватов истребили материальных сельскохозяйственных ценностей более чем на 200 млн руб. К тому же, уничтоже-

ние частных сельскохозяйственных экономий, которые Мигулин характеризовал как сравнительно немногочисленные культурные уголки, служащие для крестьян школой и источником превышающего доходы от ведения хозяйства на собственной земле заработка, приведёт к ухудшению общего экономического положения населения, поскольку количество производимых ежегодно материальных ценностей значительно сократится.

Он отмечал, что даже такие писатели-социалисты, как Генри Джордж, видящие причину всех бед человечества в существовании частной собственности на землю, «предлагают национализацию земли в виде конфискации *путём налога (и не колебля существующего института частной собственности)* земельной ренты в пользу государства» [77, с. 387]. В России же рубежа XIX-XX вв., где около 90% населения жило земледелием и сельскохозяйственными промыслами, проблема собственности на землю приобретала особую остроту и значимость, на чём и акцентировал внимание учёный, подчёркивая, что создание непосредственной юридической связи между земледельцем и обрабатываемой им землёй имеет огромное значение для сохранения спокойного состояния в стране, наблюдающегося везде, где есть значительная масса мелких земельных собственников, крайне заинтересованных в этом спокойствии.

Будучи убеждённым сторонником частной собственности на землю, Мигулин всё же не разделял позиции властей, уцепившихся, по его выражению, «за ложную идею неприкосновенности "священного" права собственности» [86, с. 94]. Он утверждал, что собственность не может и не должна быть неограниченной, особенно земельная. Да неограниченной собственности, как подчёркивал учёный, теперь и не существует: «Раз государство *только в силу своего суверенитета*, как это признаёт современная финансовая наука, может взять *путём обложения* какую угодно часть дохода или самого имущества собственника, — то какая же тут свобода и неограниченность собственности, какая её неприкосновенность!» [87, с. 157]. Принудительное отчуждение частной земельной собственности, по мнению Мигулина, также законно и осуществимо, если оно необходимо для каких-либо общественных целей, даже просто в интересах определённой земельной политики (наделения крестьян землёй, ограничения латифундий, создания мелких земельных собственников, уничтожения чересполосицы и т.д.). Никакого нарушения принципа частной собственности, как он считал, здесь нет, если собственник получает справедливое вознаграждение.

Предложенный властями проект аграрной реформы он называл слишком отрывающимся кабинетной доктриной, а не изучением жизненных нужд российских крестьянства и сельского хозяйства. «Чего стоит одно увлечение хуторами и идея скупки крестьянским банком частных

земель в *государственный фонд* (дался нам этот нелепый фонд!), чтобы затем его разбивать на мелкие участки, оборудовать их (всё это через чиновников!) и затем продавать отдельно крестьянам!» [86, с. 94] – восклицал Мигулин. Он предупреждал, что подобным образом можно легко спровоцировать народное восстание, поскольку купленные банком земли ранее сдавались в аренду крестьянам или давали им возможность найма на работу, переход же этих земель в собственность обрабатывающих их личным трудом мелких владельцев лишит окрестное население всяких доходов и заработков и толкнёт его на путь голодной смерти.

Пётр Петрович не считал рациональным и взятый правительством курс на немедленное уничтожение общины (отрицательно, о чём говорилось во втором параграфе третьей главы, относясь к данной форме землепользования), он исходил из того, что процесс этот произойдёт, но в более отдалённом будущем. Учёный придерживался того мнения, что крестьяне, после предоставления им одинаковых с другими классами общества гражданских прав и уничтожения административной опеки над ними, могут устроить свои земельные отношения так, как посчитают нужным. По его убеждению, нельзя насильственно уничтожить то, что существовало (в том или ином виде) на протяжении столетий, от чего население многих местностей не может сразу отказаться, тяжело приспосабливаясь к новому укладу жизни. Но, как подчёркивал учёный, тем же, насильственным, образом невозможно сохранить то, что перестало соответствовать современным условиям ведения хозяйства, от чего отказываются сами крестьяне, что воспринимается ими как путы, не дающие перейти к новому, более выгодному хозяйственному строю.

Говоря об общине, Мигулин отмечал, что она (даже в современном, столь несовершенном виде) выполняла важную функцию: обеспечивала сохранение земли в руках крестьян, предотвращала её переход в руки скупщиков и крупных собственников. Он не разделял позиции, заявленной в официальном сообщении, разъясняющем Манифест 3 ноября 1905 г., в котором указывалось, что после отмены выкупных платежей крестьянская земля становится отчуждаемой в посторонние руки и поступает на рынок. «Если...землю сделать предметом свободного торгового оборота, предметом свободной купли-продажи, – предупреждал Мигулин, – то обеспечение землёю крестьян окажется сильно поколебленным, и та задача, которая издавна у нас преследовалась (передача земли в руки обрабатывающих её личным трудом), окажется не осуществлённой, будут утрачены плоды усилий целых поколений» [82, с. 130]. Подобная политика мобилизации крестьянской земли, по его убеждению, грозила слишком серьёзными осложнениями, чтобы соглашаться на неё с лёгким сердцем.

Переходя к предложенному учёным способу решения земельного вопроса, ещё раз напомним: по его убеждению, первая и важнейшая из наших экономических задач состояла в увеличении производства продуктов питания, что могло быть осуществлено за счёт расширения отводимой под пашню земельной площади и увеличения производительности уже обрабатываемых земель. Первое достигалось переселением на новые места безземельных и малоземельных крестьян, а также улучшением естественных условий земледелия в густонаселённых регионах страны (орошением безводных степей, осушением болот, уничтожением оврагов, облесением сыпучих песков и т.д. – подробнее этот вопрос будет освещён в следующем параграфе). Второе – введением более рациональных приёмов земледелия, переходом к интенсивному хозяйству, сельскохозяйственной промышленности.

Говоря о необходимости переселения «избыточествующего» населения Европейской России на новые места, Мигулин высказывал уверенность в том, что в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке имеются обширные пригодные для земледелия площади, при этом подвергая критике позицию властей, которые почти столетия утверждали, что подходящей для переселения земли там нет. «Неужели же из 1.138 миллионов десятин земли в Сибири при 6 миллионах душ населения и из 314 миллионов десятин земли в Средней Азии при 8 миллионах душ жителей нельзя найти годных и свободных земель для наших крестьян Европейской России» [86, с. 88], – задавался вопросом учёный.

Он указывал на то обстоятельство, что проведённые ранее исследования регионов, о которых идёт речь, были чрезвычайно поверхностны и направлены на решение других проблем. Тем не менее, по данным железнодорожных компаний, изучавших возможность строительства рельсового пути в Амурской области, количество пригодных для земледелия площадей определялось там минимум в 20 млн десятин. Огромное количество таких же земель находилось в Северной Сибири: вдоль проектируемой американской компанией железной дороги от Канска до Берингова пролива (подробнее об этом – чуть позже). Мигулин писал, что земель этих никто до сих пор не исследовал, но многие самоуверенно утверждают, что, кроме тайги, там ничего нет, в связи с чем он вспоминал проведённое в 1896-1897 гг. по поручению Комитета Сибирской железной дороги исследование таёжных пространств, совершенно неожиданно выявившее 14 млн десятин удобных для земледелия площадей. Все пригодные для поселения территории в Азиатской России Пётр Петрович оценивал, ссылаясь на официальные данные военного ведомства и сведения исследователя Сибири П.И. Соколова, в 200-300 млн десятин [110, с. 127].

Таким образом, в начале XX в. девственных земель в России было ещё достаточно, но, как подчёркивал профессор, чтобы добраться до числящихся в её владении территорий, чтобы освоить их, нужны средства, нужны пути сообщения, а их-то и нет; всей Северной Сибирью, Камчаткой, Приморской и отчасти Приамурской областями мы владели лишь на бумаге. Мигулин отчётливо понимал, что без железных дорог будет очень трудно организовать массовое переселение, он считал, что помочь в решении этой проблемы могут вновь построенные три громадных магистрали: Канско-Беринговская, Сретенск-Хабаровская и Томск-Ташкент-Семипалатинская. Учёный находил целесообразным широкое привлечение к сооружению этих дорог частной инициативы; он указывал на то обстоятельство, что предприниматели (преимущественно американцы) проявляли активный интерес к этим проектам, предлагая свои капиталы и знания российскому правительству.

Так, в течение ряда лет солидный американский синдикат пытался получить концессию на строительство 5 тыс. вёрст железной дороги от Канска (по первоначальному плану от Иркутска) до Берингова пролива, с продолжением её на Аляске, которая должна была пройти через незаселённые, лишённые путей сообщения районы. Мигулин считал это предложение чрезвычайно выгодным для российской стороны: «Может ли государство соорудить такую линию за свой счёт? Не будет ли такое предприятие *государства*... растратой народных средств, столь нужных теперь для обновления внутренней России?... Другое дело *частная* инициатива. Мы нарочно подчёркиваем слово: частная. Американский синдикат... *впервые* у нас желает в деле железнодорожного строительства применить именно настоящую частную инициативу, которой мы доселе не знали» [131, с. 371]. Хотя надо отметить, что, признавая целесообразность предложений иностранных предпринимателей, учёный всё же указывал на необходимость самого тщательного их рассмотрения перед внесением на окончательное утверждение Государственной думы. Он подчёркивал, что в данном случае частная инициатива должна находиться под бдительным контролем государства, соблюдающего свою безопасность и обеспечивающего свою выгоду.

Американцы рассчитывали использовать на российской территории схему, по которой была создана железнодорожная сеть США; Мигулин считал её рациональной и вполне применимой в наших условиях. За океаном рельсовые пути прокладывались зачастую в пустынных районах — там, где нечего и некого было возить. Американская система, как отмечал Пётр Петрович, состояла в заселении этих местностей с помощью железнодорожных компаний, которые брались проводить новые линии. Правительство разрешало каждой из них эксплуатацию определённого количе-

ства пустынной и, следовательно, ничего не стоящей земли вдоль строящейся дороги; компания проводила геологоразведочные работы и приступала к добыче обнаруженных полезных ископаемых. Не задействованная при этом земля предоставлялась (как правило, бесплатно) переселенцам, которые со временем создавали вдоль железнодорожной линии сельскохозяйственные фермы, поставляющие ей множество грузов. Новая дорога превращалась из убыточного предприятия в прибыльное: её затраты компенсировались доходами от разработки земельных недр, деятельности созданных железнодорожной компанией промышленных предприятий и распродажи земельных участков (после того, как большая часть отданных в распоряжение компании земель была занята получившими их бесплатно поселенцами и земля приобрела значительную стоимость).

Те же условия американцы предлагали России, и решение великой экономической проблемы, по мнению учёного, зависело лишь от нашей доброй воли. Однако, как он отмечал, «мы всегда колеблемся там, где нас ждёт выгода, и охотно решаемся на то, где убыток совершенно очевиден. Мы ноём, что у нас нет годной для обработки земли, а вся Сибирь – сплошное золотое дно, огромная сокровищница баснословных богатств. Живут ведь не только земледелием...» [86, с. 89]. Американский проект не получил одобрения российских властей и так и остался на бумаге.

Некоторые проекты начала XX в., кроме строительства дорог, предполагали и организацию переселения вдоль них, но Мигулин высказывался против такой постановки вопроса, считая, что это дело может взять на себя государство. Главная задача состояла в нарезке участков, приспособлении их к эксплуатации, инструктировании переселенцев, перевозке их за счёт Государственного казначейства и выдаче им ссуд на домообзаведение и ведение хозяйства.

Профессор подчёркивал, что благотворное значение переселения скажется довольно скоро, т.к. оно приведёт к расширению площади столь необходимого в то время для нашей страны экстенсивного полевого хозяйства, а также возрождению сокращавшегося на рубеже XIX-XX вв. скотоводства. У России появится возможность увеличения хлебного экспорта и сокращения, а затем и полного прекращения импорта продуктов, (таких, как сало, шерсть и кожи), которые раньше не только не ввозились в страну, но экспортировались нами за границу в довольно крупных объёмах. По мере развития в обладающей пригодными для хлопководства площадями Средней Азии возделывания этой культуры, станет возможным и постепенное сокращение ввоза сырого хлопка, составлявшего в начале XX в. значительную статью отечественного импорта.

Мигулин осознавал сложность правильного решения переселенческого вопроса, замечая, что дело это длинное, работа целых поколений,

однако считал его чрезвычайно важным не только для разрешения земельного вопроса как такового, но и для прекращения потрясших Россию в годы первой революции крестьянских выступлений. Он писал в начале 1906 г., что если уже сейчас удастся показать крестьянам великолепные перспективы будущего благополучия переселенцев, если они увидят, что о них заботятся, помогают им перебраться на новые места и устроиться там, сразу прекратятся аграрные волнения, и взоры голодных людей обратятся с соседних помещичьих усадеб на свободные государственные азиатские земли. Пётр Петрович считал целесообразным ежегодное переселение 1-1,5 млн чел., т.е. до 300 тыс. семей.

Не меньшего внимания требовало к себе земельное устройство остающихся в Европейской России крестьян. Единственно возможный для них выход Мигулин видел в переходе к интенсивной системе полевого хозяйства и даже к сельскохозяйственной промышленности, для чего необходимо было расширить площадь крестьянского землевладения и провести более правильное размежевание уже принадлежащих крестьянам участков. Подобное решение проблемы было очевидно, вопрос состоял в том, где взять землю для дополнительных наделов и осуществима ли операция немедленно с финансовой точки зрения.

В соответствии с приводимыми учёным данными, в конце 1905 г. в Европейской России числилось около 416 млн десятин земли, распределявшихся следующим образом: до 141 млн десятин принадлежало государству, 7,6 млн десятин – уделам, свыше 6 млн десятин – городам и разным учреждениям (в том числе церквям и монастырям), до 176 млн десятин – крестьянам (включая казаков) и около 85 млн десятин – частным лицам [90, с. 56].

На первый взгляд, размер государственных владений казался достаточным для массового расселения и снабжения землёй крестьян, однако большинство из них располагалось в северных губерниях и состояло из лесов (около 108 млн десятин), которые, в целях сохранения их от истребления, не подлежали отчуждению. Из оставшихся 33 млн десятин лишь около 5 млн составляли пригодные для пахоты земли, которые почти целиком сдавались крестьянам в аренду. Бóльшая часть (около 5 млн десятин) удельных земель также была занята лесами. Мигулин считал, что в северных губерниях, где ситуация с вырубкой леса, к счастью, была далека от положения дел в других регионах Европейской России и где, при более тщательном обследовании неудобных площадей, могли быть найдены пригодные для земледелия участки, наделение крестьян государственными землями было возможно ещё в довольно большом объёме. Количество расположенных на европейской территории государственных, общественных и удельных земель, которые могли бы отойти к крестьянам на нача-

лах самого умеренного выкупа, учёный определял в 10-20 млн десятин, не предвидя при этом никаких затруднений с финансовой стороны.

Рассматривая возможность выкупа частновладельческих земель, он исходил из следующих соображений. Отчуждение занятых лесом приблизительно 42 млн десятин являлось нежелательным с государственной точки зрения и бесцельным при действии лесоохранительных законов. Из оставшихся 43 млн десятин, по его данным, 25-30 млн сдавались в аренду крестьянам и обрабатывались так же примитивно, как их собственные земли. Площади, на которых велось интенсивное хозяйство, Пётр Петрович определял не более чем в 10 млн десятин: приблизительно на 5,5 млн в севооборот были введены корнеплоды, количество интенсивно обрабатываемых земель без корнеплодов было ещё меньше. Даже если удвоить число не подлежащих отчуждению интенсивных частновладельческих земель, всё же оставалось 20-25 млн десятин, которые могли быть использованы для дополнительного наделения крестьян.

Значимость такого (пусть и относительно небольшого) земельного наделения Мигулин подчёркивал, сопоставляя его с реформой 1861 г., когда в руки крестьян перешло 19 867 200 десятин земли, с учётом же переданных по дополнительным актам угодий к 1905 г. эта цифра поднялась до 33 млн десятин. Таким образом, предлагаемое им новое наделение представляло собой удвоение первоначального и доходило до 60% от общего объёма принадлежащих крестьянам в начале XX в. наделных земель. Важно было и то, что почти все вновь передаваемые земли пошли бы на улучшение положения бывших помещичьих крестьян, поскольку рядом с владениями бывших государственных крестьян крупных частных владений практически не было, да и надел их, почти вдвое больший, чем у бывших помещичьих, позволял жить более вольготно.

Если же принять во внимание, что к крестьянам должна была отойти преимущественно земля внутренних губерний, «очень ценная и доходная при сколько-нибудь правильной её эксплуатации» [90, с. 58], что при этом сократилась бы площадь частного землевладения в тех регионах, где она была ещё достаточно высока и вызывала раздражение у крестьян (в прибалтийских губерниях – до 60%, в Царстве Польском – 51%, в юго-западных губерниях – до 50%, в украинских и центрально-чернозёмных – до 35%), то, по мнению Мигулина, значимость предлагаемой меры становилась совершенно ясна. При этом он подчёркивал, что отчуждение частных земель в руки крестьян может быть целесообразным, только если речь идёт о землях, сдаваемых крестьянам в аренду, а не тех, на которых владельцами ведётся собственное хозяйство, и, главное, если в основу отчуждения «кладётся *экономический принцип*, т.е. необходимость этого отчуждения для перехода крестьян данного общества к улучшенным приёмам

хозяйничанья, а не простое соображение, что у крестьян земли меньше, чем у помещиков, т.е. чистый произвол» [63, с. 7].

На фоне потрясших страну в 1905-1906 гг. аграрных беспорядков большинство землевладельцев, по убеждению учёного, охотно согласилось бы на отчуждение своих угодий в пользу крестьян даже по весьма умеренным ценам, чтобы сохранить остающуюся часть владений и восстановить добрососедские отношения с крестьянами. Увеличение числа крепких хозяев (а дополнительный надел, по мнению Петра Петровича, несомненно, должен был способствовать росту зажиточности крестьян) было на руку помещикам, поскольку зажиточные крестьяне являются лучшими работниками, лучшими покупателями и лучшими арендаторами. С участием таких крестьян, как считал учёный, гораздо легче будет вести собственное помещичье хозяйство, развивать кредитные операции и сельскохозяйственную промышленность.

Все крестьянские общества получили бы выгоны и, следовательно, возможность покончить с трёхпольем, на котором держалась община. С точки зрения Мигулина, именно это, а не правительственная установка на насаждение индивидуального хозяйства, стало бы началом решения вопроса о переходе от общинного к личному землевладению. Он придерживался того мнения, что размежевание пахотных земель по дворам, при оставлении в общинном владении выгонов, водоёмов, лугов и лесов, станет огромным шагом вперёд в деле подъёма крестьянской сельскохозяйственной культуры. Земледельцы получают возможность перейти к четырёхполью с введением в севооборот корнеплодов (картофеля и сахарной свёклы), а также бобовых и трав, каждый хозяин будет заинтересован в удобрении собственного участка – станет реальным ведение интенсивного полевого хозяйства, а затем переход к сельскохозяйственной промышленности и огородному хозяйству.

В случае несогласия некоторых владельцев земли на её выкуп, Мигулин советовал не останавливаться перед принудительным отчуждением (разумеется, лишь при условии справедливого вознаграждения). Принцип принудительности, по его убеждению, был применим и к землям крестьянских обществ, если в процессе проведения работ по размежеванию и правильному конфигурированию отдельных участков не удавалось прийти к добровольному соглашению. «Здесь частный интерес должен будет отступить на второй план перед общественным, государственным, а, следовательно, принцип неограниченной частной собственности придётся нарушить, как нарушается таковой при отчуждении земли для других общественных или государственных надобностей (проведение пути, сооружение порта, крепости)» [80, с. 99], – считал профессор.

Рассматривая финансовую сторону предстоящей выкупной операции, он не предвидел особых сложностей. В 1905 г. до 43 млн десятин частновладельческих земель было заложено в Дворянском и частных банках, их оценка составляла 2,6 млрд руб., а лежащий на них долг – около 1,5 млрд руб. Средняя цена приобретаемой Крестьянским банком частной земли в начале XX в. составляла около 100 руб. (заметим, что учёный признавал её завышенной), а в период с 3 ноября 1905 г. по 7 февраля 1906 г. она поднялась до 112 руб. за десятину (тогда как средняя оценка банком заложенных земель составляла 60 руб. за десятину). Таким образом, необходимую для выкупа 20 млн десятин частновладельческих земель сумму Мигулин определял в 2 млрд руб. При этом весь ипотечный долг мог быть переведён на крестьян, а остальные 500 млн руб. выданы 5%-ми выкупными свидетельствами, подобно тому, как это было сделано в 1861 г.

Поскольку полный перевод ипотечного долга на крестьян являлся вряд ли осуществимым, т.к. не все предполагаемые к выкупу частные земли были заложены и не все заложенные земли были необходимы для дополнительного наделения крестьян, а также с учётом возможности более высоких, нежели 100 руб. за десятину, оценок приобретаемой земли, Пётр Петрович предусматривал возможность реализации выкупных свидетельств для доплат наличными. Необходимую в этом случае сумму он определял в 400 млн руб. (исходя из цены за десятину земли в 120 руб.). Перевод на крестьян долга по обязательствам Дворянского банка являлся легко реализуемым, поскольку он, как и Крестьянский, был банком государственным, а вот на всю сумму обязательств частных банков государство, по мнению учёного, должно было дать свою гарантию. Со временем он считал возможной конверсию этих обязательств.

Таким образом, проведение выкупа частновладельческих земель Мигулин находил возможным без новых кредитных операций или же с обращением к ним в достаточно скромных размерах. Опасение загромождения фондового рынка выкупными свидетельствами он называл необоснованным, поскольку «при мирном состоянии государства их будет слишком невыгодно реализовать как весьма доходную бумагу, а при беспокойном – реализация никаких бумаг всё равно невысказана» [90, с. 59]. Кроме того, получив около четверти выкупной суммы наличными деньгами, обладатели выкупных свидетельств, в массе своей, не будут иметь потребности в их немедленной реализации, а, скорее, выступят приобретателями этих бумаг, что поддержит их курс.

Для быстреего рационального проведения выкупной операции и разрешения земельного вопроса в целом учёный считал необходимым создать вертикаль землеустроительных комиссий. Во главе её должна была стоять центральная комиссия, которую он предлагал назвать Главной зем-

леустроительной или Главной комиссией межевания (поскольку ей предстояло решить массу межевых споров, заново разверстать многие крестьянские земли, произвести некоторые кадастровые работы, решить вопрос о старозаимочных землях, вакуфах и т.д.). В её состав необходимо было включить специалистов, назначенных правительством, выбранных губернскими земскими собраниями (по одному от каждого) и определённых особым порядком от неземских губерний. Председателем этой комиссии Мигулин видел лицо, назначенное Высочайшей властью, либо министра земледелия. В обязанности комиссии должны были войти разработка проекта положения о выкупе, составление общего плана земельного устройства крестьян, объединение действий губернских комиссий и рассмотрение подаваемых на них жалоб (кассационного характера). Отделения Главной комиссии необходимо было создать во всех губернских и уездных городах.

Губернские комиссии, по замыслу учёного, состояли из членов, выбранных губернскими земствами и уездными межевыми комиссиями от крестьян, а также назначенных по их официальному положению (предводитель дворянства, председатель казённой палаты, губернский землемер, член окружного суда); их председателем могли быть местный управляющий государственными имуществами или председатель отделения Крестьянского банка. Комиссии этого уровня должны были объединить действия уездных комиссий, разработать общий план земельного обеспечения крестьян данной губернии, рассматривать поступившие на решения уездных комиссий жалобы.

Главная нагрузка в решении земельного вопроса ложилась на уездные комиссии; в их состав могли войти выборные от уездного земства, выборные крестьяне от волостей (по одному, а лучше по два от каждой, чтобы один мог быть агентом комиссии в своей волости) и члены по назначению (уездный член окружного суда, межевые чины, податный инспектор); председателем становился глава местной уездной земской управы. В обязанности уездных комиссий входило рассмотрение заявлений крестьянских обществ о способах удовлетворения их потребности в земле; заключение соглашений с собственниками имений, из которых предполагалось производство дополнительных наделов; проведение необходимых межевых работ; оценка отчуждаемых земель в случае несогласия их владельцев на добровольную продажу; отведение государственных земель; организация расселения и переселения; облегчение переселяющимся продажи их земельных наделов. Таким образом, уездные комиссии должны были участвовать в рассмотрении всех дел, связанных с земельным устройством крестьян и с дополнительными наделами. В случае несогласия с оценками комиссии, при выкупе частновладельческих земель, Мигулин предусматривал воз-

можность подачи на неё иска в суд, в соответствии с законами об отчуждении частной собственности для государственных нужд.

Уездные комиссии должны были обладать не только полномочиями, но и средствами для решения земельного вопроса. Учёный планировал передать в их распоряжение Крестьянский банк, обязав его производить свои сделки по указаниям комиссий и в соответствии с их оценками. Комиссиям надо было предоставить средства для производства межевых работ, дать право ходатайствовать о выдаче мелиоративных ссуд из Крестьянского банка (разрешив ему производство этих операций) и оказании сельскохозяйственного кредита вообще, для чего Мигулин считал необходимым учреждение Сельскохозяйственного банка. Он рассматривал как прерогативу комиссий и распоряжение ссудами, выдаваемыми переселяющимся крестьянам из вновь учреждённого Переселенческого банка (взгляд учёного на кредитное обеспечение аграрного сектора экономики будет подробно представлен в пятом параграфе этой главы).

Пётр Петрович настаивал на том, что уездные комиссии надо составлять в основном из крестьян; они должны быть близки населению, знать его нужды. Он предполагал, что комиссии этого уровня могут иметь свои отделения при каждой волости, поскольку лишь совместное обсуждение общих проблем крестьянами всех соседних деревень приведёт к их взаимовыгодному решению. Учёный находил необоснованным опасение, что, получив право отчуждать частновладельческие земли в пользу отдельных крестьянских обществ, комиссии будут безоглядно им пользоваться, особенно относительно интенсивных хозяйств, дающих крупные заработки окрестному населению. «В этом случае уездная комиссия крестьян *ни за что не допустит* отчуждения питающего многие деревни имения в пользу одной, благодаря чему заработки остальных исчезнут. Только земли, сдаваемые в аренду, несомненно, будут все или почти все отчуждены в пользу крестьян, но следует ли об этом жалеть?» [65, с. 77] – писал Мигулин. Из интенсивных же поместий могут быть отчуждены лишь некоторые сенокосы, луга, выгоны, небольшие участки пахотной земли, необходимые для размежевания и устранения чересполосицы, но не их ядро.

Так будет обстоит дело при решении вопроса крестьянскими комиссиями. Если же отчуждение частновладельческих земель предоставить произвольному соглашению владельцев экономий с Крестьянским банком (или действующими при его посредстве отдельными крестьянскими обществами и товариществами), то первыми к крестьянам отойдут экономии с собственным культурным хозяйством, а сдаваемые в аренду земли останутся у их собственников. И наша сельскохозяйственная культура погибнет, – неутешительно подытоживал Пётр Петрович. Поэтому он призывал

проявить больше веры в здравый смысл русского крестьянина и не бояться кажущихся трудностей и опасностей.

Непременным условием решения земельного и аграрного вопроса в целом Мигулин считал урегулирование земельного законодательства, устранение хаоса, созданного в нём «историческими наслоениями». К началу столыпинской аграрной реформы земли на территории России находились в полной неограниченной частной личной собственности; ограниченной частной личной собственности (майораты, временно-заповедные имения); неограниченной или с небольшими ограничениями коллективной собственности (некоторые разряды выкупленных земель); ограниченной коллективной собственности (общинное землевладение); постоянном пользовании; временном условном пользовании. Кроме российского Гражданского кодекса, в некоторых губерниях действовали кодекс Наполеона, Литовский Статут, старые византийские и немецкие законы, обычное право; существовали специальные и сепаратные (например, о казачьих землях) законы. К Гражданскому кодексу были добавлены законы, возникшие в связи с крестьянской реформой 1861 г. (положения о выкупе, закон 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости наделов, Манифест и Указ 3 ноября 1905 г., временный Закон 9 ноября 1906 г.), и законы о переселении.

В 1907 г. учёный писал о том, что нельзя ещё более усиливать этот хаос, поддерживая определённые формы землевладения в одних регионах империи и уничтожая их в других: разрушать общину и насаждать частную собственность в Европейской России, утверждая общину и запрещая частную собственность (заменив её временным или постоянным пользованием) в Азиатской России. Он настаивал на том, что политика в аграрном вопросе (особенно в области юридических отношений) должна быть, по возможности, повсеместно одинаковой. Тем не менее, Мигулин не был сторонником абсолютной унификации форм землепользования, замечая, что сама жизнь требует известного разнообразия юридических норм, определяющих тот или иной его характер.

Кроме упорядочения существующих юридических институтов, он считал необходимым создание нового: особого типа индивидуально-семейного владения, лучшим образцом которого признавал гомстед – заповедный семейный участок с принадлежащим к нему имуществом – институт, созданный в США¹ и заимствованный наиболее демократическими колониями Англии (Канадой, Австралией, Новой Зеландией), а также рядом государств Западной Европы (Германией, Австро-Венгрией), одобряемый ведущими учёными того времени. К этому выводу Мигулин пришёл после тщательного изучения американского опыта, который в данном

¹ Гомстед-акт (закон о земельных наделах) был принят в мае 1862 г.

вопросе, как и в аграрной сфере в целом, считал для нас ценным в силу схожести территориальных и климатических условий наших стран.

Смысл введения в России индивидуально-семейных владений он видел в предотвращении чрезмерного, делающего невозможным ведение хозяйства, дробления крестьянских участков, а также обезземеливания крестьян за долги и сосредоточения сельхозугодий в руках крупных собственников. Это было особенно важно в условиях начавшегося в процессе столыпинской реформы перехода в руки крестьян государственных и частновладельческих земель. Учёный настаивал и на том, что земельная собственность должна быть ограничена известными пределами и обеспечена от превращения в предмет спекуляции.

Введение института семейных заповедных участков Мигулин связывал с широкой постановкой переселенческого и сельскохозяйственного кредита, для чего предлагал реформировать Крестьянский банк и учредить Сельскохозяйственный банк (о чём упоминалось чуть ранее), а также внести изменения в существующие законы о переселении. Он не только говорил о необходимости для России данного юридического института, но и составил свой проект закона о семейных заповедных земельных участках [82, с. 129-143].

В соответствии с ним любой российский подданный, достигший 25-летнего возраста и являющийся главой семьи, мог обратиться в местную землеустроительную комиссию с просьбой о закреплении за ним и его семьёй неделимого отрубного участка из состава государственных земель. Преимуществом при этом пользовались лица с опытом сельскохозяйственных работ. Земля могла выделяться как по месту жительства просителя, так и в других регионах страны (что требовало создания единой базы данных и взаимодействия всех землеустроительных комиссий). Если проситель соглашался с предложенным вариантом, участок регистрировался в землеустроительной комиссии, в ведении которой он находился, при этом взимался регистрационный сбор в размере 5 руб.; после чего, при посредстве той же комиссии, наделённый землёй мог получить в Крестьянском и Сельскохозяйственном банках ссуду на строительство дома, обзаведение хозяйством и мелиоративные работы.

Получивший участок был обязан поселиться на нём и в течение двух лет с момента регистрации начать его обработку (хотя бы 20% общей площади), в противном случае земля могла быть передана другому лицу. Через пять лет после регистрации участок закреплялся в собственность за главой обрабатывающей его семьи, а в случае его смерти – за семьёй. При этом взималась пошлина в размере 1 руб. с каждой десятины земли, владелец участка должен был также выплатить государству его рыночную стоимость (расчёт предусматривалось производить в соответствии с пра-

вилами, по которым Крестьянский банк продавал приобретённые им земли). Данная процедура могла быть произведена и спустя два года с момента регистрации, для чего требовались постоянное проживание на участке и его полное хозяйственное освоение. Разрешался также перевод в разряд семейного заповедного любого находящегося в частной собственности и нигде не заложенного земельного участка, для этого было достаточно ходатайства его владельца и уплаты им 5-рублёвого сбора.

В собственности землевладельца мог находиться только один заповедный участок размером от 1 до 50 десятин. Его нельзя было разделить, подарить, продать, заложить у частного лица или в любом учреждении, помимо Крестьянского и Сельскохозяйственного банков, а также описать и продать за долги, кроме возникших до установления заповедности собственного участка. Землеустроительная комиссия определяла состав находящегося на участке недвижимого и движимого имущества, не подлежащего добровольному или принудительному отчуждению за долги, его стоимость ограничивалась 1 тыс. руб. При просроченной без уважительных причин (к ним относились тяжёлая болезнь и смерть главы семьи, неурожай, падёж скота) задолженности указанным банкам они могли ходатайствовать перед землеустроительной комиссией о передаче прав на участок от главы обрабатывающей его семьи другому её члену или взятии участка под опеку. Это право имели и все члены работающей на участке семьи.

Наследовал участок старший в роде (ближайший к наследованию по закону), на его обязанности было содержание престарелых (до их смерти) и малолетних (до совершеннолетия или замужества, при условии совместного проживания и участия в ведении хозяйства) членов семьи; он имел право по своему усмотрению отказаться от участка в пользу другого члена семьи. Наследниками первой очереди были сыновья владельца участка, лишь при их отсутствии в право наследования вступали дочери. Кроме земли, при наследовании не подлежали разделу хозяйственные постройки, скот и инвентарь, перечень которых устанавливала землеустроительная комиссия; имущество, не вошедшее в него, наследовалось в соответствии с существующим законодательством (в чём не участвовал получивший заповедную землю). Не имеющий законных наследников в прямой нисходящей линии владелец участка мог завещать его любому участвовавшему в ведении хозяйства члену семьи. При малолетстве наследников участок поступал в распоряжение их опекуна или сдавался в аренду землеустроительной комиссией до достижения ими совершеннолетия. В случае отсутствия или неявки в течение года после смерти владельца заповедного участка его законных наследников, а также отсутствия завещания, участок поступал в собственность казны и распоряжение местной землеустроительной комиссии.

Такова суть разработанного Мигулиным в начале XX в. законопроекта, с реализацией которого он связывал надежды на урегулирование земельных отношений, эффективное проведение аграрной реформы и повышение благосостояния российского крестьянства. Те же задачи стоят перед нами и в начале XXI в., поэтому в заключение выделим аспекты предложенной учёным концепции решения земельного вопроса, которые актуальны и сегодня.

Земельный вопрос для нашей страны на современном этапе её развития является одним из острейших и трудноразрешимых. В ходе начатой в 1990 г. аграрной реформы не был соблюлён основополагающий принцип, из которого исходил Мигулин: в процессе перераспределения земель сельскохозяйственного назначения уделять главное внимание увеличению производства продуктов питания, а не проблеме смены собственника земли как таковой. Как и в начале XX в., выбор сделали в пользу мелких единоличных форм хозяйствования (не создав при этом условий для их существования (не говоря уже о развитии) и наращивания ими производства), от крупных коллективных хозяйств отказались именно потому, что они коллективные, а не потому, что неэффективные.

В результате – резкое снижение производства сельскохозяйственной продукции и, как следствие, увеличение её импорта. К середине 1990-х гг. проблема приобрела такие масштабы, что даже появился термин «продовольственная безопасность страны»; ввоз продуктов питания и сельхозпродукции устойчиво занимает вторую позицию в структуре отечественного импорта, его абсолютный показатель возрос с 25,3% в 1996 г. до 26,5% в 2000 г. [36, с. 53] (даже при тех благоприятных условиях, которые создал для российского производства кризис 1998 г.). И неудивительно, если учесть, что с 1990 по 1998 г. площадь сельскохозяйственных угодий сократилась на 35,2 млн га, или на 16,5%, а поголовье крупного рогатого скота за тот же период уменьшилось в 1,5 раза, оказавшись почти на уровне 1916 г. (что касается числа коров, то тут мы значительно ему уступаем) [48, с. 38, 40].

Начиная с 1992 г., когда вышел Указ Президента РФ о выделении долей (паёв) из состава колхозных земель, массовое распространение получила аренда сельхозугодий, при которой, как подчёркивал Мигулин, практикуется наихудшая система земледелия. Только 20% владельцев земли реально на ней работают, да другого результата и не приходилось ожидать, поскольку при раздаче паёв землю получили не только члены трудовых коллективов сельхозпредприятий, но и проживающие в сельской местности пенсионеры, работники торговли, учреждений здравоохранения, образования и культуры, сотрудники правоохранительных органов и другие категории населения. Как и столетие назад, эксплуатация

земли осуществляется без применения удобрений (на которые у многих фермеров просто нет денег), с использованием примитивных сельскохозяйственных орудий и техники, арендаторы (за редким исключением) не вкладывают капиталов во временно принадлежащие им земельные площади. Произошло повсеместное истощение почв, особенно пашни: содержание в них гумуса опустилось до предельно минимального уровня (1,3% в Нечерноземье и 5% в Центрально-чернозёмном экономическом районе). В последние годы ежегодный вынос питательных веществ из пашни в пять раз превышает их внесение с минеральными и органическими удобрениями. До минимума снижен накопленный в почвах запас кальция, увеличились площади закисленных почв (включая и чернозёмы, для которых этот процесс раньше не был характерен).

Что касается проблемы частной собственности на землю, её введения в рыночный оборот (введения легального, поскольку «чёрный» земельный рынок давно и вполне успешно существует), которой занимался Мигулин, то она начала разрешаться совсем недавно. Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» был рассмотрен и одобрен Правительством РФ лишь 14 марта 2002 г., 16 мая и 21 июня он принят в первом и втором чтениях Госдумой, 10 июля одобрен Советом Федерации, а спустя две недели – 24 июля утверждён Президентом РФ. В действие же этот Закон вступил только 27 января 2003 г. Предложения о свободной купле-продаже земли в течение более чем десяти лет встречали острое неприятие со стороны значительной части общества, ряда политических партий и движений, представителей законодательной ветви власти. Да и сегодня остаётся немало её противников: вполне обоснованные опасения вызывает перспектива возможного обезземеливания российского крестьянина, сосредоточения сельскохозяйственных угодий в руках немногих крупных собственников.

Думается, что в нынешних условиях разрабатывавшаяся профессором Мигулиным идея индивидуально-семейного владения актуальна как никогда. Введение (при условии тщательной, с учётом современных реалий, проработки законодательной базы) этого юридического института может оказаться чрезвычайно полезным: способствует эффективному проведению земельной реформы, реально обезопасит российского земледельца от разорения, устранил существующий в обществе вокруг данной проблемы конфликт.

4.3. Обязательное государственное страхование посевов от неурожая и мелиоративные работы

Состояние дел в российском сельском хозяйстве на рубеже XIX-XX вв.: экстенсивная полевая обработка земли, преобладающее отсутствие нововведений, регулярные недороды зерновых культур, порождающие

массовый голод, требовало принятия радикальных мер, способных изменить сложившееся положение. Единственно возможным способом стимулировать переход сельских хозяев, особенно крестьян, к интенсивной обработке земли, помочь населению пережить кризисные годы профессор Мигулин считал государственное страхование посевов от неурожая, о необходимости которого он заговорил в 1902 г. Учёный настаивал на том, что для России – «это задача первостепенной важности, важнейшая её *социальная* задача в интересах экономического развития населения и обеспечения его труда...» [128, с. 1197].

Предлагая созданную им систему данного вида страхования, Пётр Петрович всегда упоминал о своём предшественнике – Л.И. Грассе, который первым в России серьёзно затронул и разработал саму идею страхования урожаев. Проект Грасса получил известность в начале 90-х гг. XIX в. [33, 34]. Тогда же для его рассмотрения под председательством В.К. Плеве была создана вневедомственная комиссия с участием приглашённых специалистов и сельских хозяев, отнесшаяся к проекту, по словам Мигулина, с предубеждением и чисто чиновничьим равнодушием, признавая его неосуществимым и не решающим продовольственного вопроса. Учёный отмечал, что одной из причин негативного отношения была сложность предложенной Грассом системы страхования. В результате, как он писал, труд этот – плод целой жизни выдающегося человека – пропал совершенно даром, т.к. у нас не успели даже толком обсудить столь грандиозный и важный вопрос.

Мигулин прекрасно осознавал сложность (при слабой научной разработке вопроса) постановки дела на прочную основу, он знал, что частичные попытки введения государственного страхования посевов были осуществлены лишь в Баварии, Болгарии и Японии. И всё же не считал это причиной, по которой надо отказаться от воплощения в жизнь данного проекта: «Неужели новое, неиспытанное столь страшно? ... Неужели же мы утратили совершенно творчество, боимся сказать *своё* слово? Но если так, России действительно конец: на чужой счёт долго не проживёшь, и на чужих мыслях и только чужом опыте далеко не уедешь» [86, с. 91].

Институт страхования, построенный на принципе распределения затрат по возмещению потерь от неблагоприятных событий на возможно большее количество лиц, в том числе и не пострадавших от бедствия, Пётр Петрович называл одним из наиболее полезных и благотворительных для человечества. Здесь ярко проявляется взаимодействие людей, сознание общности их интересов и поглощение интересов индивидуальных социальными. Учёный считал, что только при совершенной системе страхования человек может жить спокойно, не опасаясь за своё будущее и будущее близких ему людей, в этом случае он чувствует живую связь с обществом, зна-

ет, что его личная беда – это беда всего общества. Он предполагал, что правильная постановка и развитие страховых институтов послужат для разрешения многих, если не всех, социальных проблем [132, с. 140]. А повышение благосостояния российского земледельца он всегда считал важнейшей социальной задачей нашего правительства.

В рассматриваемый период страховое дело в России уже стало достаточно стабильно функционирующей отраслью народного хозяйства. В этой сфере работали отечественные и иностранные акционерные общества, городские взаимные (страхование движимого и недвижимого имущества) и земские страховые (сельскохозяйственное страхование) общества. Через пенсионные кассы осуществлялось государственное страхование горнорабочих (с 1861 г.) и железнодорожников (с 1888 г.). В 1905 г. к заключению договоров страхования жизни со своими вкладчиками приступили государственные сберегательные кассы [186, с. 563-564]. К концу XIX в. на долю акционерных компаний приходилось около 70% страховых платежей, в органы земского страхования их поступало около 17% (подробнее о том, из чего складывалась эта цифра – чуть позже) и ещё около 13% составляли долю организаций взаимного страхования [51, с. 18-19].

Что касается интересующей нас аграрной сферы, то связанное с ней страхование от градобития появилось в прибалтийских губерниях в 1831 г., страхование животных – к 1839 г., но развивались эти операции очень слабо. После крестьянской реформы 1861 г. многие земледельцы стали собственниками определённого имущества, что вызвало необходимость создания земского (в добровольной и обязательной формах) страхования. Частные и общественные сельские постройки, находившиеся в черте крестьянской оседлости, подлежали обязательному страхованию; эти операции были начаты в 1866 г. новгородским и ярославским земствами, через год они осуществлялись земствами 19-ти, а через десять лет – 34-х губерний. Непосредственное руководство страхованием возлагалось на губернские земские управы. В 1867 г. страхование было введено и в неземских губерниях, в роли страховщика здесь выступали губернские по крестьянским делам присутствия, а также губернские и областные правления.

Начиная с 1894 г., после опубликования Положения о надзоре за деятельностью страховых учреждений и обществ, страховое дело в России было подчинено государственному контролю, сыгравшему положительную роль в укреплении страховой системы страны.

Однако вернёмся к проекту государственного страхования посевов от неурожая, составленному Мигулиным. Впервые, как уже было сказано, он обратился к этой теме в 1902 г. Учёный планировал, что страхование может осуществляться при помощи городских взаимных, страховых земских, частных акционерных обществ и других существующих страховых

организаций, в форме одного громадного треста с государством во главе. Предметом его деятельности должны быть все виды страхования: движимого и недвижимого имущества от огня, скота от падежа, зерновых культур от градобития и неурожаев, помимо этого – страхование жизни, пенсионное страхование и т.д. Определённая часть страхования должна стать обязательной, государство при этом понесёт известные жертвы; сюда профессор относил страхование крестьянских урожаев на наделной земле, крестьянских усадеб, страхование фабричных и заводских рабочих, прислуги, хотя он замечал, что это дело вряд ли потребует от государства крупных расходов, скорее даст ему новые доходы, во всяком случае, избавит от больших затрат на продовольственную помощь голодающим в годы неурожая. При развитии страхования Мигулин видел возможность не только улучшить положение населения, но и укрепить государственный кредит (посредством вложения страховых капиталов в государственные ценные бумаги). Он считал, что поддержка государственного кредита в данном случае превзойдёт по своей значимости его поддержку со стороны сберегательных касс.

Как видим, задача организации страхования поставлена здесь автором чрезвычайно широко, к тому же он пока не делает расчётов по финансовой стороне предполагаемого мероприятия. Позднее (в 1905-1906 гг.) им была осуществлена более детальная разработка вопроса.

Мигулин констатировал тот факт, что против самой идеи страхования почти никто не выступал, сомнения вызывала преимущественно практическая осуществимость проекта. Возражения сводились к следующему:

1. При отсутствии достаточного статистического материала невозможно судить об урожайности какой-либо местности, а без этого нельзя составить правильные страховые таблицы и вычислить рискованные премии. Сначала (за период около четверти столетия) надо систематизировать статистику урожаев, и лишь потом заниматься организацией их страхования.

2. Получив возможность застраховать урожай, сельское население перестанет работать и улучшать приёмы ведения своего хозяйства.

3. Технические трудности организации страхования урожаев слишком велики, чтобы стоило начинать это дело.

По каждому из этих пунктов Мигулин приводил свои контрдоводы:

1. Существовавшую в начале XX в. статистику урожаев он признавал, хотя и несовершенной, но пригодной «для *массовых* расчётов, единственно наукой статистики и допускаемых» [132, с. 142]. Точные статистические данные, по мнению учёного, можно было получить лишь после введения страхования посевов от неурожая, подобно тому, как получили их относительно пожаров, организовав страхование от огня, и относительно болезней и травматизма рабочих, введя их страхование. Организация страхования

урожаев немислима, если дожидаться точной статистики; она (статистика) может быть лишь весьма приближенной, на основании этих, приближенных, данных и возможно страхование. Кроме того, наличие точной статистики по урожайности в различных регионах за определённый период не гарантирует получения таких же результатов в дальнейшем.

2. Принцип любого страхования (дабы избежать злоупотреблений) предполагает, что страховая сумма не приравнивается к возможным потерям страхователя. При наличии сомнений страховые общества принимают на себя ответственность только в $\frac{2}{3}$ возможного убытка, сам же убыток определяют по средним оценкам. Средний показатель урожаев в России составляет всего 30 пуд. зерновых злаков с десятины, т.е. при подобном подходе страхованию подлежат 20 пуд. с десятины. «Такой урожай настолько низок, что ни о каком желании получить его *нарочно*, ради страховой суммы, не может быть речи, всякий хозяин понимает, что урожай в 20 пудов – это жалкий *minimum*, стоящий на грани разорения, при благоприятных же условиях его можно получить в пять раз большим. Норма эта столь низка, что её можно допустить лишь при *обязательном* для всех страховании, с повышением её при *страховании добровольном* за повышенную страховую премию» [132, с. 142].

Однако страхование высоких урожаев может быть допущено лишь при условии улучшенной обработки земли: вспашке под чёрный пар, использовании плугов и железных борон, удобрении, травосеянии, правильном севообороте, искусственном орошении и т.п. Предполагая страховую премию в среднем по 50 коп. с десятины посева при любой обработке земли и обеспечении 20 пуд. урожая, учёный допускал, в зависимости от местности, и более высокие риски за более высокую плату.

Таким образом, страхование посевов от неурожая должно было стать для крестьян побудительным мотивом перехода к интенсивной культуре земледелия, оно наглядно показало бы им реальную выгоду усовершенствованной обработки земли, тогда как в существовавших условиях это было недостаточно очевидно, вследствие уравнивания, при благоприятном стечении метеорологических условий, шансов на урожай при любой обработке земли. В этом Мигулин видел великое экономическое значение страхования урожаев, его важную роль в деле подъёма благосостояния сельского населения, обусловленного улучшением технических приёмов сельскохозяйственной культуры и защитой от последствий неблагоприятного стечения обстоятельств.

Он верил, что страхование уничтожит аграрные волнения и голодные бунты. Недостатки сложившейся системы продовольственной помощи голодающим отпадут сами собой, страховую сумму получают «действительно пострадавшие от неурожая, получают *по праву*, а не из милости, получают в

определённом и вполне достаточном размере» [79, с. 27]. Наблюдавшееся тогда «прилипание к рукам» раздающих продовольствие будет недопустимо применительно к выплатам страховых вознаграждений, поскольку страховому учреждению можно предъявить иск в обыкновенном судебном порядке. В существовавших же условиях защитить крестьян от применяемых к ним злоупотреблений было практически невозможно. Благодаря реализации предложенных учёным мер, отечественное сельское хозяйство должно было превратиться из предприятия, носящего характер крайнего риска, зависящего от множества непредотвратимых случайностей, в серьёзное, правильно поставленное коммерческое дело, где риски обеспечены страхованием. Это привело бы Россию как страну земледельческую к расцвету, поскольку обеспечение рисков сделало бы возможным вложение в землю капиталов, которые в начале XX в. (как, впрочем, и сегодня, столетие спустя) от неё бежали: «Землю перестали бы только истощать и ею только спекулировать, пользуясь беспомощностью крестьян и невозможностью для них приложить где бы то ни было свой труд, кроме земли. С земли не только стали бы брать, но и кое-что в неё вкладывать» [79, с. 27].

3. Технические трудности организации страхования посевов от неурожая, по мнению Мигулина, были сильно преувеличены. Всю посевную площадь (страхование предполагалось обязательным для всех землевладельцев, а не только для крестьян) необходимо было обязательно застраховать в местном земстве, уплатив около 50 коп. с десятины (внеся их наряду с обязательными платежами по страхованию от огня), что заменило бы продовольственные сборы. Уплату премии с посевной, а не любой (в том числе находящейся под паром или неудобной) земли учёный считал не столь обременительной, как это могло показаться поначалу; при помощи же кредитных учреждений (его подход к рациональной организации кредитной системы будет рассмотрен в пятом параграфе данной главы), которым исправность платежа обеспечила бы страховая сумма, она ещё более облегчалась.

Хозяева, желающие застраховать бо́льший, чем обязательно страхуемый, урожай, должны были заявить об этом страховому агенту, представив ему доказательства того, что земля обработана и засеяна усовершенствованным способом. Проверка этих данных, как подчёркивал Мигулин, для компетентного лица не представляет особого труда. В зависимости от обработки земли, он допускал на первое время возможность страхования урожая до 100 пуд. с десятины, из расчёта примерно 50 коп. с десятины за каждые 10-20 пуд. сверх обязательно страхуемых 20-ти. Эту премию учёный рассматривал как среднюю, говоря о необходимости варьирования её в различных регионах. Существовавшее частное страхование посевов от градобития, а также убранного зерна, соломы и сена от пожара облегчило бы разработку детального проекта и точного учёта стоимости страхования по-

сегов от неурожая. Несколько сложнее было бы наладить расчёты со страхователями при несении ими убытков, однако и в этом деле Мигулин не был склонен преувеличивать предстоящие трудности.

Страхователь, желающий получить страховое вознаграждение, был обязан заявить об этом страховому агенту перед началом уборки, дав ему возможность приблизительно оценить урожай, чтобы потом сопоставить эти данные с полученными после жатвы. Возможные при этом ошибки Пётр Петрович оценивал как весьма небольшие, поскольку в то время страховые агенты, принимая на страх от огня убранный хлеб, количество его определяли без особых затруднений и с небольшой погрешностью, ещё на корню. Возможные злоупотребления, по мысли Мигулина, устранялись потерей страхового вознаграждения и общественным контролем («Страхование урожаев должно быть государственным в виде *объединённого земского*, т.е. носить государственно-общественный характер (земство принимает на страх, государство – функционирует как общество перестрахований)...» [79, с. 29]). В роли страховых агентов он видел не чиновников, а земских людей из сведущих хозяев, в том числе и из крестьян.

Финансовую сторону предстоящих нововведений учёный представлял себе следующим образом. Исходя из расчёта, что подлежащая страхованию (посевная, включая занятые корнеплодами земли, а также луговая) площадь составляет от 80 до 120 млн десятин, взнос страховой премии (определяемой им в среднем по 1 руб. с десятины, т.е. предполагалось страхование среднего урожая в 30-40 пуд. с десятины) он исчислял в 80-120 млн руб. ежегодно. Сравнительно хороший урожай в 72 губерниях и областях Европейской и Азиатской России дал в 1904 г. 3 422 млн пуд. зерна, стоимость которого, при средней цене на местах 50-60 коп. за пуд, не превышала 1 800 млн руб. Поскольку посевная площадь в этом году составила 82,4 млн десятин, то средний урожай равнялся приблизительно 40 пуд. с десятины. Если бы страхование осуществлялось из расчёта $\frac{2}{3}$ собранного зерна, то получалось 1 200 млн руб. – на эту сумму и был бы застрахован урожай, т.е. около 14,5 руб. на десятину. По 1 руб. с десятины посевов страховая премия составила бы 82,4 млн руб., т.е. в среднем более 6,5% страховой суммы (тогда как, по свидетельству Мигулина, при страховании имущества премия в 50 руб. на 1 тыс. руб. страха считалась в то время совершенно исключительной, а ведь это только 5%), что обеспечивает покрытие очень больших рисков. Итак, с финансовой точки зрения проект страхования посевов от неурожая, по мнению учёного, был вполне реализуем.

И всё же он не был склонен к абсолютно безоблачному видению ситуации, не отрицая, что риск потерь есть, особенно в первые годы, когда ещё не будет накоплен значительный капитал, тем более в случае неурожая. Однако государство ежегодно тратило колоссальные суммы на продо-

вольствие для населения пострадавших от неурожая регионов (об этом подробно говорилось в третьем параграфе третьей главы нашего исследования), теряло на недоимках по сбору налогов, на подрыве сил голодающего народа. Мигулин писал о том, что потери всё равно есть, но они иначе распределяются, приносят иные результаты. В кризисные годы основная тяжесть лежала на крестьянах-земледельцах, при введении же страхования посевов от неурожая она распространилась бы также на средних и крупных землевладельцев. Бремя платежей перераспределилось бы: заработавшие на урожае внесли деньги за потерпевших от стихийного бедствия, государство получило в своё распоряжение новые средства для помощи голодающим.

Понимая, что организовать обязательное страхование сразу от всех видов стихийных бедствий не просто сложно, но невозможно, Мигулин предлагал начать со страхования от тех из них, которые не носят массового характера и не могут быть предотвращены никакими техническими мероприятиями. Кроме того, наиболее рационально было бы начать с уже существующих видов страхования, а именно – со страхования от градобития; затем вполне безопасно допустить страхование от наводнений и опустошительных ливней. Вторым этапом, по мысли Петра Петровича, должно было стать введение страхования от мглы и суховеев как явлений также непредотвратимых никакими техническими усовершенствованиями. В последнюю очередь он предлагал организовать страхование от разного рода вредителей и засухи, поскольку с этими стихийными бедствиями возможно бороться. При этом учёный отмечал, что в данном случае допустимо страхование только в пределах произведённых на посевы затрат, иначе энергия и изобретательность сельских хозяев в борьбе с вредителями и засухой были бы «до известной степени парализованы».

В подобной постановке вопрос об организации обязательного государственного страхования посевов от неурожая, как подчёркивал Петр Петрович, не казался столь грандиозным и неосуществимым, каким он представлялся при решении проблемы с точки зрения продовольствования голодающих, как это делал в своём проекте Грасс. «Страхование есть именно страхование от убытков, а не что-либо другое, – писал Мигулин. – Страховать можно от последствий известных явлений, независимых от воли человека. Если можно страховать своё имущество, тот же самый урожай, сельскохозяйственные постройки, инвентарь и т.д. от огня, скот от падежа, то почему нельзя застраховать тот же урожай от градобития, наводнения, мглы и проч.» [102, с. 3].

Теперь обратимся ко второй мере, которая, по мнению учёного, была способна нейтрализовать негативное влияние природно-климатических условий на состояние дел в аграрном секторе экономики. Как уже говорилось в третьем параграфе третьей главы нашего исследования, он регу-

лярно обращался в своих работах к экологическим проблемам, решение которых считал возможным посредством проведения широкомасштабных мелиоративных работ. Мигулин отмечал, что в данном деле нельзя медлить, ограничиваясь постепенными, ничтожными, сравнительно с потребностью в них, работами Министерства земледелия, земства и частных лиц.

Он указывал на потребность в облесении засыпанных песком территорий Европейской России и укреплении берегов мелеющих рек общегосударственного значения. Эти работы, по мнению учёного, государство должно производить непосредственно своим распоряжением и за свой счёт. При стоимости, по расчётам Министерства земледелия, облесения десятины песка в 16 руб., на столь важное мероприятие требовалось затратить около 80 млн руб. [101, с. 23]. Мигулин подчёркивал настоятельную необходимость этих ассигнований, источник которых видел в ежегодно растущих доходах от ведения государственного лесного хозяйства. В данной сфере, несмотря на её высокую доходность, дела шли далеко не лучшим образом: бóльшая часть лесных площадей, за неимением средств, не только не эксплуатировалась, но даже не была обследована и описана, там же, где разработки велись, применялись примитивные методы. Варварски истреблялись, ухудшая климат страны, и частные леса, имеющие общегосударственное значение. В связи с этим учёным был предложен ряд мер, направленных на совершенствование ведения казённого лесного хозяйства (о которых говорилось в первом параграфе данной главы).

Грандиозные мелиоративные работы предстояли на территориях, куда шло переселение крестьян из Европейской России: в Средней Азии, Сибири, на Кавказе и Дальнем Востоке. Говоря о развитии переселенческого движения, Пётр Петрович отмечал, что Сибирь, Забайкалье, Приамурский край, Приморская область, как и крайний север Европейской России, почти не заселены, однако бóльшая их часть совершенно не пригодна для этого, в некоторых районах допустимо ведение лесных и горных промыслов, оленеводства, рыболовства, но не земледелия и скотоводства. Пригодные же для этих целей земли давно заселены, а использовать пока пустующие будет возможно только после их подготовки (осушения или орошения).

Работа в данном направлении уже началась: управлением Сибирской железной дороги – в Барабинской и Ишимской степях, некоторыми частными лицами – в Средней Азии. Учёный оценивал полученные ими результаты как блестящие. Только Барабинская степь в Каинском уезде Томской губернии, будучи осушена (при помощи 650 вёрст осушительных каналов), дала 1,3 млн десятин пригодной для переселения земли [126, с. 741; 63, с. 17]. Профессор указывал и на то, что, по последним данным, степная Семиреченская область после орошения может дать более 7 млн десятин превосходной земли. Однако эти работы велись в относительно скромных раз-

мерах и с небольшими затратами. Мигулин настаивал на том, что в будущем они должны быть продолжены в гораздо большем объёме; орошение Закаспийской области водами Аму-Дарьи, Голодной степи – водами Сыр-Дарьи, Степных областей – водами системы Иртыша, Закавказья – водами Аракса, Астраханской губернии – водами Волги; снабжение артезианскими колодцами некоторых ныне безводных районов Сибири, а также осушение лихорадочных местностей Кавказа и Сибири дали бы огромные пространства для развития хлопководства, скотоводства и земледелия.

Учёный считал, что ведение этих работ не должно быть случайным и хаотичным, необходимо составить единый план и прибегнуть для его реализации к крупным займам. Весь комплекс мелиоративных мероприятий может взять на себя государство, однако вполне целесообразно и привлечение к ним частной инициативы; он подчёркивал, что бóльшую часть необходимых работ вполне реально выполнить на средства частных предпринимателей, а не за государственный счёт. Стоимость всех работ по орошению, осушению, лесонасаждению и т.д. оценивалась им в сумму около 500 млн руб., из которых около 250 млн руб. могли быть получены за счёт займов, а остальные 250 млн руб. – за счёт роста налоговых поступлений, неизбежного при создании новых материальных ценностей [135, с. 57].

Особенно подробно Мигулин занимался исследованием проблемы орошения Закаспийской области. По результатам работы посвящённого данному вопросу совещания (см. гл. 1, с. 22), им в соавторстве с Г.П. Сазоновым была составлена записка [145], всесторонне освещающая эту проблему. В ней содержатся данные по необходимым на орошение расходам воды из Аму-Дарьи; расчёты возможной площади орошения; сведения о предполагаемом направлении строительства и протяжённости оросительного канала; анализ состава почв в районах предполагаемого орошения; их климатическая характеристика применительно к условиям хлопководства; приблизительный расчёт предстоящих расходов; прогноз развития хлопководства в данном регионе; указание на возможность выращивания здесь фруктов, табака и чая, развития сахарной промышленности и виноделия.

«Без труда ничто не даётся, труда не боится русский крестьянин, но ему надо *помочь*, а в этом-то и заключается правительственная задача» [86, с. 89], – подчёркивал учёный. Он считал необоснованным существующее мнение о непомерной дороговизне оросительных работ в Средней Азии. Министерство земледелия определяло их в среднем по 60 руб. на десятину, т.е. на орошение 1 млн десятин в районе железной дороги Оренбург-Ташкент требовалось 60 млн руб. Разве это дорого? – спрашивал Мигулин. Он приводил данные о ценах на землю в орошённых районах Средней Азии: стоимость десятины земли доходила там до 3 тыс. руб., и это неудивительно, если учесть стоимость хлопка, выращивание которого было воз-

можно в этом регионе. «А не забудем, – писал Пётр Петрович, – что Россия ввозит сырца-хлопку *из-за границы* на 100 миллионов ежегодно, что же значит единовременная затрата в 60 миллионов руб.!» [86, с. 89].

Однако Отдел земельных улучшений при Министерстве земледелия смог развить в этой сфере весьма скромную деятельность. Мелиоративный фонд Министерства составлял на 1 января 1903 г. всего около 1,6 млн руб. [127, с. 861] – ничтожная сумма, сравнительно с объёмом необходимых затрат, в связи с чем деятельность Министерства, по замечанию учёного, ограничивалась гораздо более благими пожеланиями, нежели приносила серьёзную пользу населению. Положение изменилось, только начиная с 1909-1910 гг. Осенью 1910 г. Главным управлением землеустройства и земледелия был опубликован план освоения Туркестана, основанный на орошении и развитии хлопководства. Первой мерой по его реализации стало орошение Голодной степи (территория современного Узбекистана); сделано это было при помощи Романовского канала (протяжённостью 140 вёрст), законченного в 1913 г. В том же году Государственная дума приняла решение о создании специального фонда в 150 млн руб., из которого в течение пяти лет предполагалось финансировать мелиоративные работы в Европейской и Азиатской России. Предусматривалось осушение 625 тыс. десятин земли, закрепление песков и оврагов на площади 650 тыс. десятин, орошение и обводнение, только за счёт казны, 420 тыс. десятин земли, кроме того, составление проектов орошения, с участием частного капитала, 4 млн десятин земли в Средней Азии [57, с. 132-133, 155]. Мероприятия, о необходимости которых в течение предыдущего десятилетия говорил и писал профессор Мигулин, начали воплощаться в жизнь.

Его предложения представляют большой интерес и на современном этапе развития нашей страны. Поднятая учёным, так и не нашедшая своего разрешения в начале XX в., проблема обязательного государственного страхования посевов от неурожая не утратила актуальности до настоящего времени. Природно-климатический фактор – один из важнейших для земледелия (особенно теперь, в условиях приносящего ежегодные природные катаклизмы глобального потепления): значительная часть российской территории является зоной критического (рискованного) ведения хозяйства. Ежегодно гибнут плоды труда тысяч людей: градом, заморозками, наводнениями, засухой, различными вредителями уничтожаются посевы (не только зерновых культур, на которых было сосредоточено главное внимание Мигулина) на сотнях тысяч гектаров сельскохозяйственных площадей.

Сейчас это не приводит к массовому голоду, но приносит огромные убытки коллективным и единоличным хозяйствам, разоряет многие из них. Так, весна 2002 г. принесла сообщения о сильнейшей засухе в одной

из российских житниц – Краснодарском крае: за полтора месяца (ситуация на конец мая) не выпало ни одного дождя, подобного не было в этом регионе в течение последних сорока лет. Только на озимых культурах потеря будущего урожая предполагалась в размере 25-30% валового сбора. Через месяц регион (кроме Краснодарского края, Ставропольский край и республики Северного Кавказа: Адыгею, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию, Чечню) накрыло вызванное проливными дождями невиданное за последнее столетие наводнение.

Действенного механизма помощи пострадавшим в подобных ситуациях так и не создано, порой всё сводится к единовременным государственным субсидиям и благотворительной помощи со стороны промышленных предприятий, которые далеко не всегда своевременны и не покрывают в полном объёме понесённых сельхозпроизводителями убытков. В течение более чем 10-летнего периода, прошедшего с момента отмены обязательного государственного страхования имущества сельских товаропроизводителей, страхование в аграрном секторе практически не проводится. В 1998 г. вышло Постановление Правительства РФ «О государственном регулировании страхования в сфере агропромышленного производства», согласно которому при Министерстве финансов образовано Федеральное агентство по регулированию страхования в данной области; одной из его главных задач является содействие созданию обществ взаимного страхования. Принято решение о внесении из средств федерального бюджета 50% страховых взносов сельских хозяйств, а также об образовании федерального сельскохозяйственного страхового резерва (в размере 5% от сумм, поступивших по договорам страхования сельскохозяйственных культур).

Тем не менее, сегодня страхование урожаев осуществляется только коммерческими страховыми организациями. Несмотря на то, что отбор страховых компаний проводится на конкурсной основе, а условия и порядок проведения страхования предполагают ряд государственных ограничений, предлагаемое сельхозпроизводителям страхование невыгодно для них. Существующая система высокзатратна для страхователя и высокодоходна для страховщика; она изымает из сельскохозяйственного оборота крупные суммы (полученные в основном за счёт бюджетных средств).

Специалисты в области страхования указывают на необходимость отхода от не удовлетворяющей потребностям сельского хозяйства практики коммерческого страхования [58, с. 58]. В сложившейся ситуации нам представляется целесообразным обращение к идее обязательного государственного страхования, предложенной сто лет назад профессором Мигулиным. Будучи применена (после тщательной, исходящей из современных условий разработки) сегодня, она могла бы быть чрезвычайно полезна для отечественного сельского хозяйства, способствовала бы эффективному проведе-

нию аграрной реформы. Анализом этого вопроса следовало бы заняться именно сейчас, когда проблема развития страхования в нашей стране находится в поле пристального внимания властей: представленная Министерством финансов «Концепция развития российского страхового рынка на период до 2007 г.» рассмотрена Правительством РФ 26 апреля 2002 г.

Что же касается только заявивших о себе во времена Мигулина экологических проблем, то в нынешней России они стоят в полный рост. Чрезвычайно усугубилось положение в последние 10-12 лет, когда у занятых политическими и экономическими вопросами государства и общества не было ни времени, ни средств на их решение. В частности, пристального внимания к себе требует состояние отечественного земельного фонда, необходимо остановить процесс качественно-количественной деградации сельскохозяйственных земель. Площади сельскохозяйственного назначения составляют около 20% от общего количества земель России, но на них приходится более половины общемирового запаса чернозёма; сейчас же пустует свыше 20 млн га пахотных земель, в том числе и относящихся к этой категории. Значительно сократилась площадь наиболее ценных в производственном отношении орошаемых и осушаемых земель: на 24,6 и 8,5% соответственно, в течение 1990-х гг. объём мелиоративных работ упал в 30 раз [35, с. 35-36]. Данная проблема требует государственного вмешательства, для чего необходимы создание единого плана проведения мелиоративных работ и осуществление крупных капиталовложений в данную сферу. Таким образом, предложенный профессором Мигулиным в начале XX в. подход к решению проблемы нейтрализации негативного влияния природно-климатических факторов на состояние аграрного сектора экономики сохраняет свою актуальность и сегодня.

4.4. Облегчение условий экспорта сельскохозяйственной продукции

Развитию отечественной внешней торговли профессор Мигулин уделял первостепенное значение, исходя при этом из следующих положений: «Вся экономическая жизнь страны, всё благосостояние её, а следовательно, и политическое благополучие зависят от развития её производительных сил, показателем которого именно и является то или иное состояние внешней торговли. Самые сильные в политическом и экономическом отношениях страны с наиболее богатым и просвещённым населением имеют и наибольшую внешнюю торговлю» [74, с. 53].

Пётр Петрович указывал на то обстоятельство, что внешняя политика всех государств издавна нацелена на обеспечение рынков сбыта для своей продукции, это нередко приводило к военным конфликтам и государственным переворотам; конкуренция на внешних рынках являлась од-

ной из причин постоянных столкновений различных стран и во времена Мигулина, скрытая и явная борьба шла постоянно, потребительские рынки, по его характеристике, буквально вырывались одними державами из рук других. Учёный был глубоко убеждён в том, что в подобных условиях к нашей стране совершенно неприменимы теории о свободной торговле, которые, впрочем, как он замечал, использовались на практике лишь в Англии (да и то после нескольких столетий господства «свирепого» протекционизма). Мигулин подчёркивал, что внутренняя политика любого государства, борьба партий, научная полемика также непрерывно «вертятся» вокруг важнейшего вопроса о сбыте произведённой в данной стране продукции, поскольку от этого напрямую зависит развитие внутреннего производства, а от уровня его развития — благосостояние населения, имеющего сферу приложения для своего труда. Он отмечал, что каждое государство старается развивать собственную промышленность, как можно больше производить и продавать, при этом как можно меньше покупая.

Крайним проявлением данной тенденции стало зарождение империализма, предусматривающего создание великих, обеспечивающих себя всем необходимым, защищённых от внешней конкуренции империй. Мигулин не разделял этой идеи (хотя и признавал, что с империализмом надо считаться как с фактом современной геополитической ситуации), будучи уверен в том, что никакая страна не должна ставить перед собой невыполнимую задачу самостоятельного удовлетворения всех своих потребностей: товарообмен необходим и неизбежен. Важным является не столько сокращение импорта (напротив, по многим соображениям, нежелательное, поскольку негативно отражается на внешней торговле в целом), сколько подъём производительных сил страны и, как следствие, расширение её экспорта. В этом направлении он и призывал работать.

Российский внешнеторговый оборот в рассматриваемый период постоянно увеличивался: его средний показатель за 1897-1901 гг. составил 1 240 млн руб., за 1902-1906 гг. — 1 529 млн руб. (19% роста относительно предыдущего пятилетия), за 1907-1911 гг. — 2 536 млн руб. (27% роста) [144, с. 207]. Тем не менее, как подчёркивал учёный, в данной сфере не было устойчивого планомерного движения, развитие шло скачкообразно и напрямую зависело от урожая зерновых. Так, в 1903-1908 гг. внешнеторговые обороты составили: 1903 г. — 1 552 млн руб., 1904 г. — 1 538 млн руб., 1905 г. — 1 577 млн руб., 1906 г. — 1 626 млн руб., 1907 г. — 1 693 млн руб., 1908 г. — 1 699 млн руб. (за шесть лет всего 9,5% роста). И лишь следующие, урожайные, годы сделали процесс более динамичным: только по европейской границе в 1909 г. — 2 155 млн руб., в 1910 г. — 2 337 млн руб. (43% роста относительно 1904 г.) [72, с. 6].

Показатели отечественной внешней торговли, особенно в её экспортной части, учёный считал совершенно недостаточными и не соответствующими интересам нашей страны, которая в 1905 г. стояла лишь на восьмом месте в мире по объёму внешнеторгового оборота, а к 1911 г. смогла подняться всего на одну ступеньку вверх.

Необходимость увеличения экспорта Мигулин связывал не только с проблемой развития производительных сил страны, но и с проблемой внешнего государственного долга, отмечая, что он весьма велик и имеет тенденцию к непрерывному росту. Без дешёвого иностранного капитала Россия ещё не могла обойтись, его оплата производилась за счёт поставляемых на экспорт товаров, количество которых должно было быть достаточным для этого, в противном случае приходилось увеличивать внешнюю задолженность «уже исключительно ради оплаты процентов по старым займам, а не для дальнейшего расширения туземной промышленности» [74, с. 57-58]. При этом Пётр Петрович акцентировал внимание на том, что расширение экспорта должно осуществляться главным образом в те страны, которые являются держателями наибольшего количества российских долговых обязательств, т.е. в страны Западной Европы.

Достоинством подражания учёный считал опыт, который накопила процветающая и диктующая свою волю всему миру Северная Америка, поставляя на внешний рынок преимущественно продукты сельского хозяйства (более 60% от общего объёма экспорта) и погасив внешние долги за счёт крупного превышения вывоза собственной продукции над ввозом иностранной (положительное сальдо торгового баланса США в некоторые годы достигало 1 млрд руб.). Мигулин настаивал на том, что нам необходимо следовать этому примеру, ибо Америка сильна именно производством сельскохозяйственной продукции, основанным на экстенсивной эксплуатации огромной земельной площади.

Россия, по его подсчётам, ежегодно тратила на обслуживание внешнего долга 250-300 млн руб. (напомним, что подход учёного к этой проблеме отличался от общепринятого, его данные выше приводимых другими исследователями и официальной статистикой), эта сумма была необходимым минимумом превышения отечественного экспорта над импортом. Наш идеал он видел в вывозе товаров на сумму, достаточную не только для оплаты процентов по внешним долгам, но и для постепенного их погашения, поскольку лишь это может дать России экономическую независимость. На практике в рассматриваемый период дело обстояло следующим образом: в 1893-1897 гг. средний показатель превышения отечественного экспорта над импортом составил 139,5 млн руб., в 1898-1902 гг. – 122 млн руб., лишь с 1902 г., как писал Мигулин, мы получаем приличные цифры: 1902 г. – 261 млн руб., 1903 г. – 319,5 млн руб., 1904 г. (только по европейской гра-

нице) – 371,5 млн руб., 1905 г. – 464,7 млн руб. [103, с. 32], в 1907- 1911 гг. этот показатель составил 394 млн руб. [144, с. 207]. Он отмечал, что обозначившуюся тенденцию надо закрепить и способствовать её развитию.

Главным предметом российского экспорта являлась сельскохозяйственная продукция, в которой преобладали зерновые хлеба; на данную сферу, по мнению Мигулина, и должно было обратить своё пристальное внимание государство. Тем не менее, указывая на крайнюю степень дезорганизации отечественной хлебной торговли и недопустимость сохранения подобного положения в дальнейшем, он был категорически против введения государственной хлебной монополии, подчёркивая, что государство нигде хлебом не торгует и никогда не торговало. О хлебной монополии можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Россия являлась единственной поставщицей хлебного рынка. Однако она конкурировала с рядом могущественных соперников, находящихся в гораздо лучших естественных условиях, следовательно, о монополии на то, что не являлось предметом монопольного обладания, не могло быть и речи.

Учёный не разделял и высказываемых в адрес правительства предложений об организации и регламентации хлебной торговли. На фоне засорения вывозимого за рубеж хлеба, снижающего цены на него и подрывающего репутацию России как добросовестного экспортёра, от властей требовали учреждения правительственной инспекции хлебной торговли. Мигулин считал, что при отсутствии солидных фирм, которые, дорожа своим добрым именем, отвечали бы за качество отпускаемого продукта, эта мера не может дать положительных результатов. Мелкий комиссионер, как он подчёркивал, ни за что не отвечает, так как у него нет торгового имени и с него нечего взять. При преобладающей в России рассматриваемого периода раздробительной (повагонной) продаже хлеба за границу введение инспектора, с точки зрения учёного, могло лишь внести в торговлю дополнительные сложности, а также дать новый повод для развития взяточничества. Он придерживался того мнения, что «ни создавать, ни организовывать торговлю, где бы то ни было, не есть дело правительства. Кроме путаницы в торговле, её окончательного расстройств, злоупотреблений и растраты казённых ресурсов из такой попытки ничего не выйдет» [93, с. 170].

Пётр Петрович считал, что единственное, о чём может идти речь, это об оказании правительством широкого содействия частным лицам, занимающимся производством и торговлей зерном и хлебными продуктами: об упорядочении транспортировки грузов и оборудовании портов; о строительстве складских помещений и элеваторов; о более выгодной для экспортёров тарификации грузовых перевозок; о таможенном покровительстве отечественному сельскому хозяйству; о более выгодных торговых договорах; о создании благоприятных условий для объединения про-

изводителей хлеба и хлеботорговцев; об изменении торгового законодательства и т.д. Всё это является прерогативой государственной, а не частной деятельности, однако данные меры, по утверждению Мигулина, не есть организация хлебной торговли, а только содействие ей.

Учёный указывал на необходимость налаживания практически отсутствовавшего общения между производителями хлебных продуктов, считая, что сельские хозяева, при должной организации, могли бы диктовать цены экспортёрам, особенно, когда Европа нуждалась в российском хлебе вследствие задержки поставок из Америки. Он полагал допустимым существование уездных съездов землевладельцев (с учреждением статистических бюро при земских управах), составляющих реально обоснованный прогноз на предстоящий урожай и устанавливающих отпускные цены на сельскохозяйственную продукцию, которых следовало бы придерживаться производителям данного уезда. Съезды могли бы иметь за свой счёт центральный орган, куда поступали бы сведения о состоянии хлебного рынка и в рамках которого стала бы возможна разработка схемы цен для всех регионов. Мигулин предусматривал наличие взаимных обязательств товаропроизводителей, обеспечивающих соблюдение соглашения между ними; в этом случае, по его мнению, подрыв цен мелкими землевладельцами был бы невозможен, т.к. выгода высоких цен слишком очевидна, чтобы кто-либо пошёл против собственных интересов, имея шанс их соблюсти.

Идеальным вариантом, с точки зрения учёного, было бы образование особого хлебного синдиката, который, войдя в соглашение с американскими экспортёрами (с которыми, как он подчёркивал, нам рано или поздно надо будет столкнуться по разным экономическим вопросам), мог бы повлиять на урегулирование мировых хлебных цен и отмену западноевропейскими государствами высоких, почти запретительных, пошлин на ввозимые к ним сельскохозяйственные продукты.

Однако Мигулин признавал, что в существовавших на рубеже XIX–XX вв. в России условиях, при инертности отечественных сельских хозяев, подобный план являлся фантазией. «Но эта фантазия легко перешла бы в область действительности, – писал он, – если бы было образовано объединяющее учреждение для помощи сельскому хозяйству и торговли его продуктами» [103, с. 38]. Это должно быть не новое министерство или что-либо подобное, а Сельскохозяйственный банк, который снабдит кредитом сельское хозяйство и возьмёт на себя организацию экспортной хлебной торговли (к подробному рассмотрению данного предложения профессора мы обратимся в следующем параграфе). Создание обеспеченного сбыта сельскохозяйственной продукции и предоставление кредита для её производства он считал одним из важнейших способов улучшения благосостояния сельского населения.

Росту цен на отечественную сельскохозяйственную продукцию должно было способствовать и предотвращение массового осеннего выброса зерна на рынок путём предоставления производителям и торговцам возможности придержать хлеб в случае резкого падения цен, вызванного его усиленным предложением. Для этого Мигулин рекомендовал создать сеть дешёвых складов долгосрочного хранения и организовать в них, как и в складах частных владельцев, выдачу дешёвых ссуд под хлеб.

Он указывал на настоятельную потребность в строительстве новых и реконструкции существующих элеваторов, допуская использование в этих целях средств Государственного казначейства. Крупные, правильно оборудованные элеваторы Пётр Петрович считал необходимым строить только в портах и на больших узловых железнодорожных станциях, подчёркивая, что другое их месторасположение нерационально, вследствие отсутствия обезличения зерна, невозможного при современном состоянии отечественного сельского хозяйства и отсутствии срочных сделок. На остальных железнодорожных станциях учёный предусматривал увеличение числа складов, рассчитанных на длительное хранение зерна и, по возможности, приспособленных для его очистки, а в ряде случаев и обезличения (особенно серого, крестьянского).

Расширение сети зернохранилищ на железнодорожных станциях, по мнению Мигулина, было довольно легко реализуемо. Он отмечал, что большинство управлений российских железных дорог имело планы строительства новых и реконструкции уже имеющихся складов. С финансовой точки зрения предстоящее мероприятие, по расчётам учёного, также не встречало значительных препятствий. Он считал необходимым наличие складских помещений вместимостью до 200 тыс. железнодорожных вагонов (в то время как наибольшие объёмы хлебных залежей в первое десятилетие XX в. чуть превышали 100 тыс. вагонов), т.е. до 500 тыс. кубических саженьей. Затраты на строительство каменных складов составляли в рассматриваемый период около 100 руб. на кубическую сажень, следовательно, общая сумма расходов достигла бы 50 млн руб. Более 2,5 млн руб. ежегодно приносили специальные отчисления от сборов за перевозку железнодорожных грузов, предназначенные на строительство и содержание железнодорожных складов. Искомые 50 млн руб. Пётр Петрович предполагал получить путём займа, капитализируя 2,5 млн руб. из расчёта 4,5% годовых.

Оптимальным он считал опыт Западной Европы, где железные дороги принимали грузы только для отправки, а не для хранения, которое Мигулин находил возможным передать в ведение специально созданной для этого организации или акционерного общества; хотя, признавая сложность такого решения проблемы, не настаивал на нём, допуская оставление хранения зерна в распоряжении железных дорог, но как особой операции. При этом

он подчёркивал, что хранение и очистка зерна должны быть только платными, а под находящийся в складах хлеб необходимо организовать выдачу льготных ссуд. Вместо имевших хождение в начале XX в. дубликатов накладных учёный предлагал выдавать владельцам хранящегося в железнодорожных складах зерна варранты, что обеспечило бы возможность проведения с этим зерном торговых операций и облегчило получение ссуды.

Подобную практику Мигулин предлагал распространить и на хлеб, хранящийся в амбарах сельских хозяев, используя при этом накопленный в данной области опыт Франции, где эта система действовала с конца 90-х гг. XIX в. Там каждый владелец зерна мог обратиться к мировому судье, который осуществлял выдачу удостоверений, подтверждающих, что в складских помещениях их предъявителей имеется определённое количество зерна известного сорта и качества. Достоверность сообщаемых владельцем хлеба сведений обеспечивалась их проверкой и уголовной ответственностью за предоставление ложной информации. Корешок, оставшийся в специальном журнале после выдачи удостоверения, играл роль варранта и содержал все сведения о произведённых с зерном операциях. «Словом, получается упрощённая система публичных складочных мест с их удобной для оборота варрантной системой, при которой возможны и залог, и продажа находящегося на складе продукта» [93, с. 174], – резюмировал Мигулин.

Такая система, без излишних формальностей, делала возможным получение ссуды по товарному документу на месте, у себя в амбаре; продажа сельскохозяйственных продуктов также осуществлялась по документам и не тормозилась, если владелец товара брал под них ссуду в банке (как это было в России, где заложенный продукт запрещалось продавать); в данном случае лишь не допускалась передача проданного продукта покупателю до погашения ссуды продавцом. При этом нововведении Государственный банк получал удобную форму переучёта товарных документов, учтённых частными банками и мелкими кредитными учреждениями. Облегчалось удержание зерна от массового выброса его на рынок в осенний период, железные дороги освобождались от ставших привычными хлебных залежей.

Разгрузив рельсовую сеть, надо было заняться её расширением. Мигулин считал обязательным составление общего плана строительства наиболее необходимых России железных дорог: магистральных линий и подъездных путей. Однако страна нуждалась не только в рельсовой сети: «Следовало бы вообще принять за правило, что постройка каждой новой ж.д. линии должна сопровождаться постройкой известного количества необходимых для неё ширококолейных и узкоколейных подъездных ж.д. путей и шоссе, и, хотя этим путём расходы по сооружению такой ж. дороги будут удорожены, но зато и польза от неё для экономического развития прорезываемого ею района, по крайней мере, удвоится» [125, с. 422].

Строительство шоссе, по мысли учёного, также должно было осуществляться в соответствии с выработанным заранее общегосударственным планом. Он предусматривал ежегодное ассигнование на эти нужды до 20 млн руб. из средств Государственного казначейства, что позволило бы сооружать около 2 тыс. вёрст дорог (при стоимости строительства версты в 10 тыс. руб.). Кроме того, до 1 тыс. вёрст могли прокладывать земства за счёт средств, поступивших в их распоряжение после того, как в 1895 г. Государственное казначейство взяло на себя расходы по содержанию органов мировой и судебно-административной юстиции (в первый же год это преобразование высвободило в земских губерниях порядка 5,8 млн руб. и в не-земских – 2,4 млн руб. [126, с. 615]). Мигулин считал также необходимым вменить в обязанность железным дорогам, как функционирующим, так и строящимся, сооружение шоссе-подъездных путей (до 2 тыс. вёрст ежегодно). Таким образом, страна получала бы каждый год около 5 тыс. вёрст новых шоссе-подъездных дорог; учёный рассматривал это количество как минимум того, что требовалось обстоятельствами.

Наиболее же благоприятным он считал вариант развития событий, при котором в течение десяти лет в России была бы построена сеть шоссе протяжённостью около 100 тыс. вёрст, для чего из сумм обыкновенных государственных доходов в первый год было бы выделено 64,5 млн руб., с дальнейшим ежегодным увеличением суммы затрат на 10% (в соответствии с ростом государственного бюджета). Всего на этот проект потребовалось бы около 1 млрд руб.

Кроме необходимости расширять дорожную сеть страны как таковую, Мигулин указывал на то обстоятельство, что шоссе необходимы, помимо рельсовых путей, ещё и в связи с возможным будущим автомобилями: «В настоящее время (1902 г.) автомобили ещё только испытываются как серьёзное средство передвижения, но уже есть известие об изобретении Эдисоном электрического мотора большой силы и очень продолжительного действия (аккумулятор), ...предвидится переворот в средствах передвижения очень серьёзный, от которого мы за неимением обыкновенных дорог останемся в стороне» [126, с. 616]. Он подчёркивал, что дело настолько важно, что совершенно не позволяет ждать. Если до сих пор Россия могла кое-как обходиться грунтовыми дорогами, то лишь благодаря климату, дающему возможность зимой пользоваться санным путём, тем не менее, недостаток шоссе всегда давал о себе знать и должен был сказаться с особой силой, когда нашей стране пришлось бы конкурировать с государствами, в которых налажено автомобильное движение по шоссе.

Не меньшего внимания требовало к себе и состояние водных путей; как писал в начале 1908 г. Мигулин: «Возможность улучшения водного пути из Балтийского в Чёрное моря с помощью каналов и шлюзирования

рек не подлежит сомнению, соединение Каспия с Чёрным морем водным путём также не представит, по мнению специалистов, особых затруднений. Удивительно отсутствие до сих пор канала между Доном и Волгой, ещё более удивительно неурегулирование Волжской и Донской речных систем... Совершенно осуществим водный путь (с помощью сети каналов) через всю Сибирь к Тихому океану. Этот водный путь дал бы *дешёвый* выход сибирским грузам к портам Балтийского и Белого морей, что так настоятельно теперь необходимо» [135, с. 55].

Реализация этих мероприятий требовала огромных капиталовложений, но учёный подчёркивал, что истраченные средства остались бы целиком в России, увеличив заработки её населения, а результаты, которые в перспективе дали бы подобные расходы, он называл неисчислимыми: значение для экономического развития России создания разветвлённой сети водных путей было трудно переоценить. Однако к очерченному Мигулиным кругу работ страна приступила гораздо позже: так, Волго-Донской судоходный канал был достроен лишь в 1952 г., а началось его сооружение перед началом Великой Отечественной войны.

Задачей первостепенной важности Пётр Петрович считал и развитие российского торгового флота. Опираясь на опыт имеющих мощные торговые флотилии стран, он рекомендовал создание нескольких, находящихся под правительственным контролем, крупных парокходств, другими словами, было необходимо привлечение к судоходству крупного капитала, «но без его антисоциальных отрицательных черт (устраняемых именно вмешательством правительства для защиты общественных интересов)» [72, с. 54]. Новые крупные парокходства должны были создаваться не на пустом месте; основой для них могли послужить уже существующие предприятия, на поддержку которых и обязано было обратить внимание государство.

Первой и важнейшей мерой Мигулин называл субсидирование необходимых в национальных интересах срочных рейсов, к которому, по его замечанию, у нас относились с предубеждением. Между тем, только установление срочного сообщения с иностранными портами, в которые направлялась российская экспортная продукция, и могло создать отечественный торговый флот. Нельзя было и дальше ограничиваться лишь южным направлением, а именно: Турцией, Болгарией и Египтом. Количество рейсов, осуществляемых в эти страны, необходимо было увеличить, присоединив к ним сообщение с южными портами Персии, а главное — связав срочными рейсами российские черноморские порты с основными импортёрами наших товаров: Италией, Францией, Испанией и Англией. Все эти рейсы, по мысли учёного, могло выполнять крупнейшее на начало XX в. Русское общество парокходства и торговли. Вторая группа планируемых им срочных рейсов связывала российские порты на Балтике и порты Германии, Дании, Гол-

ландии, Бельгии, Франции (её севера), Англии. Эта задача возлагалась на другое пароходство: Добровольный флот либо Северное общество. Третья группа срочных рейсов предполагалась между нашими беломорскими, а также другими северными портами и Англией, Норвегией, возможно, Германией. Их Мигулин считал допустимым возложить на Архангельско-Мурманское пароходное общество. За выполнение всех вышеперечисленных рейсов осуществлявшие их пароходства должны были получать определённую помилную плату. Пётр Петрович указывал также на необходимость организации срочного сообщения (из российских черноморских, а также балтийских портов) с Южной и Северной Америкой; требовалась поддержка и уже существующим срочным рейсам между российскими тихоокеанскими портами и портами Китая и Японии.

В целях развития отечественного торгового флота учёный предлагал (по примеру Германии) установить специальные железнодорожные тарифы, «направленные к выгоде русского вывоза из русских портов на русских пароходах» [72, с. 59], переориентировав тем самым грузы с Кёнигсберга на Виндаву и Либаву. Он считал необходимым и существование свободных гаваней, на первое время двух: одной на Балтике – в той же Либаве, другой на Чёрном море – в Одессе или Севастополе (в случае перевода оттуда военного флота).

Выдаваемая пароходствам за выполнение срочных рейсов помилная плата стала бы ощутимой финансовой поддержкой, но она не могла обеспечить их развития на перспективу, для чего требовались крупные капиталовложения. Решить данную проблему, по мысли Мигулина, было призвано не государственное субсидирование пароходств или выделение им беспроцентных ссуд на покупку новых судов, а приобретение государством части акций пароходных предприятий, в случае увеличения ими своих акционерных капиталов. Он предлагал разрешить пароходствам и выпуск обеспеченных новыми судами облигаций, реализация которых осуществлялась бы через государственные кредитные учреждения или находящиеся в зависимости от правительства частные банки (как это было в Германии).

Пётр Петрович настаивал на том, что параллельно с созданием и развитием российского торгового флота должно осуществляться совершенствование консульского института (подразумевающее создание за границей развитой сети государственных торговых агентов и реформу российской дипломатической службы), без чего была немыслима правильная организация внешней торговли (особенно экспортной).

Решение проблем, связанных с перевозкой экспортируемых товаров и представительством отечественных торговых интересов за рубежом, являлось необходимым, но недостаточным условием развития российской внешней торговли. Мигулин указывал на потребность изменения существ-

вующей структуры экспорта: переориентирования с поставок на мировой рынок необработанных сельскохозяйственных продуктов на вывоз готовой продукции. Это ускорило бы развитие обрабатывающей промышленности, улучшило положение находящихся в упадке отраслей сельского хозяйства, население получило бы возможность увеличить свои доходы, а страна – большие экспортные поступления.

Первоочередными являлись преобразования в области хлебного вывоза: зерно должно было всё больше замещаться мукой. «Незачем и распространяться, какое громадное значение имел бы для России экспорт именно муки, а не зерна» [117, с. 183], – писал учёный. Способствовать этому, по его замыслу, должен был созданный для поддержки отечественного сельского хозяйства, и для развития хлебной торговли в частности, банк (подробно о котором – в следующем параграфе). Мигулин отмечал, что это кредитное учреждение – жизненная потребность мукомолов, которые никак не могут наладить вывоз российской муки за границу. Действительно, Совет съезда мукомолов, обсуждая в 1908 г. вопрос об организации сбыта своей продукции за рубеж, пришёл к выводу о необходимости для этой цели именно банка, а не простой торговой конторы. Учёный подчёркивал, что содействие экспорту муки не ущемляет интересов экспортёров зерна: «...вообще интересы хлеботорговцев и мукомолов отнюдь не противоположны, скорее солидарны. Хорошие цены на муку и обеспеченный её сбыт сразу же поднимают цены на зерно и наоборот» [117, с. 183].

Большое внимание уделял Мигулин и вопросу о поддержке находящихся в упадке отраслей отечественного сельского хозяйства, одной из которых было животноводство. В связи с этим он предлагал в 1904 г. не только повысить тарифы на перевозку, но и ввести экспортные пошлины на отруби, жмых и другие отходы переработки сельскохозяйственной продукции, приобретаемые у России главным образом Германией в качестве кормов для собственного животноводства. Учёный считал, что экспортные пошлины или повышенный тариф вряд ли могут отразиться на ценах кормов, однако и в их росте не видел ничего страшного (производитель всё равно получал гроши, а прибыли шли посредникам); сокращение же вывоза кормов пошло бы на пользу нашему животноводству, дав толчок к откорму скота и последующему экспорту мясопродуктов.

Комплексная реализация вышеизложенных мер, по мысли Мигулина, должна была облегчить вывоз за рубеж отечественной сельхозпродукции и, следовательно, способствовать развитию главнейшего на тот момент для России аграрного сектора экономики. Хотя сейчас наша страна не принадлежит к числу ведущих поставщиков мирового аграрного рынка, представленные в данном параграфе идеи учёного не утратили своей актуальности.

В первую очередь – взгляд на развитие отечественной внешней торговли. Конкуренция на мировых рынках, борьба за них спустя столетие не стали менее острыми; и сегодня каждое государство стремится развивать собственное производство, вывозя его продукцию в другие страны, ограничивая при этом ввоз иностранных товаров, успешно конкурирующих с произведёнными им самим. Наглядным примером этого служит произошедший в марте 2002 г. российско-американский торговый конфликт из-за «стальных кур». Таким образом, сейчас чрезвычайно актуален выдвинутый Мигулиным тезис о неприменимости в России фритредерской политики.

Далее – проблема внешней задолженности в начале XXI столетия для России не менее важна, чем на рубеже XIX-XX вв., её общая сумма превышает 150 млрд долл. США [195, с. 112]. Несмотря на то, что с 1999 г. наблюдается тенденция стабилизации объёма российского внешнего долга, а с 2000 г. – его снижения, мы с опережением графика расплачиваемся со своими кредиторами, смягчена «проблема 2003 г.», ситуация ещё далека от окончательного разрешения. В связи с этим тезис Мигулина о необходимости расширения отечественного экспорта и ежегодного получения от него поступлений в размере, как минимум, сопоставимом с расходами на обслуживание внешнего долга, требует к себе особого внимания. Тем более, что в 2001 г. наметилась тревожная тенденция к сокращению положительного внешнеторгового сальдо России: около 49,6 млрд долл. США против 60,7 млрд долл. в 2000 г. [27, с. 3].

Сегодня Россия находится на качественно новом этапе своего развития, изменилась структура экономики и, как результат, структура экспорта: около половины поступлений от внешней торговли приносят невозобновляемые природные ресурсы (нам принадлежит первое место по поставкам на мировой рынок энергоносителей). Подобное положение не может сохраняться всегда, по крайней мере, в силу исчерпаемости данных ресурсов. Поэтому рано или поздно мы столкнёмся с необходимостью развития альтернативных направлений экспорта, одним из которых может и должен стать вывоз сельскохозяйственной продукции. Результаты 2001 г., когда урожай зерновых составил 85 млн т, экспортный потенциал достиг 5 млн т, а объёмы вывоза только основных экспортных культур (пшеницы и меслина) в январе – ноябре дошли до 1 403,1 тыс. т, увеличившись по сравнению с соответствующим периодом 2000 г. в 2,6 раза [1, с. 8], указывают на то, что уже в ближайшее время Россия может восстановить статус ведущего поставщика мирового рынка зерна. Не хуже (несмотря на все природные катаклизмы и связанные с этим потери) и итоги 2002 г. За период с 1 июля 2002 г. по 1 января 2003 г. наша страна экспортировала 9 млн т зерна.

Здесь опять возникает проблема развития отечественной внешней торговли, выхода на мировой рынок и закрепления на нём, соблюдения

национальных интересов. Как только появились достоверные данные о российском урожае зерновых 2001 г., в странах Евросоюза были приняты решения о введении фактически запретительных пошлин на ввоз нашего зерна. Понимая при этом, что российский экспортный потенциал переориентируется на внутренний рынок, часть его поступит в качестве корма в животноводство, способствуя развитию данной отрасли, росту её конкурентоспособности, европейцы сразу же позаботились о дотировании собственного животноводства.

Тем не менее, выходить на внешний рынок с отечественной сельскохозяйственной продукцией необходимо, но, чтобы облегчить данный процесс, надо заранее предвидеть предстоящие нам в этом случае внутренние проблемы и озаботиться их решением (объединение производителей зерна, с целью согласования и координации своих действий, выработки единой структурной, ценовой и сбытовой политики, реального участия в формировании государственной зерновой политики, лоббирования своих экономических интересов в федеральных и региональных органах законодательной и исполнительной власти; предотвращение массового выброса сельскохозяйственной продукции на рынок и снижения цен на неё; развитие транспортной инфраструктуры; строительство необходимого количества элеваторов; поощрение экспорта переработанной продукции), в чём и призваны помочь наработки профессора Мигулина.

4.5. Создание отлаженного механизма кредитной поддержки аграрного сектора экономики

По убеждению профессора Мигулина, ни одно государство в мире до такой степени не нуждалось в широкой и разносторонней организации кредита, как Россия – страна экономически молодая, обременённая огромной внешней задолженностью, обуславливающей необходимость интенсивного увеличения экспорта (главным предметом которого в конце XIX – начале XX в. была сельскохозяйственная продукция) и, следовательно, быстрого развития производительных сил страны. Достичь этого он считал возможным только при помощи кредита, «правильно поставленного, систематизированного, направляемого, куда следует, центральной правительственной властью» [127, с. 800].

Обращаясь к опыту высокоразвитых держав, учёный подчёркивал, что с помощью банков (учреждений в высшей степени мобильных, приспособляющихся к обстоятельствам, легко объединяющих разнородные интересы, допускающих к участию многочисленные и разнообразные экономические группы) их правительствами проводилась та или иная экономическая политика внутри страны, колонизировались пустынные территории, развивалась внешняя торговля, насаждалось политическое и экономическое

влияние на другие государства. Он считал недопустимым идти по другому, не выработанному долгим мировым опытом, пути, замечая, что стоящие перед нашей страной в экономической области задачи нельзя решить, если не будет обеспечен постоянный приток народных сбережений, свободных капиталов, что возможно лишь при посредстве кредитных учреждений.

Учёный указывал на то обстоятельство, что в России, где частная инициатива всегда была очень слаба, а население бедно свободными капиталами, доверие общества к частным кредитным учреждениям (в особенности мелким) невелико, поэтому-то серьёзное развитие сельскохозяйственных кредитных учреждений и немыслимо без участия правительства. Он подчёркивал, что подобная постановка вопроса не противоречит мировой практике, ссылаясь на опыт западноевропейских стран (в частности Франции и Германии), где существовала развитая сеть кредитующих сельских хозяев частных акционерных и на началах взаимности учреждений. Однако правительства этих государств не упускали данную проблему из поля зрения, старались объединить кредитные учреждения, направить их деятельность в определённое русло, снабдить их новыми капиталами, способствовать созданию кредитных учреждений на местах, взять инициативу оказания помощи кредитом сельскому хозяйству в свои руки.

Изменения в области сельскохозяйственного кредита Мигулин увязывал с преобразованием всей кредитной системы: «Реформа нашего кредитного дела нужна бесспорно; прежде всего реформа г[осударственного] банка... в смысле придания... значения *самостоятельного*, независимого от м[инистерст]ва ф[инанс]ов эмиссионного учреждения, иначе ничего из всей реформы не выйдет» [107, с. 4]. Преобразованный, освобождённый от несоответствующих его целям операций, государственный эмиссионный банк, по мысли учёного, должен был стоять во главе кредитной системы страны, регулировать денежное обращение и являться расчётным центром для всех многочисленных кредитных учреждений – частных, общественных, государственных, разного типа и преследующих разные цели; быть банком банков, а не отдельных лиц.

Переходя к организации сельскохозяйственного кредита, Пётр Петрович указывал на необходимость реформирования Крестьянского и Дворянского банков: их слияния в общесословный Государственный земельный банк, поступающий в ведение Главного управления землеустройства и земледелия. Он предполагал выполнение новым банком следующих функций:

1. Ипотечной – выдачи ссуд под залог земли на общих с остальными ипотечными банками основаниях, т.е. в размере не более 60% оценки закладываемой земли; под рыночный процент; закладными листами, а не деньгами. Этой операцией должна была руководить администрация банка

без участия землеустроительного ведомства и поддержки Государственного казначейства.

2. Землеустроительной – выдачи ссуд:

- а) долгосрочных мелиоративных; под процент, варьируемый в зависимости от признания государством важности тех или иных мелиоративных работ; только наличными деньгами. Сельские хозяева могли получить ссуды на местах и при переселении, процесс осуществлялся через землеустроительные комиссии, следящие за целевым использованием кредитов;
- б) на приобретение крестьянами земли; состоящих на $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{3}$ из наличных денег и на $\frac{2}{3}$ - $\frac{3}{4}$ из долгосрочных процентных бумаг. Сюда же относилась скупка банком за свой счёт частных имений, ограниченная определёнными рамками (например, не более чем на 50 млн руб. в год). Как выдача ссуд на приобретение земли крестьянами, так и скупка частных земельных угодий банком должны были производиться исключительно по решению землеустроительных комиссий и зависеть от нужды местного населения в земельном обеспечении. Выделение крестьянам благотворительного (т.е. под более низкий, чем рыночный, процент) кредита увязывалось с выполнением поставленных им землеустроительными комиссиями условий: ведение хозяйства на отрубных участках, переход к интенсивным приёмам ведения хозяйства, разверстание прежних чересполосных владений совместно с вновь приобретаемыми и т.п.

Эти операции находились в непосредственном ведении Главного управления землеустройства и земледелия, зависели от общей земельной политики государства, которое могло снабжать банк средствами для их осуществления, брать его убытки на себя.

Преобразование требовало внесения в устав Государственного земельного банка статей, отсутствовавших в уставах Крестьянского и Дворянского банков. Мигулин предлагал следующие дополнения [116, с. 218-219]:

1. Банк выдаёт ссуды на осуществление долгосрочных земельных улучшений: обводнение, орошение, осушение, укрепление оврагов, облесение сыпучих песков. Ссуды предоставляются на те же сроки, что и ипотечные ссуды на прочих основаниях; обеспечиваются землёй, на которой проводятся мелиоративные работы; их размер может достигать 90% оценки закладываемого участка (при оценке учитываются проведённые на нём ранее мелиоративные работы, от этого напрямую зависит размер ссуды).

2. Банк выдаёт специальные ссуды сельским хозяевам, переходящим к садоводству, огородничеству, возделыванию тутовых, чайных, хлопковых плантаций и разведению других специальных культур. Ссуды предоставляются на срок до 24-х лет и обеспечиваются закладываемым земельным участком и проведёнными на нём улучшениями.

3. Банк выдаёт ссуды на строительство и оборудование сельскохозяйственных предприятий: винокурен, мельниц, крахмальных заводов, маслобоен, сыроварен, консервных заводов и т.п., а также возведение сельскохозяйствен-

ных построек. Срок, на который предоставляются ссуды, зависит от характера предприятия или постройки и их долговечности.

4. Банк выдаёт ссуды на строительство и оборудование промышленных предприятий, перерабатывающих торф, глину, известь, лес и т.п.: заводов, выпускающих торфяные брикеты, кирпичи, черепицу, алебастр, лесоматериалы. Ссуды обеспечиваются строящимися предприятиями и земельными участками, на которых те расположены, срок, на который они предоставляются, определяется характером и долговечностью предприятий.

5. Банк выдаёт ссуды переселенцам на оговорённых в предыдущих пунктах основаниях: ссуды на домообзаведение и устройство хозяйства на новом месте (сроком до 24-х лет), а также ссуды под залог земли (на общих основаниях). В первые два года заёмщики освобождаются от уплаты процентов по ссудам, употреблённым на домообзаведение и устройство хозяйства, возникающие при этом потери банка компенсируются Государственным казначейством.

6. Банк выдаёт мелиоративные ссуды иного рода, исходя из потребности в них и состояния собственных средств. Ссуды предоставляются с разрешения главноуправляющего землеустройством и земледелием после согласования с министром финансов.

7. Желающие получить ссуду из банка обращаются в местные землеустроительные комиссии, которые, после рассмотрения прошения и вынесения заключения о возможности предоставления ссуды и её обеспеченности, обращаются в банк с ходатайством по данному вопросу. Выдача ссуд в обход землеустроительных комиссий не допускается.

8. Выделенная банком ссуда передаётся в ведение местной землеустроительной комиссии, которая и выдаёт её заёмщику по частям, по мере необходимости осуществления расходов, связанных с земельными улучшениями или приобретениями.

9. Землеустроительная комиссия следит за использованием ссуды и информирует об этом банк. В случае нецелевого расходования средств, банк может потребовать от заёмщика немедленного возвращения ссуды, при этом выполнение обязательства осуществляется всем имуществом должника.

Помимо преобразования существующих банков, Мигулин предусматривал создание новых. Первый из них – Переселенческий (колониальный); эту идею он выдвигал накануне и в период первой русской революции, подчёркивая, что без организации и правильной постановки переселенческого дела (немыслимых при отсутствии переселенческих банков) движение на Дальний Восток совершенно бесцельно и даже опасно.

Учёный признавал, что к роли Переселенческого может быть приспособлен и Государственный земельный банк, но указывал на то обстоятельство, что опыт других стран доказывает большее удобство и продуктивность при организации переселения именно специальных банков. Ссуды переселенцам носят иной, нежели ипотечные ссуды, характер, да и деятельность колониального банка, заключающаяся в организации переселения, помощи перебирающимся на новые места в распродаже их имущества, подготовке земельных участков к

заселению и обработке, существенно отличается от деятельности ипотечного банка, лишь выдающего ссуды под залог земли. Кроме того, получение оборотных средств путём выпуска закладных листов (как это бывает в случае с ипотечным банком) для переселенческого банка недопустимо, ему требуются крупный основной капитал, составляемый, допустим, за счёт выпуска облигаций (т.е. займа), а также, с известными ограничениями, вклады. Мигулин отмечал, что для Переселенческого банка вообще требуется более сложная организация, к счастью, уже хорошо разработанная в других странах. Он считал не только допустимой, но и весьма желательной деятельность частных переселенческих банков, однако предупреждал, что здесь, как и в других отношениях, к сожалению, трудно рассчитывать на частную предприимчивость, поэтому инициативу в данном вопросе придётся взять на себя государству.

Постепенно убедившись в том, что идея организации Переселенческого банка не встречает у властей сочувствия, учёный склонился к наделению правом выдачи ссуд переселенцам проектируемого им общесословного Государственного земельного банка, образуемого путём объединения Крестьянского и Дворянского банков, о чём и говорилось несколько ранее.

Второй банк, наличие которого считал необходимым Мигулин, и создание которого, по его замыслу, должно было инициировать правительство – Центральный сельскохозяйственный; проект данного кредитного учреждения (в отличие от предыдущего) более детально разработан учёным. Это предложение было выдвинуто им после изучения западного опыта в сфере кредитования сельского хозяйства: деятельности в Германии Прусской центральной кассы для товариществ, Имперского сельскохозяйственного кооперативного банка, Центральной кассы райффайзеновских кредитных товариществ; во Франции – Общества сельскохозяйственного кредита, полуправительственного Земельного банка, финансируемых за счёт средств Национального эмиссионного банка областных касс.

Идея Сельскохозяйственного банка разрабатывалась учёным в течение ряда лет (см. гл. 1, с. 18-21), претерпев в ходе этого ряд изменений. Впервые он обратился к ней в 1902 г. По мысли профессора, к вновь создаваемому кредитному учреждению должны были отойти вменённые Госбанку его уставом 1894 г. функции поддержки отечественного аграрного сектора (несвойственные тому как центральному эмиссионному учреждению). Новый банк должен был стать инструментом кардинального перераспределения притока капиталов в отрасли народного хозяйства, центром организации сельскохозяйственного кредита в стране, его главную задачу Мигулин видел в упорядочении и расширении экспорта отечественной сельскохозяйственной продукции.

Сельскохозяйственному банку вменялись следующие операции:

1. Учёт и переучёт (на срок не более года) векселей с двумя подписями, выданных при заключении связанных с сельхозпроизводством и торговлей сельхозпродукцией сделок.

2. Покупка и продажа за свой счёт и по поручению клиентов переводных векселей и кредитивов¹, имеющих отношение к торговле сельхозпродукцией.

3. Покупка и продажа за свой счёт и по поручению клиентов предназначенной на экспорт сельхозпродукции. Направляемые банком на это собственные средства не должны были превышать 50% его основного капитала.

4. Транспортировка (сухопутная, речная, морская) сельскохозяйственных товаров и принятие их на хранение с выдачей владельцам варрантов.

5. Выдача ссуд под залог сельскохозяйственной продукции и документов на неё (закладных свидетельств товарных складов, коносаментов и квитанций пароходств и транспортных предприятий, дубликатов накладных железных дорог и т.п.). Подтоварные ссуды должны были выдаваться на основаниях, закреплённых в новом (1894 г.) уставе Госбанка, не превышать 80% их стоимости, сами же товары складировались в надёжных помещениях, опечатывались банком и находились под его надзором; ответственность за сохранность зклада банк мог передавать правительственным и общественным должностным лицам, благонадёжным артелям, обществам на началах взаимности и другим учреждениям. Закладываемый товар подлежал обязательному страхованию на сумму и срок, превышающие: первая – на 10% размер выданной ссуды, второй – на один месяц срок, на который ссуда предоставлена; страховые полисы передавались на хранение в банк.

6. Выдача промышленных мелиоративных сельскохозяйственных ссуд под соло-векселя и другие обязательства, с обеспечением залогом недвижимости и сельхозинвентаря, а также поручительством; допускалось и другое надёжное обеспечение. Желаящий получить ссуду должен был указать цели, на которые предполагает её тратить; банк имел право выдать кредит лишь для снабжения оборотными средствами и необходимым инвентарём сельских товаропроизводителей, а также сельских ремесленников и кустарей. Выдача этих ссуд должна была производиться на основе правил, закреплённых в новом (1894 г.) уставе Госбанка, могла носить относительно долгосрочный характер (не более 12 лет); сумма данных ссуд ограничивалась размером облигационного капитала банка.

7. Выдача ссуд через посредников: земские учреждения; частные кредитные установления (особенно общества взаимного кредита, ссудосберегательные товарищества и другие учреждения мелкого кредита); артели, общества и товарищества на началах взаимности; железные дороги, пароходства, транспортные предприятия; частных лиц. Банк открывал кредит посредникам для дальнейшей выдачи ими ссуд мелким землевладельцам и арендаторам сельхозугодий, крестьянам и кустарям под залог их инвентаря и транспортируемых или предназначенных к перевозке сельхозтоваров.

8. Приём вкладов (бессрочных, срочных и текущих) от физических и юридических лиц, процент по которым соответствовал бы процентам по вкладам в солидных частных банках.

¹ Так в рассматриваемый период назывались денежные аккредитивы

Начать деятельность Сельскохозяйственного банка Мигулин предполагал с учёта торговых векселей, выдачи ссуд под залог товарных документов и принятия на комиссию предназначенной на экспорт сельхозпродукции; а затем уже перейти к выдаче ссуд под хлеб и его покупке, в целях регулирования хлебных цен (для этого он рассчитывал создать трест главных мировых хлебных экспортёров) и выполнения полученных зарубежными отделениями банка (о которых – несколько позже) заказов на этот продукт. Он особо подчёркивал, что развитие операций по выдаче ссуд под хлеб и его покупке возможно только при развитии элеваторной сети, однако начало их считал допустимым и при имеющейся системе зернохранилищ, ссылаясь на то обстоятельство, что к началу XX в. вопрос об элеваторах уже был поставлен на очередь.

Учёный предвидел, что разрешение банку покупать за свой счёт и продавать хлеб вызовет массу возражений, однако считал возможным их опровергнуть. «Банк, – писал он, – конечно, есть кредитное учреждение, его цель оказывать кредит своим клиентам, а не заниматься торговлей. Но торговля торговле рознь» [129, с. 24]. Одной из самых обыкновенных банковских операций является купля-продажа процентных бумаг. С тем же успехом, по мнению Мигулина, банк может приобретать товарораспорядительные бумаги (варранты, коносаменты, дубликаты накладных и т.п.); что касается риска, то, выдавая под них ссуды, банк рискует не меньше, чем при покупке данных бумаг. Разрешение Сельскохозяйственному банку не только принимать хлеб на комиссию, но и самостоятельно приобретать его партии учёный рассматривал как одно из условий создания специальных марок отечественного продукта, гарантии качества зерна, предупреждения его искусственной засорённости и, вследствие этого, возрождения доверия к России как добросовестному партнёру и улучшения условий заключаемых с ней хлебных контрактов.

Ещё одним положительным моментом деятельности банка, по замыслу Мигулина, должно было стать содействие развитию мелких кредитных учреждений на началах взаимности, сеть которых охватила бы самые отдалённые пункты России. Учёный считал, что они могли бы превратиться в своего рода отделения Сельскохозяйственного банка, стать его агентами, через них проводились бы закреплённые в уставе банка операции; он же, со своей стороны, мог бы следить (через собственных агентов) за деятельностью мелких кредитных учреждений и снабжать их деньгами. Что касается собственных отделений банка, то на первое время Мигулиным предполагалось их открытие в крупных российских портах и центрах хлебной торговли (Новороссийске, Феодосии, Одессе, Риге, Либаве, Виндаве, Архангельске, Москве, Рыбинске, Ельце, Саратове, Балашове, Харькове, Киеве), а также в главных пунктах хлебной торговли стран-импортёров российской сельхозпродукции (три-четыре в Германии, по два в Англии, Италии, Франции, по одному в Бельгии, Голландии, Испании, Турции, Швейцарии).

Содействие экспорту отечественной сельхозпродукции было, с одной стороны, главной задачей нового банка, а с другой – программой-минимум его деятельности, которую учёный связывал с государственной аграрной полити-

кой (в частности в области землеустройства и переселения), а также деятельностью казённых кредитных учреждений. Спектр операций банка ставился в зависимость от реформы Крестьянского и Дворянского банков (о чём говорилось ранее). В случае отказа от её проведения в обязанности банка вменялась организация долгосрочного мелиоративного кредита.

Очерченный круг операций Сельскохозяйственного банка и возлагаемые на него задачи требовали создания крупного кредитного учреждения. Проект Мигулина предусматривал его основной капитал, получаемый за счёт выпуска акций и облигаций (эмиссия последних предполагалась на случай организации долгосрочного мелиоративного кредита), в размере не менее 100 млн руб. Акционерный капитал должен был состоять из 100 тыс. акций номиналом 1 тыс. руб. каждая. По плану учёного, 50% их должно было приобрести государство за счёт свободной наличности Государственного казначейства или реализации 4%-ной государственной ренты; вторая половина поступала по подписке в руки частных капиталистов (российских и иностранных); не нашедшая спроса часть акций могла быть куплена сберегательными кассами, для которых, по мнению Мигулина, эти бумаги были гораздо надёжнее промышленных ценностей, приобретённых за последнее время на весьма крупные суммы (более чем на 20 млн руб. к 1902 г.) [129, с. 15]. Акционерный капитал не подлежал увеличению.

Облигационный капитал предполагалось образовать за счёт выпуска в рентной форме (без обязательства погасить в какой-то определённый срок) облигаций достоинством 100, 200, 500, 1 тыс., 5 тыс. и 10 тыс. руб. каждая, процент по ним должен был соответствовать рыночному. В приобретении облигаций также могли принять участие сберегательные кассы. Первоначально облигации выпускались на сумму не более 50 млн руб., в случае расширения деятельности банка эмиссия могла быть увеличена.

Мигулин считал, что о недостатке денег для операций проектируемого банка не может быть речи. Он приводил данные по хлебному экспорту 1901 г., когда из страны было вывезено этого продукта на сумму 344 млн руб. Следовательно, обладая основным капиталом в 100 млн руб. (а при выпуске облигаций – 150 млн руб.) и имея возможность переучёта своих обязательств в Государственном и частных банках на сумму 200 млн руб., Сельскохозяйственный банк мог сосредоточить в своих руках весь хлебный экспорт, содействуя правильной организации хлебной торговли. Средства для деятельности банка могли быть получены и за счёт кредита западноевропейских банков (после открытия его иностранных отделений), депозитной операции, кроме того, находящиеся в тесной связи с банком мелкие кредитные учреждения послужили бы «передаточной инстанцией» для сосредоточения в нём сбережений мелких провинциальных капиталистов.

Учёный рассчитывал, что работа банка не «поставит крест» на деятельности экспортных контор, мелких комиссионеров, сельскохозяйственных союзов и отдельных сельских хозяев, а, напротив, поможет им, дав необходимые средства, позволяющие в минуту нужды удерживать цены на основной российский

продукт. Главное же (о чём говорилось ранее) – банк, торгуя хлебом и будучи заинтересован в доверии покупателей, поспособствует созданию марок отечественного зерна и гарантии их качества.

Сельскохозяйственный банк должен был функционировать как акционерное предприятие: с участием в общих собраниях акционеров, располагающих определённым количеством голосов; возложением руководства делом на правление, а постоянного контроля за ним – на наблюдательный совет. Однако в состав правления и наблюдательного совета Мигулин предполагал ввести назначаемых правительством директоров (в равном количестве и на равных правах с выбранными акционерами директорами); руководство банком он возлагал на управляющего, назначаемого Высочайшим приказом. При всей самостоятельности, банк должен был находиться в ведомстве и под бдительным контролем Министерства финансов.

Как считал учёный, только банк, «действующий на началах частного, свободный, не связанный рутиной, но в то же время направляемый центральной правительственной властью в интересах целого государства и не имеющий главной целью извлечение слишком крупных барышей» [129, с. 16], может выполнить ту огромную задачу, которую предполагалось на него возложить. Пётр Петрович подчёркивал, что банк не может быть благотворительным учреждением, он должен давать прибыли, акции его – приносить дивиденд, однако, поскольку большая их часть будет находиться в руках правительства, то «барыши эти могут быть регулированы и, во всяком случае, пойдут на общегосударственные нужды» [129, с. 17].

Труднее всего, по признанию Мигулина, было установить оптимальное соотношение между частным и государственным элементами в банке. Он считал, что правительственная сторона не должна участвовать в общих собраниях акционеров, однако, на случай принятия ими решений, не согласующихся с интересами государства, планировал создать особый контрольный или апелляционный орган, куда поступали бы опротестованные управляющим решения общего собрания акционеров. Председателем данного органа назначался министр финансов, в его состав входили представители Госконтроля, Министерства финансов, Министерства земледелия, Министерства юстиции и «общественный элемент» (в качестве которого профессор рассматривал представителей московской и петербургской бирж, дворянства и сельскохозяйственных обществ (хотя бы одного – московского)).

Возвращаясь к данной проблеме в 1909 г., Мигулин отмечал, что в России (как и в Европе) банки всё больше вовлекаются в сферу хлебной торговли, указывая в качестве примера на деятельность Русского для внешней торговли, Русского торгово-промышленного, Петербургского международного и других частных банков. Не остался в стороне и Госбанк (о чём говорилось в пятом параграфе третьей главы). Учёный настаивал на признании того факта, что хлебом, вопреки своим уставам, торгуют банки, правда, не через своих агентов, а через частных комиссионеров; хотя, открывая им аккредитив, банки превращают этих комиссионеров, до известной степени, в собственных агентов. А раз так,

то «надо говорить смело и прямо о *банковой организации хлебной торговли*» [114, с. 3], взять же на себя эту миссию должен созданный при помощи правительства, действующий в соответствии с интересами государства Сельскохозяйственный банк.

На основе имеющегося у него опыта предложения создания подобного банка Мигулин отмечал, что главное возражение против этого состоит в указании на отсутствие денег для данного мероприятия, на отвлечение Сельскохозяйственным банком капиталов от помещения их в государственные фонды. Однако, по его подсчётам, в 1899-1908 гг. объём «ищущих помещения» сбережений населения составил около 4 млрд руб., часть которых и могла бы быть употреблена на поддержание Сельскохозяйственного банка: покупку его облигаций и открытие вкладов. Изыскание средств на основной капитал банка, по мнению учёного, также не должно было встретить затруднений, поскольку бюджет (обыкновенный и чрезвычайный) на 1909 г. был сведён с профицитом около 70 млн руб. [116, с. 212-213].

К этому времени изменился взгляд Петра Петровича на ведомственную принадлежность проектируемого банка: теперь он считал, что данное кредитное учреждение должно находиться в распоряжении Главного управления землеустройства и земледелия.

В ряду отличий от предложенного в 1902 г. подхода к решению проблемы кредитной поддержки российского сельского хозяйства был и предусматриваемый теперь Мигулиным ещё один вариант организации отечественного хлебного экспорта – создание, помимо Сельскохозяйственного, специализированного Хлебно-мукомольного банка. В числе его учредителей он называл правительство в лице Госбанка; земства (через земские кассы или непосредственно); Всероссийский съезд мукомолов; сельскохозяйственные общества и союзы; частных лиц из среды сельских хозяев, хлебных торговцев, мукомолов (к этой категории могли относиться и иностранные капиталисты). Следование банка заложенным в его уставе целям – поддержке отечественного аграрного сектора и организации экспорта сельхозпродукции – обеспечивалось введением в состав его правления и совета назначаемых правительством, а также выбираемых земствами и советом съезда мукомолов членов (на долю которых должно было приходиться не менее половины их мест); проверкой счетов банка Госконтролем; закреплением за половиной акций банка статуса именных, без права перевода их в предъявительские.

Мигулин предусматривал, что банку должны быть разрешены *«все без исключения операции, дозволенные другим коммерческим банкам»* [117, с. 184]. Однако главными его операциями должны были стать:

1. Выдача ссуд под хлеб, муку и другие сельхозпродукты, хранящиеся в принадлежащих банку, железнодорожных, общественных и частных складах.
2. Выдача ссуд под хлеб, муку и другие сельхозпродукты, находящиеся в процессе транспортировки.
3. Принятие хлеба, муки и других сельхозпродуктов на комиссию для дальнейшей продажи и на хранение в собственных складах.

4. Покупка за собственный счёт (в пределах 50% основного капитала) и продажа хлебных продуктов.

5. Транспортировка сельскохозяйственных продуктов.

Для выполнения разрешённых ему операций банк должен был получить право на строительство складов для хранения сельхозпродукции (с предоставлением льгот со стороны государства: уступка казённых участков и участков в районе отчуждения железных дорог для постройки товарных складов); учреждение своих транспортных организаций; создание товарных отделов и агентств; открытие онкольных счетов под обеспечение хлебом (по примеру Франции), с правом выдачи принятого на склады и заложенного товара по частям.

Вопрос о средствах банка решался Мигулиным следующим образом. Первым источником должен был стать акционерный капитал, на момент открытия определяемый в сумме от 5 до 20 млн руб. и постепенно доводимый до 50 млн руб.; акции распределялись между учредителями, 20% от их общего количества приобретал представляющий интересы правительства Госбанк, часть акций «могла бы быть представлена...более широким кругам общества» [76, с. 3]. Вторым источником явились бы бессрочные, срочные и текущие вклады юридических и физических лиц. В связи с этим учёный предлагал уравнивать банк в правах с кредитными учреждениями, действующими на основе уставов, утверждённых до 1885 г., и разрешить ему принимать вклады на сумму, не в пять, а в десять раз превышающую его основной капитал, а также предоставить право приёма вкладов на предъявителя, как обществам взаимного кредита и уже упомянутым старым коммерческим и акционерным банкам. Третьим источником (в случае строительства зернохранилищ и элеваторов, а также приобретения транспортных средств) становился облигационный капитал, имеющий обычное ипотечное обеспечение. Четвёртым источником были бы займы банка, т.е. переучёт в той или иной форме его обязательств; в данном случае, по мнению профессора, особую поддержку ему должен был оказать Госбанк.

В 1914 г., говоря об организации сельскохозяйственного кредита в стране [17*, л. 1-12], учёный предлагал как один из вариантов учреждение не самостоятельного банка (в который, в случае его создания (в ведении Министерства финансов), от Госбанка передавались Управление по делам мелкого кредита, элеваторы и операция по выдаче хлебных ссуд), а Кассы сельскохозяйственного и кооперативного кредита при Госбанке, с баланса которого на её баланс перешли бы счета по подтоварным ссудам и ссудам мелким кредитным учреждениям. По мере развития деятельности кассы она могла бы выделиться из состава Госбанка.

Основной капитал кассы первоначально мог составлять 15 млн руб., сумма эта предоставлялась из общебюджетных ресурсов Государственного казначейства или получалась за счёт выпуска государственной ренты. Оборотные средства составлялись приёмом вкладов частных лиц (объём которых ограничивался 15-20-тикратным превышением основного капитала кассы). Мигулиным предусматривался и переучёт обязательств кассы Госбанком. На случай принятия правительством решения о предоставлении сельскохозяйственной

промышленности особо льготного кредита допускалось образование особого капитала (за счёт средств, ассигнуемых для этой цели из общегосударственного бюджета (полученных от податных ресурсов или специальных займов)).

Такими путями Мигулин планировал привлечь к развитию сельскохозяйственного кредита огромные суммы: постепенно довести основной капитал кассы до 100 млн руб., вклады в этом случае могли составить сумму в 2 млрд руб., плюс ассигнования в особый капитал кассы.

Особое значение он придавал развитию операций кассы при посредстве мелких кредитных учреждений, в особенности их союзов, на развитие которых призывал обратить исключительное внимание. Относительно круга операций кассы учёный сохранял прежний подход, причисляя к ним выдачу подтоварных ссуд, учёт и переучёт векселей, покупку и продажу (комиссионную и за свой счёт) сельхозпродукции, а также все осуществляемые коммерческими банками операции. Не предлагал он нововведений и в плане устройства кассы. Предполагалось установить контроль за её деятельностью со стороны народных представителей, её отчёты должны были вноситься на рассмотрение Госсовета и Госдумы.

Таким образом, по мнению профессора Мигулина, должно было осуществляться кредитование отечественного аграрного сектора в начале XX в., не лишён интереса его подход к решению данной проблемы и сегодня. В условиях перехода к рыночной экономике основополагающая роль в содействии сельским товаропроизводителям всех форм собственности отводится именно банковской системе, кредит является главным источником финансирования их деятельности. Однако пока не приходится говорить об окончательно сформировавшейся, устойчивой российской банковской системе: не успев окрепнуть за годы реформ, она рухнула в августе 1998 г., после чего до сих пор не восстановлена; кроме того, не выработано эффективных технологий перелива кредитного потенциала из финансового в реальный сектор экономики.

Что же касается системы сельскохозяйственного кредитования, то она находится лишь на начальном этапе своего становления и требует активного вмешательства в данный процесс государства. Уже в начале 1990-х гг. выяснилось, что массовый перевод кредитных учреждений на коммерческие основы работы приводит к отказу банков от обслуживания невыгодной клиентуры (малорентабельных, убыточных и небольших по объёму производства предприятий). А очень многие (если не большинство) из сельскохозяйственных предприятий относятся сегодня именно к этой категории; сумевшие получить кредит далеко не всегда способны по нему расплатиться, просроченная кредиторская задолженность сельхозпредприятий постоянно растёт: 1995 г. – 15,983 млрд руб., 1996 г. – 38,451 млрд руб., 1997 г. – 63,838 млрд руб., 1998 г. – 103,1 млрд руб., 1999 г. – 117,9 млрд руб. [36, с. 57], к марту 2002 г. общая кредитная задолженность по агропромышленному комплексу составила уже 272 млрд руб. И без того тяжёлое финансовое положение лишённых возможности получения кредита сельхозпредприятий ещё более усугубляется, что ведёт к их банкротству, а следовательно-

но, к сокращению производства сельхозпродукции и снижению продовольственной безопасности страны.

Нельзя сказать, что данная проблема не попадает в поле зрения власти: «Основные направления агропродовольственной политики Правительства Российской Федерации на 2001-2004 годы» предполагают создание на базе Россельхозбанка государственной кредитно-финансовой системы обслуживания товаропроизводителей агропромышленного комплекса, в то же время так называемая «программа Грефа» («Основные направления социально-экономической политики на 2001-2010 годы») не предусматривает существенного увеличения в ближайшие годы государственного финансирования поддержки агропромышленного комплекса, уделяя главное внимание мобилизации его внутренних резервов и созданию условий для привлечения в него инвестиций.

Государство также стремится создать инструменты, стимулирующие коммерческие банки к кредитным вложениям в сельское хозяйство. В 2000-2001 гг. была использована новая схема льготного кредитования товаропроизводителей агропромышленного комплекса: бюджетные средства направлялись на субсидирование процентных ставок по их займам в коммерческих банках. Таким образом, при вложении 1,3 млрд бюджетных средств на сезонные нужды агропромышленного комплекса удалось привлечь 18,1 млрд руб. Однако в 2001 г. порядок субсидирования был изменён на более удобный для заёмщиков: компенсация процентов стала выплачиваться им ежемесячно, по факту погашения процентов по кредиту (раньше компенсация выплачивалась после погашения заёмщиком процентов и основной суммы долга). Представители коммерческих банков заговорили об утрате фактора, стимулирующего заёмщика к погашению основной суммы долга по истечении срока кредита, и необходимости государственных гарантий по кредитным вложениям в агропромышленный комплекс. Таким образом, так или иначе государству придётся вмешиваться в область сельскохозяйственного кредита и нести связанные с ним затраты. Поэтому нам кажется, что подход профессора Мигулина к его (кредита) организации более рационален: лучше с самого начала продумать принципы построения и функционирования системы, а также своё в ней участие, чем выступать потом в роли «пожарной команды».

Не утратило актуальности и мнение учёного о необходимости оказания активной государственной поддержки мелким кредитным учреждениям, содействия созданию их разветвлённой сети, без чего невозможно будет сделать кредит доступным для сельхозпроизводителей в масштабах всей страны.

На современном этапе задача государства облегчается тем, что в России, начиная с 1996 г., возникла довольно успешно функционирующая (особенно в Волгоградской, Ростовской, Саратовской, Пермской и Томской областях) система сельской кредитной кооперации. К началу 2002 г. в 40 регионах работало около 200 сельских кредитных кооперативов, членами которых были более 10 тыс. чел. В течение 1998-2001 гг. число этих мелких кредитных учреждений увеличилось в десять раз. Столь бурный рост был достигнут, при отсутствии надлежащей поддержки со стороны государства, в основном за счёт помощи (от

обучения и консультирования до материально-технического обеспечения и финансирования) зарубежных организаций и компаний: ACDI/VOCA и фонд «Евразия» (США), «Дежарден» (Канада), программа TACIS Европейского Союза, Союз кооперативов «Райффайзен» (ФРГ) и др. С российской стороны огромную роль в развитии сельских кредитных кооперативов играют созданные на федеральном уровне Союз сельских кредитных кооперативов и Фонд развития сельской кредитной кооперации.

Дальнейшее развитие системы сельской кредитной кооперации сдерживается отсутствием надлежащей правовой базы. Принятый в 1995 г. Закон «О сельскохозяйственной кооперации» не отвечает современным реалиям и ограничивает деятельность кредитных кооперативов; кроме того, их налогообложение не регулируется действующим налоговым законодательством. Именно в этой сфере и требуется сегодня государственное вмешательство: в ближайшее время на федеральном уровне должна быть создана соответствующая законодательная база. В дальнейшем государственная поддержка сельской кредитной кооперации, способствующей экономическому и социальному развитию сельских регионов, должна осуществляться на всех уровнях: от муниципального до федерального. При этом необходимо учитывать практический опыт дореволюционной России и теоретические наработки отечественных учёных, в частности профессора Мигулина.

4.6. Проведение научно обоснованной финансовой политики

Залогом достижения подъёма благосостояния российского народа, экономической мощи нашего государства профессор Мигулин считал проведение построенной на строго научных началах финансовой политики. При этом он подчёркивал, что финансовая наука «из науки узкотехнической, изучающей специальные вопросы наилучших приёмов добывания государством необходимых средств для удовлетворения своих потребностей, постепенно превращается в важнейшую из социальных наук, изучающую потребности населения, культурные задачи государства и способы их практического удовлетворения, осуществления в данный момент и при данных условиях с помощью наличных средств населения» [100, с. 4]. Новая теория, как отмечал учёный, расходами государства интересуется в той же мере, что и его доходами, поскольку характер расходов определяет степень возможного поступления доходов.

Подобная постановка вопроса требовала проведения финансовой реформы, направленной на изменение существующих систем налогообложения и государственных расходов. Мигулин говорил о недопустимости в финансовой сфере преобразований, ограничивающихся пересмотром действующей податной системы и введением новых налогов, настаивал на том, что вопрос об увеличении и без того тяжкого податного бремени нельзя поднимать, пока не будет гарантии того, что налоговые поступления получают «должное назначение». Он считал, что любая налоговая сис-

тема, как бы совершенна она ни была, не может содействовать росту народного благосостояния, подъёму производительных сил страны, создать новые материальные ценности; поэтому налоговая политика государства должна рассматриваться в комплексе с системой государственных расходов, с общим планом ведения государственного хозяйства.

Пётр Петрович подчёркивал, что, приступая к реорганизации финансовой системы страны, необходимо чётко понимать стоящие перед государством задачи. Государственное хозяйство, основанное на принудительном принципе, базируется на народном хозяйстве, в основе которого лежит принцип свободной конкуренции и частного личного интереса. Из народного дохода (всех произведённых в данном периоде материальных ценностей) государство, в силу своего суверенитета и вне зависимости от оказываемой облагаемому субъекту услуги, взимает определённую часть на свои нужды. Доходы, получаемые государством от налогообложения, напрямую зависят от величины народного дохода, следовательно, главнейшая задача государства состоит в подъёме производительных сил страны, увеличении народного дохода, а не в постоянном «нажимании податного винта»; как писал учёный, из ничего ничего и не выжмешь. Кроме того, государство не может извлечь у населения ресурсов больше, чем требуется для удовлетворения его потребностей: принцип накопления – это принцип частного, а не государственного хозяйства. Поэтому государство накопленную им прибыль, избытки, взысканные со своих граждан в виде превышения обыкновенных доходов над расходами, должно, в том или ином виде, возвращать населению, снова пускать в обращение.

Учёный был сторонником коренной реформы системы прямого обложения, направленной на её построение в соответствии с рекомендациями современной финансовой науки и практическим опытом передовых европейских стран. По его убеждению, необходимо было изменить порядок, при котором налоговое бремя распределялось между плательщиками неравномерно, а иногда и несправедливо, привлечь к уплате налогов состоятельные классы и облегчить бремя, лежащее на классах малоимущих. «Прошло то время, когда подати были уделом *низших* сословий» [115, с. 175], – писал по этому поводу Мигулин в 1906 г. Предложенный им вариант преобразований предполагал изменение ставок ряда существующих налогов, отмену одного из них (квартирного), введение нового (подходного), перераспределение налогов между государством и органами местного самоуправления. Он считал, что в налоговой политике должны преобладать социальные принципы, т.е. прогрессия в обложении, конфискация ренты в широком смысле слова (конъюнктуральной прибыли), освобождение от обложения мелких доходов, умеренность в обложении полезных предметов потребления, отказ от обложения предметов первой необходимости.

Подходный налог учёный характеризовал как имеющий целью привлечь на государственные нужды крупные доходы отдельных граждан, создающиеся при благоприятно складывающихся экономических обстоятельствах (независимо от усилий получателя), путём фактической или юридической монополии, в силу законов земельной и промысловой ренты. Он предлагал ввести данный налог как общегосударственный, привлечь к его уплате всех российских подданных, в том числе и членов царствующего дома. Прогрессивные ставки предполагались в пределах от 1% (с доходов в 1-2 тыс. руб.) до 10% (с доходов более 100 тыс. руб.); доходы менее 1 тыс. руб. от налога освобождались.

Мигулин замечал, что, при введении этого налога, самое сложное и спорное – определение подлежащего обложению дохода. Он предлагал исчислять чистый доход плательщиков на основе поданной ими декларации («Подходный налог есть *налог чести*, он осуществляется на основании показания самого плательщика, который участвует как гражданин в посильном несении податного бремени своего отечества» [115, с. 175]). Проверка деклараций могла вестись разными способами, но непременно с участием выборных от налогоплательщиков, а не только «податными чинами»; данной мерой предполагалось предотвратить возможный произвол в отношении налогоплательщиков.

С этой же целью учёным допускалось введение в губернские присутствия по подходному налогу (являющиеся для налогоплательщиков апелляционной инстанцией) «судебного элемента» и придание им возможно независимого от Министерства финансов положения. Хотя он и осознавал, что это, скорее, благие пожелания, поскольку такому положению вещей будет противодействовать финансовое ведомство, «да и представители финансовой науки смотрят обыкновенно на дело совершенно односторонне, оставляя интересы плательщиков в стороне и увлекаясь интересами фиска» [140, с. 173]. И всё же придерживался мнения, что лучшим средством устранения произвола агентов фиска была бы публичность заседания губернских присутствий по подходному налогу (хотя бы по требованию жалующихся на решения низших инстанций плательщиков). Предвидя возражения против неизбежного в этом случае разглашения сведений о налогоплательщиках, Мигулин писал о том, что соблюдение тайны сведений о декларируемых доходах соответствует западно-европейской практике и нашим законам о торговой тайне, однако никаких разумных оснований для охраны сведений об облагаемых доходах он не видит. При этом был категорически против предоставления каждому налогоплательщику права подачи заявления о неверном, с его точки зрения, исчислении доходов другого лица: «Это уже будет какой-то всеобщий сыск, который именно при наших нравах повлечёт за собою весьма нежелательные последствия» [140, с. 173].

Переходя к вопросу о возможных поступлениях от подоходного налога, Мигулин констатировал тот факт, что составление точного прогноза невозможно из-за отсутствия достоверной статистики доходов населения. Существующие сведения о доходах с земли и домов были крайне условны, более точными представлялись данные о промысловых доходах и доходах с денежных капиталов, однако распределение последних оставалось совершенно неизвестно. Тем не менее, учёный предпринял примерные расчёты, основываясь на сведениях Департамента окладных сборов, признаваемых им самим весьма приблизительными. Итак, по имеющимся на первую половину 1905 г. данным, доходы от земли исчислялись в размере 475,8 млн руб., от городской недвижимости – 259,9 млн руб., от денежных капиталов – 333,1 млн руб., от торгово-промышленных предприятий – 671,2 млн руб., от личного труда – 162,1 млн руб.; всего 1 902,1 млн руб., из которых 80% приходилось на долю доходов, превышающих 1 тыс. руб. [140, с. 171]. Мигулин находил более правдоподобным отнесение к данной категории не более 50% от указанной суммы и исходил из этого при своих подсчётах, в соответствии с которыми, поступления от подоходного налога должны были составить не менее 35 млн руб. в год.

Введение общегосударственного подоходного налога должно было сопровождаться отменой квартирного и передачей в распоряжение органов местного самоуправления поземельного, подомового и промыслового налогов.

Поземельный налог требовал реформы уже потому, что в 1906 г. истекал срок, на который было осуществлено его 50%-ное снижение; простое же удвоение данного налога являлось нежелательным, особенно относительно крестьянских земель, на которых и при льготном тарифе накопилось много недоимок (о чём говорилось в шестом параграфе третьей главы).

Необходимо было изменить положение, при котором подесятинные ставки налога определялись произвольно, не соотносясь с качеством и доходностью облагаемой земли. С этой целью Мигулин предлагал предоставить получившим в своё распоряжение поземельный налог земствам право упрощённой кадастрации земельных угодий. Он настаивал на освобождении от налога крестьянских земель, несущих на себе огромные мирские сборы (в 1905 г. только в 50 губерниях они составили 78,5 млн руб. [135, с. 37]), от которых были свободны земли других сословий. Данную практику Пётр Петрович предлагал продлить до введения всесословной мелкой земской единицы, после чего, наравне с крестьянскими, стали бы облагаться и другие частновладельческие земли.

При новой системе обложение земли сводилось к обложению её капитальной стоимости, чему должны были способствовать имеющиеся банковские оценки земельных угодий. Ставки поземельного налога учёный

определял в 0,25% от капитальной стоимости земли, что составило бы, при чистом доходе земельных собственников в размере 5% от капитальной стоимости их угодий, 5-6% от чистого дохода с земли. Переоценку земельных участков он предполагал осуществлять раз в пять-десять лет, эти данные могли понадобиться и на случай введения налога на незаслуженное приращение ценности земли – не связанное с ростом её доходности, а также производимыми на ней работами по благоустройству (о котором – несколько позже).

Подомовой налог, по проекту Мигулина, поступал в распоряжение городских обществ, почти лишённых каких бы то ни было налоговых поступлений, за исключением 10% с чистого дохода от недвижимости (или 1% с её стоимости), небольших отчислений от государственного промыслового налога, сборов с трактиров (ставших весьма проблематичными после введения винной монополии) и небольших налогов на собак, лошадей, извозный промысел и т.п. При этом на них возлагалось обязательство употребить вновь полученные налоговые поступления на оплату займов для улучшения санитарного состояния городов, их благоустройства. Оптимальным вариантом определения ставки подомового обложения учёный признавал (как и в случае с обложением земли) её привязку к капитальной стоимости недвижимости: те же 0,25% от капитальной стоимости, равные 5-6% от чистого дохода (средняя норма которого не превышала 4-5% капитальной стоимости городской недвижимости). Капитальная стоимость недвижимости рассчитывалась на основе произведённых ипотечными банками оценок, закладных, купчих и страховых полисов; государственная оценка городской недвижимости корректировала бы возможную неправильную её оценку органами местного самоуправления.

Помимо снижения возложенного на домовладельцев налогового бремени и предоставления в распоряжение городских обществ довольно крупных средств, Мигулин выделял ещё один положительный момент новой системы обложения городской недвижимости: при распространении её на пустующие (приобретённые с целью дальнейшей спекулятивной перепродажи) городские земли, их владельцы вынуждались приступать к застройке своих участков. Кроме того, при производстве раз в пять лет переоценки недвижимости, появлялась возможность, в определённой мере, затронуть земельную ренту; новая система увеличивала поступления от обложения состоятельных классов.

Промысловый налог, по мнению Петра Петровича, должен был подвергнуться значительному сокращению (примерно на 75% от принятой нормы), при этом он считал возможным сохранить существующую патентную систему (обложение по основному капиталу предприятия) и привлечь промыслы и торговлю к обложению подоходным налогом с доста-

точно высокими прогрессивными ставками. Он также допускал обложение конъюнктуральной (незаслуженной) прибыли предприятий.

Предложенные Мигулиным преобразования способствовали бы перераспределению налоговых полномочий между различными уровнями власти, передаче из государственного в местные бюджеты значительных средств в виде поступлений от реальных налогов (поземельного, подомового и промыслового): до 100 млн руб. ежегодно, что дало бы возможность увеличения расходов на социальные нужды населения (образование, здравоохранение, благоустройство населённых пунктов).

Наиболее серьёзные изменения в области прямого обложения Мигулин предусматривал осуществить относительно наследственного налога и налога на переход недвижимого имущества (путём его продажи).

Наследственный налог учёный характеризовал как универсальный имущественный, обнимающий всю совокупность имущества данного собственника, глубоко социальный, содействующий более равномерному распределению сосредотачивающихся в одних руках богатств. Данный налог, по его мнению, справедлив тем, что посредством его государство может обложить незаслуженное приращение имущественной ценности, вызванное благоприятными для собственника обстоятельствами (рост цен на недвижимость, в связи с промышленным развитием региона, в котором она расположена, строительством там железной дороги и другими, не зависящими от вклада собственника, причинами). В связи с этим появлялась и возможность обложения земельной ренты. Налог на наследство непременным, взимание его просто для государства и обходится ему очень дёшево (т.к. при закреплении прав наследника взимается пошлина, компенсирующая связанные с этим расходы государства). Реформа этого налога не требовала от государства дополнительных затрат и предоставляла возможность немедленного увеличения его доходов.

Данный налог, по рекомендации учёного, должен был учитывать не только степень родства наследника и наследодателя (как это было в рассматриваемый период), но и величину наследства; его ставки колебались в пределах 1-10% от стоимости наследуемого имущества (за вычетом лежащих на нём ипотечных и иных долгов). «Обложение крупных наследств особенно высоким налогом сравнительно с мелкими и средними, – мотивировал своё предложение Мигулин, – вполне оправдывается теми же соображениями, как и всякое прогрессивное обложение: большей капиталоемкостью крупной собственности и возможностью для её собственника свободного расходования своих средств помимо удовлетворения необходимых потребностей» [73, с. 165-166].

Налог на переход недвижимости путём продажи он расценивал как столь же целесообразный, что и наследственный, поскольку он падает на

приращение ценности имущества, вследствие благоприятной конъюнктуры. Здесь опять-таки требовалось учитывать величину сделки и, сообразно с этим, варьировать ставки налога, а кроме того, обратить внимание на всё более развивающуюся спекулятивную куплю-продажу недвижимых имуществ. Предложенная учёным ставка налога колебалась в пределах 1-6%, в зависимости от стоимости продаваемого имущества (без учёта пошлины, взимаемой государством за закрепление прав нового собственника). Данная шкала должна была применяться к сделкам с недвижимостью, приобретённой продавцом не менее пяти лет назад. Всякая совершаемая до истечения этого срока по цене больше той, по которой недвижимость была приобретена продавцом, продажа считалась спекулятивной. Налог на такую сделку превышал установленный для неспекулятивных продаж тариф на 1-20% (что зависело от размера спекулятивной наценки). Необходимость подобных мер Мигулин объяснял тем, что спекуляция недвижимостью отвлекает капитал от вложения в промышленность, поощряет и без того развитое, вместо правильного извлечения коммерческого процента на капитал, барышничество, взвинчивает цены (что особенно бьёт по приобретающим землю с целью работы на ней, а не с целью наживы на перепродаже).

Возможное фиктивное занижение цен (которое практиковалось и при существующей системе обложения) учёный рассчитывал предотвращать следующими мерами: пересмотром закона о купле-продаже недвижимости; запрещением включения в договор купли-продажи недвижимости условия уплаты неустойки, в случае отказа продавца совершить продажу, независимо от его обязанности возратить задаток в двойном размере; запрещением выдачи купчей продавцу, а не покупателю и др. В связи с простотой взимания данного налога и повышением его размера, Мигулин предполагал значительное увеличение поступлений от него в государственный бюджет: по крайней мере, в полтора раза (на первое время), по сравнению с тем, что давала существующая система.

Реформа прямого обложения, по расчётам Петра Петровича, должна была увеличить поступление государственных доходов на сумму от 50 до 100 млн руб. (в зависимости от величины вводимых ставок подоходного и поимущественных налогов) [135, с. 52].

Теперь рассмотрим предложенные Мигулиным преобразования в сфере косвенного обложения.

Столь критикуемую им казённую винную монополию он не считал возможным упразднить, вернувшись к прежним порядкам обложения спиртного и свободной торговле им; созданную правительством мощную организацию учёный призывал распространить на всю страну и использовать для достижения высших государственных целей. Необходимо было раз и навсегда встать на точку зрения, что государство может и должно

бороться с пьянством, что ему нет смысла извлекать доходы из эксплуатации данного порока; отказаться от убеждения, что без этого немислимо поддерживать бюджет в известном равновесии. В подтверждение своего мнения он приводил опыт Германии и Франции, где доходы государственных бюджетов, получаемые от обложения питей, составляли соответственно лишь 8 и 11% от их общего объёма, тогда как российский бюджет почти на треть состоял из «пьяных» денег.

Первой предложенной Мигулиным для борьбы с народным пьянством мерой было повышение цены на ведро водки низших сортов до 10 руб. («есть *простой способ нормирования потребления* – это *повышение цены* на продаваемый продукт, т.е. естественное *сокращение спроса*» [68, с. 302], – замечал он). В результате он рассчитывал снизить её потребление на 25%.

Кроме того, учёный находил целесообразным постепенное снижение процентного содержания алкоголя в казённой водке: сначала до 35° (что близко к домонопольным 38°), а затем до 33, 30, 28 и даже 25°. Здесь монополия могла сыграть положительную роль, установив единообразное содержание алкоголя в продаваемых напитках (не имея конкурентов) и постепенно приучая потребителей к всё меньшим дозам алкоголя. Чтобы выдержать данную политику, надо было прекратить свободную продажу в казённых лавках спирта крепостью 57, 90 и 95°, который мог использоваться потребителями или перекупщиками для разведения «слабой» водки.

Дальнейшие меры по сокращению потребления спиртного, по мнению Мигулина, должны были носить характер регулирования, основанного на западном опыте, т.е. свестись к использованию в борьбе с пьянством широкой общественной инициативы. Количество казённых винных лавок постепенно сокращалось; в деревнях их открытие допускалось с согласия местных сельских обществ, ими же решался вопрос о закрытии питейных заведений и запрещении употребления спиртного. Опыт показывал, что лишь в сельской местности (где люди тесно связаны между собой) запретительная система имела безусловный успех. В городах учёный рекомендовал вводить, в соответствии с мировой практикой, готтенбургскую систему продажи питей, суть которой состояла в следующем. Государство уступало монополию обществам, преследующим цели борьбы с пьянством (для нас лучшим вариантом Мигулин считал её передачу органам местного самоуправления). Эти общества содержали питейные заведения, где спиртное употреблялось в умеренных количествах и обязательно с закуской, в добропорядочной обстановке. При такой системе легко осуществлялось закрытие подобных заведений в праздники и ограничение торговли спиртным накануне, а также полное прекращение их деятельности по постановлению той или иной общественной организации. Прибыли монополии тратились на борьбу с пьянством, часть их поступала в местные и государственный

бюджеты. Наиболее успешно данная система использовалась в Швеции и Норвегии, отчасти – в Германии, в России же она не применялась.

Ограничение потребления населением спиртных напитков Мигулин считал не только не опасным для финансов государства (в смысле потенциального сокращения его доходов от обложения питей), но и очень выгодным, т.к. оно способствовало бы росту национального богатства и более успешному поступлению прямых и косвенных (кроме питейного) налогов.

Сокращая потребление спирта в качестве напитка, необходимо было содействовать его распространению как заменителю нефтяных осветительных материалов (что с успехом осуществлялось в Германии, Франции и Австрии) – речь в данном случае идёт о денатурированном спирте. В России, как отмечал учёный, широкое использование этого горючего могло смягчить ситуацию, вызванную снижением производства бакинских нефтепромыслов в период первой русской революции. Казна, по его мнению, сосредотачивая в своих руках торговлю спиртом, могла бы принимать на себя его денатурирование и продажу в своих винных лавках, получая немалый доход. При этом требовалось снять существующие ограничения и формальности, связанные с приобретением денатурата. Опасения, что, при свободном доступе к нему, он будет использоваться низшими классами в качестве алкогольного напитка, учёный считал преувеличенными (явно недооценивая способности россиян использовать спиртосодержащие продукты не по прямому назначению). Рост производства спирта способствовал бы развитию земледелия и животноводства. Налоговые поступления повысились бы на сумму около 30 млн руб., на сокращении расходов монополии можно было бы сэкономить ещё около 10 млн руб. [135, с. 52].

Мигулин рекомендовал изменить существующую систему обложения и ввести новую для других алкогольных напитков (пива и виноградных вин).

Акциз на пиво должен был быть повышен до 40 коп. на ведро (для низших) и до 60-80 коп. на ведро (для высших сортов). Облагать предполагалось готовый продукт, не только увязывая при этом размер ставок с качеством и ценами пива, но и, возможно, поставив на очередь регулирование последних государством. Пётр Петрович рассчитывал, что эти меры несколько замедлят распространение напитка (который он, напомним, считал вредным) среди беднейших слоёв населения, хотя и повысят доходы государства от данного акциза не менее чем на 15 млн руб. [135, с. 52].

Учёный рекомендовал ввести обложение виноградных вин. Отсутствие налога на них не шло на пользу виноделию, которое вытеснялось пивоварением и фальсификацией виноградных вин. Бороться с последней Мигулин считал возможным путём правительственного вмешательства в производство вин и торговлю ими, что имело практическое значение только

при введении акциза на вино. В этом случае становилось возможным запрещение фальсификации, обложение поддельных вин высшим налогом, указание на этикетках поддельного продукта на его искусственное происхождение, поощрение производства натуральных виноградных вин путём более льготного их обложения. Поступления в государственный бюджет от этого налога должны были составить около 5 млн руб. [135, с. 52].

Требовала реорганизации и сахарная нормировка. Мигулин подчёркивал необходимость расширения потребления этого продукта населением, для чего акциз на сахар должен был постепенно снижаться, а следовательно, и предельные цены на него. Цена сахара, производимого на хоть сколько-нибудь хорошо оснащённых заводах, в 1904 г. не превышала 2 руб. за пуд. Снизив акциз с 1,75 до 1,5 руб. с пуда, можно было установить предельную цену на уровне 3,5 руб., что уменьшило бы розничную цену фунта сахарного песка до 9-10 коп. вместо 12-13 коп. и привело бы к значительному увеличению спроса на этот продукт. В результате поступления от налога не только не уменьшились бы, но и возросли, сахарная промышленность получила бы возможность дальнейшего развития.

Мигулин рекомендовал постепенно довести налог на сахарный песок до 1 руб. с пуда, а предельные цены установить на уровне 2,5 руб. за пуд. До отмены сахарной нормировки он считал необходимым регламентировать производство не только песка, но и рафинада. Снижение налога на песок сопровождалось введением налога на рафинад, варьируемого в зависимости от его сорта: минимальный уровень, до которого должен был быть доведён этот налог, составлял 1,2 руб. с пуда рафинада второго сорта и 1,4 руб. с пуда рафинада первого сорта. Предложенные преобразования расширили бы потребление сахара, дали бы толчок развитию сахарной промышленности и свекловодства, увеличили бы поступления в госбюджет на сумму около 20 млн руб.

Налог на табак учёный предлагал реформировать в части обложения табака первого сорта; установить прогрессивные ставки с учётом розничных цен на него: при стоимости 1,25 руб. за фунт – 75 коп. налога (цена в розницу – 2 руб.); 1,5-2 руб. за фунт – 1 руб. налога; 2,5-3 руб. за фунт – 1,5 руб. налога; 3,5 руб. за фунт – 2 руб. налога; 4 руб. за фунт – 3 руб. налога; 4,5 руб. за фунт – 4,25 руб. налога; 5 руб. за фунт – 5 руб. налога [73, с. 178]. Это нововведение он считал справедливым и способным в первое время увеличить государственные доходы не менее чем на 5 млн руб.

Налог на нефтепродукты (керосин и смазочные масла), по мнению Мигулина, не должен был претерпеть каких-либо изменений. Однако он считал необходимым обратить внимание на положение дел в нефтепромышленности, по большей части принадлежащей иностранцам, извле-

кающим из неё огромные прибыли, в значительной мере уходящие за границу. Учёный рекомендовал нормировать цены на осветительные нефтепродукты, мазут и отходы нефтепереработки, находя возможным также регулирование цен на сырую нефть (путём введения акциза: как при торговле внутри страны, так и при экспортных поставках). Пётр Петрович отмечал, что введение налога на сырую нефть не окажет решающего воздействия на отечественный нефтяной экспорт, т.к. он лишь дополняет нехватку на мировом рынке американских нефтепродуктов. Но и вариант развития событий, при котором введение налога несколько сократит вывоз нефтепродуктов за рубеж, он считал вполне допустимым, поскольку расширение предложения на внутреннем рынке снизило бы уровень цен. Государство же получило бы от налога до 20 млн руб. в год [135, с. 52].

В области таможенного обложения Мигулин рекомендовал установление экспортных пошлин на отходы переработки сельскохозяйственной продукции (отруби, жмых), являющиеся ценным кормовым средством для животноводства, и яйца, потребление которых населением было чрезвычайно низко (данную проблему мы затрагивали в четвёртом параграфе этой главы). Подобная мера содействовала бы развитию животноводства (в том числе и в расчёте на экспорт мясопродуктов), улучшению питания населения и приносила бы в государственный бюджет дополнительных 2-3 млн руб. [73, с. 181].

В целом реформа косвенного обложения пополнила бы государственный бюджет на сумму около 150 млн руб., с учётом доходов от преобразований в прямом обложении, государственные доходы возросли бы на 200-250 млн руб.; этой суммы, по подсчётам Мигулина, хватало для обслуживания государственного долга, который возник бы при заключении в течение десяти лет займов на сумму до 200 млн руб. ежегодно. Расходовать полученные средства он предполагал на производительные и «высокополезные» надобности, о которых говорилось в предыдущих параграфах данной главы: введение всеобщего начального образования, упорядочение казённого лесного хозяйства, развитие транспортной инфраструктуры, мелиоративные работы, введение государственного страхования посевов от неурожая, переселение избытков населения из Европейской в Азиатскую Россию, поддержку отечественного сельскохозяйственного экспорта, реформу системы сельскохозяйственного кредита. «Часть этих производительных расходов может быть сделана за счёт податных ресурсов государства, а часть за счёт *кредитных операций*, для оплаты которых поступят сперва извлечённые у населения путём усиленного обложения средства, а затем те источники доходов, которые создадутся вследствие употребления в дело сумм, вырученных от кредитных операций» [135, с. 53-54], – писал учёный.

Идеи Мигулина, направленные на совершенствование финансовой политики государства, представляют интерес и сегодня. Прежде всего – тезис о недопустимости сокращения расходов на социальные нужды населения, чреватого серьёзными негативными последствиями. В ходе преобразований 1990-х гг., борясь с бюджетными дефицитами и изыскивая средства на другие, более важные, как им казалось, нужды, реформаторы сокращали именно эти, социальные, статьи расходного бюджета. Возьмём для примера лишь одно из направлений – здравоохранение. По уровню государственных расходов на эту сферу Россия отстаёт не только от высокоразвитых западных стран, но и государств Центральной и Восточной Европы, переживающих аналогичные нашим политические и экономические преобразования. Отстаёт и продолжает сокращать эту важнейшую статью расходов: в процентах к ВВП государственные расходы на здравоохранение составили в 1997 г. – 4,3; в 1998 г. – 3,5; в 1999 г. – 3,2; 2000 г. – 3,1 [154, с. 62].

Между тем, федеральный бюджет 2000 г. уже имел профицит в 2,3% ВВП. Помимо ограничений на расходы, сыграл в этом свою роль и рост федеральных налоговых доходов (с 7,5 до 16% ВВП в период с 1998 по первую половину 2001 гг.), что обусловлено проведением налоговой реформы. Сегодня, как и во времена Мигулина, Россия не может похвастаться стройной, приемлемой для налогоплательщиков и удовлетворяющей потребностям государства налоговой системой. Предложения о её коренном преобразовании выдвигались ещё в середине 1990-х гг., но Правительство РФ вплотную занялось решением этой проблемы только в 2000-2001 гг., с 1 января 2001 г. в действие введены четыре главы второй части Налогового кодекса РФ.

К числу содержащихся в новом кодексе наиболее радикальных мер, помимо ликвидации большинства налоговых льгот, относится замена прогрессивного подоходного налога налогом с единой 13%-ной ставкой. Использование данной меры мотивируется необходимостью борьбы с существовавшими ранее стимулами к сокрытию доходов и уклонению от уплаты налога, а также стремлением повысить его собираемость. Что касается фискальной функции подоходного налога, то она с успехом выполняется: после изменения его ставки, в первом квартале 2001 г., сборы возросли, по сравнению с аналогичным периодом 2000 г., почти до 70% [17, с. 7]. Однако немаловажно, за чей счёт достигнут данный рост, а появился он в результате увеличения ставки подоходного налога на заработную плату, не превышающую 4 тыс. руб. в месяц (получателями которой является подавляющее большинство работающего населения), с 12 до 13%.

Как нам представляется, подход профессора Мигулина к проблеме подоходного обложения более рационален: данный налог должен быть прогрессивным, учитывать уровень доходов плательщика. Введение про-

порционной системы подоходного обложения целесообразно в условиях, когда в обществе достигнута социальная однородность, его членам обеспечен высокий уровень жизни. Россия же сегодня – это страна контрастов: по данным на начало 2003 г., доходы 5% наиболее обеспеченных членов общества в 100 раз превышают доходы 5% наименее обеспеченных его членов (по этому показателю мы давно вышли за социально безопасный предел), а доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляет около 30% от его общей численности.

В этих условиях особую актуальность приобретает и предложение учёного о введении налога на незаслуженную (спекулятивную) прибыль, особенно относительно земель сельскохозяйственного назначения, которые поступают в рыночный оборот с введением в действие закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Не утратило своего значения и ещё одно предложение Мигулина: о передаче земельного налога с государственного на местный уровень. Эта мера сегодня закреплена законодательно (законом «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и первой частью Налогового кодекса РФ), но часть поступлений от земельного налога (в соответствии с законом «О федеральном бюджете на 2002 г.») продолжала направляться в федеральный и региональные бюджеты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый в ходе исследования анализ экономических (преимущественно аграрных) воззрений Петра Петровича Мигулина позволяет прийти к выводу о значительном вкладе, внесённом им в разработку российской экономической наукой рубежа XIX-XX вв. аграрных проблем, и чрезвычайной актуальности высказанных учёным столетие назад идей в контексте начатой в 1990 г. в нашей стране аграрной реформы.

Безусловным достоинством подхода Мигулина к постановке и решению вопросов, связанных с кризисом отечественного сельского хозяйства конца XIX – начала XX в., является всеобъемлющий взгляд на проблему, осознание взаимосвязи между положением российского земледельца и государственным устройством, проводимой правительством в различных областях общественной жизни и экономики политикой. Характеризуя сложившуюся к началу XX в. общественно-политическую ситуацию, учёный показывал её взрывоопасность, обращая внимание на чреватую негативными последствиями распространённость во всех слоях общества (включая и крестьянство) социалистических идей. Причины поразившего государство общего кризиса он видел в реализации на протяжении долгого времени неумелых, а зачастую, и просто незаконных, разорительных для страны и её народа действий властей.

Источником благосостояния России Мигулин считал сельское хозяйство, главное внимание уделял положению дел именно в этой сфере. Он считал, что аграрный вопрос складывается из множества компонентов, которые и рассматривал в комплексе.

Рубеж XIX-XX вв. стал периодом индустриализации России: главное внимание властей было уделено созданию и развитию крупной горнодобывающей, обрабатывающей промышленности, а также железнодорожному строительству; именно в эти сферы направлялись иностранные кредиты и инвестиции. Однако разразившийся в 1898 г. кризис показал всю шаткость положения российской промышленности: множество предприятий разорилось, другие понесли огромные убытки. Глубинную причину произошедшего учёный видел в том, что у отечественной «скороспелой» промышленности не было самого главного – рынков сбыта для ее продукции. Предъявителями спроса на внутреннем рынке выступали преимущественно земледельцы, покупательная способность которых была очень невысока. Власти в течение долгого времени не осознавали необходимости активной государственной поддержки сельского хозяйства, оно же тем временем деградировало: как в плане производства в отдельных его отраслях, так и в плане положения занятого в данной сфере населения. Мигулин указывал на отсутствие прочного юридического порядка, а также определенности в имущественных и общественных отношениях в среде

крестьян, задерживающее рост их экономического благосостояния. Крестьянство находилось в наиболее тяжелом из всех сословий положении: плохо питалось, не получало необходимой медицинской помощи, в массе своей не владело грамотой.

К началу XX в. обострилась заложенная в ходе реформы 1861 г. проблема земельного обеспечения крестьян: небольшие наделы, с ростом населения, сокращались, тогда как преобладающее в России экстенсивное полевое хозяйство требовало значительных посевных площадей. Способное разрешить сложившуюся ситуацию переселение на свободные земли Азиатской России в течение долгого времени тормозилось властями. Земельный голод вынуждал крестьян не только покупать, но и арендовать землю. Мигулин отмечал, что, арендуя участок, они платили не столько за саму землю, сколько за право приложить к ней свой труд. Следствием стал значительный, не соответствующий доходности земли, рост арендных цен, а затем и цен на землю. В этих обстоятельствах всё больше землевладельцев стали сдавать в аренду и продавать, при посредстве Крестьянского банка, свои угодья крестьянам; количество интенсивных частновладельческих хозяйств сокращалось, культура земледелия падала.

Важнейшим фактором, влияющим на состояние аграрного сектора экономики, были сложные природно-климатические условия, нередко, сводившие на нет труд земледельцев, приносявшие им значительные убытки и массовый голод. На рубеже XIX-XX вв. каждые три-пять лет наблюдался неурожай зерновых культур в отдельных регионах страны, а каждые десять лет это бедствие поражало большинство её губерний. Сложившаяся система государственной поддержки пострадавшего от неурожая населения оценивалась Мигулиным как неэффективная: несмотря на осуществление крупных затрат, помощь оказывалась в недостаточном объёме и доходила не до всех нуждающихся в ней.

Даже если сельские хозяева получали хороший урожай, им не всегда удавалось выгодно его реализовать; отечественная хлебная торговля была крайне дезорганизована и находилась под контролем соблюдающих в первую очередь свои интересы иностранных фирм, зерно (главный предмет экспорта) скупалось у производителей за бесценок, иногда ниже себестоимости. Как важнейшие факторы, препятствующие выгодной реализации отечественной сельскохозяйственной продукции, Мигулин рассматривал отсутствие развитой сети элеваторов, малую протяжённость и бессистемность шоссе, плохую организацию работы железнодорожного транспорта, низкий уровень развития речного и морского флота, отсутствие правильно поставленного консульского института. Он считал нерациональной и сложившуюся структуру экспорта, в которой преобладали необработанные сельскохозяйственные продукты.

Улучшение земельного обеспечения крестьян, переход к интенсивным приёмам ведения хозяйства, организация производства и сбыта сель-

хозпродукции требовали наличия свободных денежных капиталов; однако не имеющие личных сбережений земледельцы не могли рассчитывать и на доступный сельскохозяйственный кредит. Мигулин подчёркивал, что сильнейший удар по отечественному аграрному сектору нанесла банковская реформа 1859-1860 гг., проведённая накануне отмены крепостного права, в столь ответственный момент крестьяне и помещики были оставлены в хозяйственном смысле на произвол судьбы. Несовершенство созданной после ликвидации казённых кредитных установлений банковской системы ещё усугубило это положение: наибольшее развитие как в частном, так и в государственном секторах получил ипотечный кредит, кредит же краткосрочный и мелиоративный находился в зачаточном состоянии.

Финансовая политика России на рубеже XIX-XX вв. также была далека от совершенства: главное внимание уделялось пополнению доходной части государственного бюджета, проблемы производительных расходов (кроме того, что касалось добывающей и обрабатывающей промышленности) и расходов на социальные нужды населения отходили на второй план. Не отличалась рациональностью налоговая система: как в области прямого, так и в области косвенного обложения, основная её тяжесть (особенно в сфере косвенных налогов) лежала на плечах малообеспеченных слоёв общества, большинство из которых составляли крестьяне.

Перечисленные проблемы, ведущие к ухудшению ситуации в российском сельском хозяйстве, требовали немедленного вмешательства государства, проведения целого комплекса преобразований. На это и была направлена созданная П.П. Мигулиным программа реформ, затрагивающих не только сельскохозяйственную отрасль и нацеленных на радикальное решение аграрного вопроса. Обращаясь к проблеме финансирования предстоящих преобразований, ученый акцентировал внимание на использовании в этом процессе иностранных кредитов и инвестиций, а также доходов от хозяйственной деятельности государства. Одной из важных особенностей его проекта было пристальное внимание не только к производственной, но и социальной сфере российской деревни, в частности к состоянию системы народного образования: им составлен финансовый проект введения в стране всеобщего обязательного начального образования.

Предложенный учёным способ решения земельного вопроса – расширение принадлежащих крестьянам угодий (за счёт переселения значительного их числа в азиатскую часть страны и дополнительного земельного наделения остающихся на её европейской территории) – преследовал решение важнейшей экономической задачи: увеличения производства продуктов питания. При этом он был убеждённым сторонником частной собственности на землю (имеющей, однако, ряд ограничений), выступал против национализации земли. Непременным условием решения земельного и аг-

рарного вопроса в целом он считал урегулирование земельного законодательства и введение нового юридического института – особого типа индивидуально-семейного владения, лучшим образцом которого признавал гомстед – заповедный семейный участок с принадлежащим к нему имуществом (институт, созданный в XIX в. в США и заимствованный некоторыми колониями Англии, а также рядом государств Западной Европы).

Программа Мигулина предусматривала введение обязательного государственного страхования посевов от неурожая, смягчающего последствия негативного влияния природно-климатических условий на аграрный сектор экономики и стимулирующего процесс интенсификации сельского хозяйства; на достижение первой из обозначенных целей было направлено и предложенное им проведение масштабных мелиоративных работ.

Большое внимание в программе уделялось облегчению условий экспорта отечественной сельскохозяйственной продукции (преимущественно зерновых культур), с чем связывались не только развитие аграрного сектора экономики и повышение благосостояния товаропроизводителей, но также проблема обслуживания и погашения российского внешнего долга. Мигулин был противником введения государственной хлебной монополии и предлагал направить усилия властей на поддержание выгодного для земледелия уровня цен на его продукцию: организацию общения между товаропроизводителями с целью выработки ими единой ценовой и сбытовой политики; строительство необходимого для предотвращения массового осеннего выброса на рынок хлеба количества зернохранилищ; развитие транспортной инфраструктуры. Учёный настаивал на необходимости совершенствования консульского института, создании за рубежом развитой сети государственных торговых агентов. Его программа предполагала и изменение существующей структуры экспорта: переориентирование с поставок на мировой рынок необработанных сельскохозяйственных продуктов на вывоз готовой продукции.

Центральным пунктом программы Мигулина было создание отлаженного механизма кредитной поддержки аграрного сектора экономики, без чего не имели смысла, да и были невозможны все остальные предложенные им мероприятия. Учёный предусматривал развитие не только ипотечного, но также краткосрочного и мелиоративного кредита. С этой целью он предложил свой вариант реорганизации существующей банковской системы, включающий в себя, помимо прочего, преобразование функционирующих (Крестьянского и Дворянского) и создание нового (Сельскохозяйственного) банков. Мигулин подчёркивал важность развития системы мелких кредитных учреждений на началах взаимности, способной сделать сельскохозяйственный кредит доступным для населения в масштабах всей страны.

Учёным был предложен и вариант реформы (на основе достижений современной науки и накопленного передовыми западными странами практического опыта) отечественной финансовой политики, в основу которой должны были быть положены социальные принципы. Налоговая система претерпевала изменения как в сфере прямого, так и в сфере косвенного обложения, направленные на более равномерное распределение налогового бремени, перераспределение налоговых поступлений между государственным и местными бюджетами, большее привлечение к уплате налогов состоятельных классов и частичное освобождение от них классов малоимущих. Расходовать полученные в результате реформы средства предполагалось в производительных целях и на социальные нужды населения.

Актуальность на данный момент выдвинутых Мигулиным столетие назад идей прежде всего связана с основополагающим принципом, из которого он исходил при создании своей программы преобразований, предусматривающим наличие действенной поддержки отечественного сельского хозяйства со стороны государства. Опыт современных либеральных реформ показал, что их инициаторы переоценили роль рынка как саморегулируемого экономического института в развитии аграрного сектора, тем более в условиях перехода от планово-централизованной к рыночной экономике. Мы лишний раз на практике убедились в том, что было изложено в теории столетие назад и могло, при условии лучшего знания истории отечественной экономической мысли, а также уважительного и рационального отношения к наследию предков, предотвратить множество ошибок и не допустить применения к населению огромной страны «шока без терапии». В среде учёных и политиков с каждым годом всё более крепнет осознание потребности возврата к активной регулирующей роли государства в экономике в целом, и в сельском хозяйстве в частности.

На современном этапе представляется целесообразной реализация следующих мероприятий, предложенных Мигулиным на рубеже XIX-XX вв. (при условии тщательной, учитывающей сегодняшние реалии разработки):

1. Введение института неделимого индивидуально-семейного владения, способного помочь эффективному проведению земельной реформы, реально обезопасить сельхозпроизводителей от разорения, устранить существующий в обществе вокруг проблемы частной собственности на землю конфликт.

2. Введение обязательного государственного страхования посевов от вызванного негативным влиянием природно-климатических условий неурожая, что устранил опасность разорения в этом случае индивидуальных и коллективных хозяйств, способствует интенсификации ведения сельского хозяйства.

3. Проведение при активном участии государства масштабных мелиоративных работ.

4. Создание режима наибольшего благоприятствования для развития экспорта российской сельхозпродукции (на начальном этапе – зерновых культур): объединение производителей с целью согласования и координации своих действий, выработки единой структурной, ценовой и сбытовой политики, реального участия в формировании государственной зерновой политики, лоббирования своих экономических интересов в федеральных и региональных органах законодательной и исполнительной власти; предотвращение массового выброса продукции на рынок и, как следствие, снижения цен на неё; развитие транспортной инфраструктуры; строительство необходимого количества элеваторов; поощрение экспорта переработанной продукции; недопущение во внешнеэкономической сфере экономического либерализма, всемерная поддержка отечественных производителей и экспортёров.

5. Создание отлаженного механизма кредитной поддержки сельскохозяйственной отрасли, активное участие в этом процессе государства, содействие с его стороны развитию мелких кредитных учреждений, в частности сельских кредитно-сберегательных кооперативов.

6. Увеличение государственных расходов на социальные нужды населения, соблюдение социального принципа при реформировании налоговой системы, чёткое распределение налоговых полномочий между различными уровнями власти.

Таким образом, проанализированные в ходе исследования работы профессора Мигулина представляют не только зеркальное отражение аграрного вопроса конца XIX – начала XX в., но и могут помочь осознанию причин и сути происходящих в отечественном сельском хозяйстве на современном этапе процессов, содержат ряд не утративших своей актуальности предложений по выводу из кризиса аграрного сектора экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агро-продовольственная сфера // Российская экономика: прогнозы и тенденции. – 2002. – № 2. – С. 6-8.
2. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904. – М., 1980.
3. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX вв.). – М., 1969.
4. Анфимов А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 58-76.
5. Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. – СПб., 2001.
6. Беседа с проф. Мигулиным // Русское слово. – 1914. – № 107. – С. 4.
7. Билимович А.Д. Марксизм (Изложение и критика). – Сан-Франциско, 1954.
8. Блюмин И.Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. – М., 1940.
9. Боголепов М.И. Денежное обращение в Европе накануне войны // Торгово-промышленная газета. – 1915. – № 88. – С. 1.
10. Боголепов М.И. Вопросы денежного обращения // Торгово-промышленная газета. – 1915. – № 91. – С. 1.
11. Боголепов М.И. Страховая система продовольственного дела // Экономист России. – 1911. – № 49. – С. 1-2.
12. Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. – СПб., 1907.
13. Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. III изд. – М., 1974. – Т. 16.
14. Бочкарёва Е.И. Из истории аграрной политики царизма в годы первой русской революции // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. – 1947. – Т. 61. – С. 25-47.
15. Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. – М., 1999.
16. Булгаков С.Н. Без плана: «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. – 1904. – № 10. – С. 260-277.
17. Бюджет страны – суть и содержание государственной политики // Финансы. – 2001. – № 5. – С. 7-18.
18. В.Б. Из Пензенской деревни // Экономическая газета. – 1904. – № 36. – С. 617-619.
19. В провинции. Ницца // Последние новости. – 1932. – № 4296. – С. 3.
20. Весь Петербург. Адресно-справочная книга. – СПб., 1908. – Отд. III.
21. Весь Петербург. Адресно-справочная книга. – СПб., 1909. – Отд. III.
22. Витте С.Ю. Воспоминания. – Таллин-М., 1994. – Т. 3.
23. Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1904.
24. Вишняк М.В. О диктатуре // Современные записки. – 1929. – Т. 39. – С. 360-394.
25. В.В. Новый труд о денежной реформе [Рец. на кн.: Мигулин П.П. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893-1902). – Харьков, 1902.] // Вестник Европы. – 1902. – Кн. XI. – С. 361-373.
26. Воейков А.И. К вопросу о страховании урожаев (По поводу статьи проф. Мигулина в № 45 «Экономиста России») // Экономист России. – 1911. – № 50. – С. 2-3.

27. Волков В.Н. Российская экономика: основные итоги 2001 года // Деньги и кредит. – 2002. – № 2. – С. 3-11.
28. Всемирная история экономической мысли / Гл. ред. В.Н. Черковец. – М., 1989. – Т. 3.
29. Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1900 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1900. – № 1. – С. 3-10.
30. Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. – М., 1997.
31. Гедимин В.Н. Романовский мелиоративный фонд и очередные задачи в области земельных улучшений // Новый экономист. – 1914. – № 29. – С. 4-7.
32. Гензель П.П. [Рец. на кн.: Мигулин П.П. Русский государственный кредит. – Харьков, 1907. Т. III. Вып. V. Итоги министерства Витте и обзор кредитных государственных операций.] // Критическое обозрение. – 1907. – Вып. I. – С. 69-70.
33. Грасс Л.И. Записка об учреждении «Общества для страхования сельскохозяйственных посевов от неурожая». – Казань, 1890.
34. Грасс Л.И. Страхование сельскохозяйственных посевов от неурожая. – Казань, 1892.
35. Гумеров Р. Десять лет аграрной реформы: куда пришли и что делать? // Российский экономический журнал. – 2000. – № 9. – С. 35-51.
36. Гумеров Р. Ещё раз о коллизиях движения к земельному рынку // Российский экономический журнал. – 2001. – № 2. – С. 53-58.
37. Гусейнов Р. История экономики России: Учебное пособие. – М., 1999.
38. Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. – М., 1956.
39. Дякин В.С. Выбор пути экономического развития России (конец XIX – начало XX в.) // Реформы или революция? Россия 1861-1917. – СПб., 1992. – С. 188-199.
40. Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892-1914 гг.: (Аграрный кредит в экономической политике царизма). – СПб., 1997.
41. История русской экономической мысли / Под ред. А.И. Пашкова. – М., 1966. – Т. III, Ч. I.
42. История экономических учений: Учебное пособие / Под ред. В.С. Автономова, О.И. Ананьина, Н.А. Макашевой. – М., 2000.
43. История экономического развития России: Учебное пособие для вузов / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000.
44. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905.
45. Кауфман И.И. Отзыв о брошюре проф. П.П. Мигулина «Русский Сельскохозяйственный Банк» // Россия. Гос. Совет. Временные организации. Совещания. – Б.м., 1903. – Т. 34.
46. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875-1914 гг. (Очерки правительственной политики). – Л., 1978.
47. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж, 1971.
48. Ковалёв Е.В. Экспортная специализация сельского хозяйства России: утопия или возможность // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 4. – С. 36-43.
49. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX вв. – М., 1974.

50. Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903-1919 гг. – М., 1992. – Кн. 1.
51. Комарова Н.В., Кузнецова Н.П. Из истории страхования // Очерки истории бизнеса: Сб. статей / Под ред. Н.П. Кузнецовой, Н.С. Бабинцевой, К. Рихтера. – СПб., 2001. – С. 7-21.
52. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX вв. – М., 1988.
53. Корицкий Э.Б. Мир идей А.Д. Билимовича (Из истории экономической мысли русской эмиграции). – СПб., 1997. – Ч. I.
54. Корицкий Э.Б., Карашев А.В., Нинчиева Г.В. Экономисты русского зарубежья 20-50-х годов: либеральное течение: Учебное пособие. – СПб., 1999.
55. Корицкий Э.Б., Нинчиева Г.В., Дмитриев А.Л., Шетов В.Х. Экономисты русской эмиграции: Учебное пособие / Под общ. ред. Э.Б. Корицкого. – СПб., 2000.
56. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) / Сост. Д.И. Багaley, Н.Ф. Сумцов, В.П. Безескул. – Харьков, 1906.
57. Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. – М., 1993.
58. Лебедев А.Н. Взаимное страхование и его значение для сельского хозяйства // Финансы. – 2002. – № 2. – С. 56-58.
59. Лебедев В.А. [Рец. на кн.: Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1899). Опыт историко-критического обзора. – Харьков, 1899. Т. 1.] // Народное хозяйство. – 1900. – Кн. I. – С. 161-168.
60. Лортикян Э.Л. Украинские экономисты первой трети XX столетия: очерки истории экономической науки и экономического образования. – Харьков, 1995.
61. Материалы по денежной реформе 1895-1897 гг. / Под ред. А.И. Буковецкого. – Пг.-М., 1922. – Вып. I.
62. Мигулин П.П. Аграрная реформа // Слово. – 1906. – № 479. – С. 2.
63. Мигулин П.П. Аграрный вопрос // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 1-19.
64. Мигулин П.П. Аграрный проект трудовой группы // Слово. – 1906. – № 495. – С. 2.
65. Мигулин П.П. Банк для уничтожения интенсивного сельского хозяйства // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 73-77.
66. Мигулин П.П. Боевая готовность наших железных дорог // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 302-315.
67. Мигулин П.П. Борьба с голодом и страхование от неурожая // Голос Земли. – 1912. – № 1. – С. 4.
68. Мигулин П.П. Борьба с пьянством и винная монополия // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 285-304.
69. Мигулин П.П. Бумажные деньги // Новый экономист. – 1915. – № 15. – С. 3-6.
70. Мигулин П.П. Внешняя торговля в 1905 году // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 61-67.
71. Мигулин П.П. Внешняя торговля России в 1904 году // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 43-51.
72. Мигулин П.П. Внешняя торговля России и её торговый флот. К вопросу о субсидировании казною русских пароходных линий. – СПб., 1911.

73. Мигулин П.П. Война и наши финансы. – Харьков, 1905.
74. Мигулин П.П. Вопросы нашей внешней торговли // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 52-60.
75. Мигулин П.П. Всеподданнейшая записка // Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.) // Материалы по истории крестьянских движений в России / Под ред. Б.Б. Веселовского, В.И. Пичета, В.М. Фриче. – М.-Л., 1924. – Вып. 4.
76. Мигулин П.П. Всероссийский хлебный и мукомольный банк // Экономист России. – 1909. – № 41. – С. 1-3.
77. Мигулин П.П. Где выход? // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 380-389.
78. Мигулин П.П. Голод // Экономист России. – 1911. – № 44. – С. 1-3.
79. Мигулин П.П. Голодная деревня // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 20-29.
80. Мигулин П.П. Ещё к земельному вопросу // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 95-104.
81. Мигулин П.П. Железнодорожный вопрос // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 324-341.
82. Мигулин П.П. Законопроект о семейных заповедных земельных участках // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 129-143.
83. Мигулин П.П. Записка о финансовой готовности России к войне. – Харьков, 1904.
84. Мигулин П.П. Захватное право // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 78-82.
85. Мигулин П.П. Землеустроительные комиссии // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 105-108.
86. Мигулин П.П. Игра в жмурки // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 83-94.
87. Мигулин П.П. Из мира фантазии в область действительности // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 155-163.
88. Мигулин П.П. Из прошлого и настоящего нашего грюндерства // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 305-313.
89. Мигулин П.П. Исторические параллели // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 417-423.
90. Мигулин П.П. К вопросу о земельном устройстве крестьян // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 52-66.
91. Мигулин П.П. К вопросу о самостоятельности государственного банка // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 113-123.
92. Мигулин П.П. К вопросу о частном железнодорожном строительстве. – СПб., 1910.
93. Мигулин П.П. К вопросу об организации хлебной торговли // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 168-179.
94. Мигулин П.П. К разрешению аграрного вопроса // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 92-128.
95. Мигулин П.П. Как бороться с голодом? (К вопросу о страховании урожая) // Экономист России. – 1911. – № 45. – С. 3-6.

96. Мигулин П.П. Кто виноват? // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 399-407.
97. Мигулин П.П. Накануне банкротства // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 390-398.
98. Мигулин П.П. Наследственный налог // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 109-118.
99. Мигулин П.П. Наша валюта и вопрос о мелких казначейских билетах // Новый экономист. – 1915. – № 18. – С. 3-7.
100. Мигулин П.П. Наша финансовая программа // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 1-30.
101. Мигулин П.П. Наши культурные очередные задачи // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 1-26.
102. Мигулин П.П. Неурожай и страхование посевов // Новый экономист. – 1914. – № 27-28. – С. 1-3.
103. Мигулин П.П. Неурожай и хлебные цены // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 30-39.
104. Мигулин П.П. Новые проекты железных дорог // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 383-389.
105. Мигулин П.П. О кредите кустарям // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 162-167.
106. Мигулин П.П. Опасная игра // Слово. – 1905. – № 312. – С. 1-2.
107. Мигулин П.П. Основной вопрос нашего сельского хозяйства // Экономист России. – 1909. – № 23. – С. 2-4.
108. Мигулин П.П. От автора // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. I-X.
109. Мигулин П.П. Памяти особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 438-446.
110. Мигулин П.П. Переселенческий вопрос // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 119-128.
111. Мигулин П.П. Письмо гр. С.Ю. Витте // Аграрный вопрос в Совете министров (1906) // Материалы по истории крестьянских движений в России / Под ред. Б.Б. Веселовского, В.И. Пичета, В.М. Фриче. – М.-Л., 1924. – Вып. 4. – С. 157-159.
112. Мигулин П.П. Полемика с К.Ф. Головиным о земельном вопросе // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 67-72.
113. Мигулин П.П. Поучительные цифры (По поводу отчёта Государственного Контроля за 1905 г., предварительных сведений об исполнении росписи 1906 г. и бюджетных предположений на 1907 г.) // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 233-243.
114. Мигулин П.П. Почему для организации хлебной торговли нужен специальный банк? // Экономист России. – 1909. – № 37. – С. 1-4.
115. Мигулин П.П. Проект подоходного налога // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 174-181.
116. Мигулин П.П. Проект сельскохозяйственного банка // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 201-228.

117. Мигулин П.П. Проект хлебного и мукомольного банка // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 180-187.
118. Мигулин П.П. Регулирование бумажной валюты в России. – Харьков, 1896.
119. Мигулин П.П. Результаты винной монополии // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 182-191.
120. Мигулин П.П. Реформа законов о переселении // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 144-161.
121. Мигулин П.П. Русская аграрная проблема и сельскохозяйственная катастрофа в Советской России // Труды кружка К познанию России. Вып. I (1929-1934). – Париж, 1934. – С. 21-34.
122. Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Т. I. Эпоха 1769-1886 гг. – Харьков, 1899.
123. Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Т. II. Министерство И.А. Вышнеградского (1887-1892). – Харьков, 1900.
124. Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Т. III. Министерство С.Ю. Витте и задачи будущего. Вып. I. Конверсионные операции в 1893-1901 гг. – Харьков, 1901.
125. Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Т. III. Министерство С.Ю. Витте и задачи будущего. Вып. II. Реформа денежного обращения и связанные с ней операции. – Харьков, 1902.
126. Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Т. III. Министерство С.Ю. Витте и задачи будущего. Вып. III. Железнодорожные займы и железнодорожная политика 1893-1902 гг. – Харьков, 1903.
127. Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Т. III. Министерство С.Ю. Витте и задачи будущего. Вып. IV. Банковая политика и государственный ипотечный кредит в 1893-1902 гг. – Харьков, 1904.
128. Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Т. III. Министерство С.Ю. Витте и задачи будущего. Вып. V. Итоги министерства Витте и обзор кредитных государственных операций. – Харьков, 1907.
129. Мигулин П.П. Русский сельскохозяйственный банк. К вопросу о нуждах нашей сельскохозяйственной промышленности. – Харьков, 1902.
130. Мигулин П.П. Сельскохозяйственный кредит // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 139-145.
131. Мигулин П.П. Сибирско-алаянская железная дорога // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 368-378.
132. Мигулин П.П. Страхование посевов от неурожая // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 139-145.
133. Мигулин П.П. Финансовые затруднения // Слово. – 1906. – № 489. – С. 2.
134. Мигулин П.П. Финансовые злоупотребления перед лицом Государственной Думы // Слово. – 1906. – № 473. – С. 2.
135. Мигулин П.П. Финансовый план // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 27-64.

136. Мигулин П.П. Финансовый проект введения в России всеобщего обязательного образования // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 431-437.
137. Мигулин П.П. Хлебная монополия // Экономист России. – 1912. – № 19-20. – С. 1-3.
138. Мигулин П.П. Хлебный банк // Экономист России. – 1911. – № 23. – С. 2-3.
139. Мигулин П.П. Чем возместить выкупные платежи // Мигулин П.П. Аграрный вопрос. – Харьков, 1906. – С. 45-51.
140. Мигулин П.П. Что даст подоходный налог? // Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. – Харьков, 1907. – С. 166-173.
141. Мигулин П.П. Что надо делать? // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 424-430.
142. Мигулин П.П. Шоссейный вопрос // Новый экономист. – 1913. – № 48. – С. 3-4.
143. Мигулин П.П. Экономическая программа земского центра // Слово. – 1905. – № 271. – С. 5-6.
144. Мигулин П.П. Экономический рост русского государства за 300 лет (1613-1912). – М., 1913.
145. Мигулин П.П., Сазонов Г.П. Записка об орошении Закаспийской области // Мигулин П.П. Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. – Харьков, 1910. – С. 461-481.
146. Москва, 1 апреля // Русские ведомости. – 1915. – № 73. – С. 1-2.
147. Мякотин В.А. Идея земского собора в русском прошлом и настоящем // Труды Императорского Вольного Экономического Общества. – 1905. – Т. 2. – Кн. 4-6. – С. 21-35.
148. Никитский А. Опасный проект и ложная теория // Современник. – 1915. – № 5. – С. 228-236.
149. Никольский П.А. [Отзыв на кн.: Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1899). Опыт историко-критического обзора. – Харьков, 1899. – Т. 1.] // Учёные записки Императорского Казанского университета. – 1900. – Кн. VII-VIII. – С. 1-13.
150. Новые деньги // Русские ведомости. – 1915. – № 70. – С. 3.
151. Новый энциклопедический словарь. – Пг., Б.г. – Т. 26.
152. О необходимости немедленно воспретить фальсификацию и засорение вывозимых из России хлебных продуктов // Южно-русская сельскохозяйственная газета. – 1895. – № 2. – С. 16-17.
153. Об утверждении устава Всероссийского Банка для хлебной торговли // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. – 1910. – № 45. – Отд. II. – С. 316-317.
154. Обзор основных тенденций российской экономики // Вопросы экономики. – 2002. – № 5. – С. 39-83.
155. Озеров И.Х. Итоги экономического развития России // Три века. Россия от смуты до нашего времени: Исторический сборник под ред. В.В. Каллаша / Сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. – М., 1995. – Т. 6. – С. 304-327.
156. Озеров И.Х. Экономическая Россия, её финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. – М., 1905.
157. Отзывы о новом финансовом курсе. Проф. П.П. Мигулин // Русское слово. – 1914. – № 26. – С. 5.

158. Отчёт о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1911 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1912. – Кн. 3. – С. 1-176.
159. П.Л. Системы продовольственного обеспечения и страхование посевов // Торгово-промышленная газета. – 1911. – № 289. – С. 1.
160. П.Л. Системы продовольственного обеспечения и страхование посевов. II // Торгово-промышленная газета. – 1911. – № 290. – С. 2.
161. Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. – М., 1968.
162. Постановление съезда сельских хозяев по земельному вопросу // Аграрный вопрос в Совете министров (1906) // Материалы по истории крестьянских движений в России / Под ред. Б.Б. Веселовского, В.И. Пичета, В.М. Фриче. – М.-Л., 1924. – Вып. 4. – С. 154-157.
163. Приглашение русских учёных // Последние новости. – 1931. – № 3706. – С. 4.
164. Промышленный кризис в России [Рец. на кн.: Мигулин П.П. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893-1902). – Харьков, 1902.] // Киевлянин. – 1902. – № 107. – С. 1-2.
165. Промышленный кризис. II [Рец. на кн.: Мигулин П.П. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893-1902). – Харьков, 1902.] // Киевлянин. – 1902. – № 109. – С. 2-3.
166. Проскурякова Н.А. Земельный кредит и буржуазно-аграрная эволюция России в конце XIX – начале XX вв.: – Дис. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. – М., 1993.
167. Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского Университета 30 января 1912 года // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского Университета за 1912 год. – СПб., 1914.
168. Пушкарёва В.М. История финансовой мысли и политики налогов. – М., 1996.
169. [Рец. на кн.: Мигулин П.П. Выкупные платежи. К вопросу об их понижении. – Харьков, 1904.] // Русская мысль. – 1904. – № 9. – С. 296-298.
170. [Рец. на кн.: Мигулин П.П. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893-1902).] // Вестник Европы. – 1902. – Кн. IX. – Библ. Л.
171. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни (1920-1940). Франция. – М., 1995. – Т. 1 (1920-1929).
172. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни (1920-1940). Франция. – М., 1995. – Т. 2 (1930-1934).
173. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни (1920-1940). Франция. – М., 1996. – Т. 3 (1935-1940).
174. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни (1940-1975). Франция. – М., 2000. – Т. 5 (1940-1954).
175. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. – СПб., 1998.
176. Сабанти Б.М. Финансы современной России: Учебное пособие. – СПб., 1993.
177. Симонова М.С. Аграрная политика самодержавия в 1905 г. // Исторические записки. – 1968. – Т. 81. – С. 199-215.
178. Симонова М.С. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в. // История СССР. – 1963. – № 1. – С. 65-82.
179. Симонова М.С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. – М., 1970. – С. 424-434.

180. Совещание о сельскохозяйственном банке // Экономист России. – 1910. – № 18. – С. 11-12.
181. Совещание о сельскохозяйственном банке // Экономист России. – 1910. – № 19. – С. 10-12.
182. Совещание о сельскохозяйственном банке // Экономист России. – 1910. – № 21. – С. 13.
183. Солоусов А.С. Аграрная политика самодержавия в освещении консервативной периодической печати конца XIX – начала XX вв.: Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – СПб., 1998.
184. Сооружение зернохранилищ Государственным банком // Экономист России. – 1911. – № 25. – С. 2-3.
185. Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. – М., 1998.
186. Таранков В.И. Ценные бумаги Государства Российского. – М.-Тольятти, 1992.
187. Терехов В. Стратегия природопользования // Экономист. – 2002. – № 3. – С. 40-52.
188. Тимашев С.И. Отзыв о брошюре проф. П.П. Мигулина «Русский Сельскохозяйственный Банк» // Россия. Гос. Совет. Временные организации. Совещания. – Б.м., 1903. – Т. 34.
189. Траурное объявление // Русские новости. – 1948. – № 181. – С. 6.
190. Три века. Россия от смуты до нашего времени: Исторический сборник под ред. В.В. Каллаша / Сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. – М., 1991. – Т. 1.
191. Туган-Барановский М.И. Новые бумажные деньги // Речь. – 1915. – № 109. – С. 2.
192. Туган-Барановский М.И. Новые бумажные деньги // Речь. – 1915. – № 111. – С. 1.
193. Финансовые буффонады // Новое время. – 1915. – № 14 042. – С. 4-5.
194. Финансы: Учебник для вузов / Под ред. Романовского М.В., Врублевской О.В., Сабанти Б.М. – М., 2001.
195. Хейфец Б.А. Кредитная история России: от Екатерины I до Путина. – М., 2001.
196. Чернышёв И.В. Задача Государственной Думы в области реформы крестьянского права // Труды Императорского Вольного Экономического Общества. – 1907. – Т. 1. – Кн. 1-3. – С. 33-52.
197. Шванк В. Элеваторный вопрос // Новый экономист. – 1913. – № 14. – С. 7-8.
198. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. – М., 1987.
199. Широкоград Л.Д. А.И. Буковецкий и развитие финансовой науки и экономического образования в Санкт-Петербурге. – СПб., 1994.
200. Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред. А.М. Румянцев. – М., 1975. – Т. 2.
201. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. – М., Б.г. – Т. 28.
202. Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905). – Харьков, 1908.
203. Яснопольский Н.П. [Отзыв на кн.: Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1899). – Харьков, 1900. Т. 2. Министерство И.А. Вышнеградского.] // Университетские известия. – 1902. – № 4. – С. 1-58.
204. Brown J., Grant S. The Russian Empire and Soviet Union. – Boston, 1981.
205. Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt. – Berlin und Leipzig. 1925.

Архивные материалы

- 1* ОР РНБ, ф. 541, № 311.
- 2* РГИА, ф. 560, оп. 38, ед. хр. 191, л. 53 об., 64, 65 об.
- 3* РГИА, ф. 733, оп. 123, д. 9, л. 60, 66-72, 84, 87.
- 4* РГИА, ф. 733, оп. 150, ед. хр. 1066, л. 71-75 об.
- 5* РГИА, ф. 733, оп. 150, ед. хр. 1067, л. 212-212 об., 214-214 об.
- 6* РГИА, ф. 733, оп. 150, ед. хр. 1300, л. 116-116 об.
- 7* РГИА, ф. 733, оп. 150, ед. хр. 1406, л. 77-77 об.
- 8* РГИА, ф. 733, оп. 151, ед. хр. 218, л. 81-83, 86-87 об.
- 9* РГИА, ф. 733, оп. 151, ед. хр. 390, л. 57-58 об.
- 10* РГИА, ф. 733, оп. 153, ед. хр. 400, л. 120.
- 11* РГИА, ф. 733, оп. 225, ед. хр. 311, л. 27-35.
- 12* РГИА, ф. 740, оп. 19, д. 5, л. 47-47 об.
- 13* РГИА, ф. 777, оп. 18, ед. хр. 419.
- 14* РГИА, ф. 1044, оп. 1, ед. хр. 394.
- 15* РГИА, ф. 1276, оп. 8, д. 500, л. 1-6.
- 16* РГИА, ф. 1328, оп. 2, ед. хр. 38, л. 287-294 об.
- 17* РГИА, ф. 1571, оп. 1, ед. хр. 64, л. 1-12.
- 18* РГИА, ф. 1571, оп. 1, д. 288.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Творческая биография П.П. Мигулина	8
ГЛАВА 2. Необходимость социального переустройства общества – центральная проблема российской экономической мысли рубежа XIX-XX вв.	32
2.1. Характерные особенности российской экономической мысли рубежа XIX-XX вв.	32
2.2. Возрождение России: социалистическое государство или государственный социализм?	35
ГЛАВА 3. Постановка аграрного вопроса в работах П.П. Мигулина	52
3.1. Политика индустриализации страны и её последствия	52
3.2. Земельный вопрос	59
3.3. Влияние природно-климатических факторов на состояние аграрного сектора экономики	72
3.4. Условия экспорта сельскохозяйственной продукции	77
3.5. Кредитное обеспечение аграрного сектора экономики	89
3.6. Финансовая политика государства и её результаты	108
ГЛАВА 4. Аграрная программа П.П. Мигулина	120
4.1. Радикальные комплексные реформы – залог разрешения аграрного вопроса	120
4.2. Увеличение производства продуктов питания как центральная проблема в решении земельного вопроса	129
4.3. Обязательное государственное страхование посевов от неурожая и мелиоративные работы	147
4.4. Облегчение условий экспорта сельскохозяйственной продукции	159
4.5. Создание отлаженного механизма кредитной поддержки аграрного сектора экономики	171
4.6. Проведение научно обоснованной финансовой политики	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	197
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	203

Научное издание

Балахонова Елена Викторовна

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ: КАК ЭТО МОГЛО БЫТЬ

Из истории отечественной экономической мысли

Редактор Е.Д.Груверман

Лицензия ЛР № 020412 от 12.02.97

Подписано в печать 30.12.03. Формат 60х84 1/16. Бум. офсетная.
Печ. л. 13,3. Бум. л. 6,7. РТП изд-ва СПбГУЭФ. Тираж 200 экз. Заказ 1118.

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета
экономики и финансов
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Отпечатано в «Центре оперативной полиграфии»
191186, Санкт-Петербург, наб. кан. Грибоедова, д. 27.